

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ
В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИЙ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СПОСОБНОСТИ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
С ЛИЧНОСТНЫМИ, РЕГУЛЯТОРНЫМИ И МОТИВАЦИОННЫМИ
ОСОБЕННОСТЯМИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

2021 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2021 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 19.00.05 – социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology; 19.00.03 – Labour Psychology, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics; 19.00.05 – Social Psychology, Political and Economic Psychology; 19.00.07 – Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment.

ISSN 2072-8514 (print)

2021 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. – д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. – к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. – действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К. Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. – д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. – д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. – д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. – д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. – д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. – д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. – д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. – д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. – д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2021. – № 4. – 158 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2021. – № 4. – 158 p.

© MRSU, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Гудзовская А. А. Социальная идентичность как фактор продуктивности деятельности 8

Попова Т. А., Мазанова А. Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтеров 21

Цыганов И. Ю., Бондаренко И. Н. Взаимосвязь психологического благополучия с личностными, регуляторными и мотивационными особенностями у обучающихся в средней школе 40

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Забелина Е. В., Карташова А. А., Телицына А. Ю. Восприятие времени предпринимателями в сфере «зелёной» экономики 62

Кудака М. А., Смирнова О. В. Психологические особенности позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию 78

Латышева М. А. Ценностно-смысловые характеристики отношений в молодых семьях с традиционной и бездетной семейными моделями 90

Овсяник О. А., Фарбер А. В. Кросс-культурные гендерные особенности ценностных ориентаций женщин-руководителей 107

Ракитская О. Н., Кузнецова Д. А. Представления о волонтерской деятельности и социально-психологических качествах волонтеров на разных этапах профессионального обучения психологов 117

Селезнева Ю. А., Осипов И. В. Тимбилдинг как уникальный инструмент формирования «командного духа» 131

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Мишина М. М., Воробьева К. А. Индивидуально-психологические особенности подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх 145

CONTENTS

Editor column6

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- A. Gudzovskaya.* Social identity as a factor of performance productivity8
- T. Popova, A. Mazanova.* Meaningfulness of life and volunteers' personal responsibility21
- I. Tsyganov, I. Bondarenko.* Relationship of psychological well-being with personal, regulatory, and motivational characteristics of students in secondary school.40

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- E. Zabelina, A. Kartashova, A. Telitsyna.* Perception of time among entrepreneurs in the field of "green" economy62
- M. Kudaka, O. Smirnova.* Psychological features of the interaction positions among medical workers with different levels of forecasting ability78
- M. Latysheva.* Value-semantic determinants of relationships in young families with traditional and childless family models90
- O. Ovsyanik, A. Farber.* Cross-cultural gender features of value orientations of women-leaders107
- O. Rakitskaya, D. Kuznetsova.* Ideas of volunteer activities and social-psychological qualities of volunteers at different stages of professional training of psychologists117
- Yu. Selezneva, V. Osipov.* Teambuilding as a unique tool for forming «team spirit»131

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- M. Mishina, K. Vorobyeva.* Individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games.145

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В преддверии Нового 2022 года редакция журнала подводит некоторые итоги. Этот год был сложным и тяжёлым в психологическом плане не только для членов редакционной коллегии, но и для читателей.

Динамичность, непредсказуемость, информационная насыщенность, появление новых технологий, как открывающих широкий спектр возможностей для развития и самореализации, так и создающих новые риски, – всё это быстро меняет специфику социальной ситуации развития современного человека. Поэтому в журнале публикуются как популяционные, лонгитюдные научные исследования в разных областях психологии, так и поисковые, разведывательные работы, помогающие раскрыть психологический, физиологический, социальный и даже «цифровой» современный портрет человека настоящего. В журнале Вашему вниманию представляются оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, а в будущем планируется публикация информации о социальных практиках, программах, проектах, методах, технологиях, применяемых в практике работы с людьми разных категорий.

В соответствии с задачами структура журнала будет включать следующие базовые рубрики:

- «Общая психология», «Психология личности», «История психологии»;
- «Психология труда», «Инженерная психология», «Когнитивная эргономика»;
- «Социальная психология», «Политическая и экономическая психология»;
- «Педагогическая психология», «Психодиагностика цифровых образовательных сред».

Мы приглашаем авторов к сотрудничеству, предлагаем публиковать статьи практической направленности по оказанию помощи населению, снижению напряжённости в обществе, неудовлетворённости деятельностью или профессией, а также предложениями по улучшению качества жизни человека, субъективного благополучия школьников разных возрастов и молодёжи.

Журнал, который первым выйдет в свет в новом 2022 году, будет посвящён актуальным социально-психологическим проблемам практической психологии. Тематика для журнала не новая, т. к. в предыдущие годы в нём не раз публиковались статьи, освещающие эту проблематику с различных сторон. Но и здесь мы прочитаем о новых открытиях наших исследователей.

Каждый Новый год у нас традиционно ассоциируется с приятным предвкушением интересных событий, приятных перемен и надеждами на лучшее. Редакция и редакционный совет журнала поздравляет всех с наступающим Новым годом! В своём поздравлении мы желаем, чтобы год Тигра обязательно был лучше, спокойнее, удачнее, чем предыдущий. Пусть всё загаданное Вами непременно сбудется, благосостояние растёт, заветные желания исполняются, а Новый год для Вас будет золотым.

От себя поздравляю с наступающим Новым 2022 годом и Рождеством!

Желаю крепкого здоровья, радостных событий, успехов, счастья, стабильности и благополучия Вам и Вашим близким!

Благодарю за содействие редколлегию и редакционный совет журнала, руководство МГОУ и его издательский отдел (холдинг), всех авторов журнала, рецензентов, читателей и тех специалистов, которые в конечном счёте создают этот «продукт». Вместе мы сделаем наш журнал ещё лучше.

**Главный редактор журнала «Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки»
доктор психологических наук, профессор Т. И. Шульга**

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-8-20

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОДУКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гудзовская А. А.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева
443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация*

*Академия для одарённых детей (Наяновой)
443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 196, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в экспериментальном исследовании влияния актуализации множественной социальной идентичности на волевое усилие для улучшения продуктивности деятельности учащихся.

Процедура и методы. Участники контрольной и экспериментальной групп выполняли деятельность по задержке дыхания с заданной мотивацией (мотивы «личная мечта» и «общее благо»). В экспериментальной / контрольной группах в качестве независимой переменной выступил прайминг, актуализирующий множественную социальную / персональную идентичность.

Результаты, представленные в виде статистики, показывают значимое влияние прайминга на увеличение волевого усилия с заданной мотивацией «общее благо».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют сделать теоретический вывод об опосредованном влиянии актуализированной социальной идентичности на продуктивность деятельности. Практическая значимость заключается в возможности использования актуализации социальной идентичности для повышения продуктивности деятельности.

Ключевые слова: способности, мотивы деятельности, социальная идентичность, прайминг, волевое усилие, коллективизм, индивидуализм

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07489.

SOCIAL IDENTITY AS A FACTOR OF PERFORMANCE PRODUCTIVITY

A. Gudzovskaya

*Samara National Research University,
sh. Moscovskoye 34, Samara 443086, Samara Region, Russian Federation*

*Academy for Gifted Children (Nayanova),
ul. Molodogvardeyskaya 196, Samara 443001, Samara Region, Russian Federation*

Abstract

Aim is to experimentally investigate the effects of multiple social identity actualization on volitional effort to improve performance.

Methodology. Participants in the control and experimental groups performed a breath-holding activity with a given motivation (“personal dream” and “common good” motives). Priming actualizing multiple social/personal identities acted as the independent variable in the experimental/control groups.

Results. The results show a statistically significant effect of priming on the increase in volitional effort with a given “common good” motivation.

Research implications. The results of the study allow a theoretical conclusion about the mediating effect of actualized social identity on the performance productivity. The practical significance lies in the possibility of using actualized social identity to improve activity productivity.

Keywords: abilities, activity motives, social identity, priming, volitional effort, collectivism, individualism

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07489).

Введение

Идентичность человека представляет собой многокомпонентную конфигурацию, включающую в себя социальную идентичность, заключающуюся в чувстве общности и сходства с другими, и персональную идентичность, которая предполагает понимание собственной уникальности и отличности от других [1; 3; 5; 6; 8; 15]. Проблема, в рамках которой проводится настоящее исследование, заключается в недостаточной изученности характера влияния социальной идентичности на продуктивность деятельности человека, раскрытие его интеллектуальных и других способностей.

Идентичность человека имеет устойчивое ядро и компоненты, кото-

рые могут появляться в течение жизни, трансформироваться, исчезать и т. п. К ядерному компоненту идентичности относится самоосознание «я» [16]; она разделяется на общечеловеческую («я – человек»), гендерную, семейную, этнокультурную, связанную с территорией проживания, особенностями культуры и языком [3; 9; 12; 13].

В социальной психологии существует тенденция исследования идентичности в процессе социализации и профессионализации [2]. Широко представлены исследования и особенностей идентичности лиц, проживающих в разных культурных средах [4; 9; 11; 15], возрастных и гендерных особенностей идентичности [6; 14], взаимосвязи статуса идентичности с

личными характеристиками и профессиональными планами [2; 10; 12], общественными трансформациями [1; 3; 7].

Социальные когнитивные психологи Л. Рой, Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензаян обнаружили различия в функционировании когнитивных процессов в обществах с преобладанием индивидуалистической (США, Германия) или коллективистской (Япония, Китай) культур [13]. Превалирование компонентов персональной идентичности над социальной (индивидуалистическая когнитивная ориентация) положительно отражается на развитии способностей к обнаружению противоречий в информации, к независимым от контекста суждениям, лучшей понятийной категоризации объектов. Превалирование компонентов социальной идентичности над персональной (коллективистская когнитивная) ориентация положительно отражается и позволяет лучше справляться с задачами на обнаружение сходства и связей между объектами, снижение влияния фундаментальной ошибки атрибуции.

На поведение и результаты деятельности человека влияют одновременно разные компоненты идентичности, которые могут вступать в конфликт друг с другом, вызывать эффекты групповой дискриминации, субъективизма, предвзятости. Некоторые виды идентичности присваиваются человеком и остаются у него на многие годы. К ним относятся, например, профессиональная идентичность, компоненты, связанные с увлечениями («дачник», «театралка»), образом жизни и ценностями («веган», «активист», «ЗОЖник», «тиктокер»). Кроме того, социальная иден-

тичность наполняется множеством случайных компонентов, обусловленных ситуацией («пассажир автобуса № 2», «зритель телеканала НТВ», «свидетель происшествия» и др.).

Идентичность как фактор продуктивности деятельности

Социальные когнитивные психологи провели серию экспериментов, в которых идентичность рассматривается как фактор, влияющий на поведение человека и продуктивность его деятельности. Г. Тэдджел в серии экспериментов показал, что межгрупповая категоризация даже по несущественному критерию (например, склонности переоценивать или недооценивать количество нарисованных на листе точек) влияет на снижение способности объективно оценивать деятельность человека из ин- или аутгруппы [21]. Например, распределяя награды и штрафы, участники эксперимента, мальчики 14–15 лет, представителям «своей» группы назначали большую сумму наград, а представителям «чужой» – большую сумму штрафов. В такого рода ситуациях выбора более устойчивая социальная идентичность («одноклассник», «человек», «сверстник») уступала место случайной. Случайная социальная идентичность снизила способность к справедливому распределению ресурсов.

Р. ван Дик, К. Кеттурат, Дж. А. Хойссер и А. Мойзиш экспериментально выявили позитивное влияние сформированной социальной идентичности на физическое здоровье и эмоциональное благополучие человека [22]. Влияние идентичности на решение интеллектуальных задач определялось и в экспериментах с праймингом, что

отмечали в своих работах О. Ибарра, Д. Трафимов [23], Д. А. Хойссер, М. Каттенстрот, Р. ван Дик, А. Мойзиш [18]. В этих исследованиях на первом этапе в качестве прайминга, формирующего установки на предстоящую деятельность, испытуемым предлагались задания, актуализирующие социальную или персональную идентичность. О. Ибарра, Д. Трафимов просили участников эксперимента подумать и записать то, что отличает их от своей семьи и друзей, чтобы актуализировать персональную идентичность [23]. Решение следующего задания – теста включённых фигур, заключающегося в необходимости найти простую форму в сложном фоновом узоре («Тест Готтшальда»), – показало, что участники экспериментальной группы намного быстрее справились с заданием, нежели участники контрольной группы, в которой прайминг не применялся. В то же время при решении интеллектуальных заданий на поиск взаимосвязи между элементами («Тест Векслера (WISC)») результаты участников с актуализированной персональной идентичностью оказались значимо ниже, чем в экспериментальной группе, где была актуализирована социальная идентичность.

В работах Д. А. Хауссера, М. Каттерсторха, Р. ван Дика, А. Мозжича анализировалось воздействие прайминга, актуализирующего ситуативную социальную / персональную идентичность [18]. По данным их эксперимента, участники, переживающие сопричастность к экспериментальной группе, лучше справлялись со стрессом, связанным с социальной оценкой. Их организм вырабатывал меньше кортизола («гормона стресса») по сравнению с теми участниками, сре-

ди которых каждый был «сам за себя» [18]. Средствами для актуализации ситуативной социальной идентичности явились следующие приёмы:

1) все инструкции о предстоящей деятельности адресованы участникам как группе;

2) участники получили бирки с названиями групп, футболки одинакового цвета, и была сделана групповая фотография;

3) каждый участник за 3 минуты должен был записать как можно больше идей для улучшения своего университета. Затем идеи помещались в коллективную коробку, и участникам сказали, что группа с лучшими идеями получит приз;

4) у участников было 3 минуты на запись: каждый отмечал те характеристики, которые, по его мнению, совпали бы с ответами соратников по группе.

Для актуализации персональной идентичности были выполнены следующие действия: а) все инструкции были адресованы участникам индивидуально; б) участники получили индивидуальные бирки с именами и футболки, дополнительно были сделаны отдельные фотографии; в) идеи по улучшению своего университета были собраны в отдельные коробки; участникам сказали, что человек с лучшими идеями получит приз; г) участники записали характеристики, которые, по их мнению, отличают их от других участников. В обоих экспериментальных условиях участники не общались друг с другом вербально.

Процедура исследования

Целью экспериментального исследования стало определение влияния

актуализированной множественной социальной идентичности на волевое усилие по задержке дыхания в разных мотивационных условиях.

В эксперименте приняли участие 53 человека в возрасте 18–20 лет (41 девушка, 12 юношей). Все они – студенты первого курса одного вуза, обучающиеся по разным специальностям.

Дизайном эмпирического исследования выбран эксперимент с праймингом, т. к. именно к такому дизайну обращаются при необходимости исследовать влияние заданной установки на последующее поведение человека, в то время как классические исследования предусматривают два варианта дизайна: 1) создание предварительной установки в экспериментальной группе (в то время как в контрольной не даётся целенаправленной установки); 2) создание двух диаметрально противоположных установок в разных группах.

Участники исследования были разделены на две группы – экспериментальную (23 человека) и контрольную (30 человек). Независимым фактором в экспериментальной группе явился прайминг, содержащий задание, актуализирующее множественную социальную идентичность (СИ), в контрольной группе – прайминг, актуализирующий персональную идентичность (ПИ). Для участников это задание представляет собой обычный диагностический этап, о его возможном актуализирующем влиянии они не предупреждаются.

Процедура исследования представляла собой ряд последовательных этапов.

Этап прайминга. Для актуализации разных компонентов социальной

идентичности в экспериментальной группе участники заполняли бланк, на котором они должны были выразить по пятибалльной шкале степень своего сходства (от «точно не я» до «точно я») с 30 наиболее распространёнными устойчивыми характеристиками социальных групп (пол, возраст, профессия, конфессия и пр.). Для актуализации персональной идентичности участники контрольной группы на этом этапе оценивали степень выраженности у них 30 личностных качеств (из методики на самооценку С. А. Будасси) также по пятибалльной шкале. Обе процедуры занимают примерно одинаковое время – 10–15 минут.

Далее следовало 3 этапа эксперимента, одинаковых для экспериментальной и контрольной групп.

На первом этапе «фоновая задержка дыхания» участникам было предложено задержать дыхание с нейтральной инструкцией: «Давайте проверим объём Ваших лёгких. Для этого нужно набрать в лёгкие предельное количество воздуха и задержать дыхание». Экспериментатор фиксировал время задержки дыхания с помощью секундомера.

На втором этапе, главной задачей которого стало восстановление дыхания, участникам эксперимента было предложено задание из теста П. Шмидта, диагностирующего креативность. Нужно было описать, что могло бы произойти, если бы люди стали ходить на руках. Задание выполнялось индивидуально.

На третьем этапе участникам обеих групп было предложено задержать дыхание со следующей инструкцией: «Представьте, что от продолжительности задержки Вашего дыхания зависит

благополучие всего мира и всех людей на Земле». Экспериментатор фиксировал время задержки дыхания с помощью секундомера.

Четвёртый этап был предназначен для восстановления дыхания. Участники эксперимента выполняли мыслительную задачу: составляли все возможные лексические единицы из букв слова «интернализация».

Пятый этап эксперимента снова предусматривал задержку дыхания с инструкцией: «Представьте, что от продолжительности задержки Вашего дыхания зависит исполнение Вашей мечты». После фиксации времени задержки дыхания участники отмечали на бланке тип мечты, которую они выбрали как мотивирующую для себя: 1) мечта связана с приобретением чего-то предметного; мечта связана с достижением (например, окончить, выступить, победить); 2) мечта связана с отношениями с другим человеком; 3) мечта отражает желание благополучия кому-то другому, не только себе (например, победить COVID в мире).

Для оценки результатов использованы переменные: время задержки дыхания в трёх разных мотивационных условиях, динамика времени между разными условиями, тип мечты.

Анализ результатов исследования

Прайминг для экспериментальной группы содержал задание, актуализирующее множественную социальную идентичность. Наиболее однозначными категориями идентификации оказались следующие: «студент», получившая среднюю оценку 6 баллов (обозначающая степень близости «точно я»). Степень близости со сле-

дующими категориями оценивалась как «точно я» и «скорее я»: «житель планеты Земля» (4,88), «молодой человек / молодая девушка» (4,88), «русскоговорящий» (4,81), «любитель слушать музыку» (4,73), «друг / подруга» (4,54), «активный пользователь соцсетей» (4,46), «житель России» (4,46), «будущий специалист» (4,38), «крещённый человек» (4,31), «житель Самары» (4,08).

Средневыборочное время задержки дыхания с мотивом «общее благо» составило $57,4 \pm 21,0$ сек, с мотивом «личная мечта» – $63,1 \pm 26,3$ сек. Мотивы волевого усилия для задержки дыхания являются значимым фактором, влияющим на время его задержки, по сравнению с фоновым измерением для участников из обеих групп: «общее благо» (показатель анализа «ANOVA»: $F = 5,2$, $p = 0,023$) и «личная мечта» (показатель анализа «ANOVA»: $F = 11,2$, $p = 0,002$).

В таблице 1 представлены средние значения времени задержки дыхания для экспериментальной и контрольной групп в разных экспериментальных условиях, а также средние значения изменений времени задержки дыхания от фонового показателя к времени задержки дыхания, выполненной с разной мотивацией.

Для оценки значимости влияния фактора актуализации социальной идентичности использован однофакторный дисперсионный анализ «ANOVA». Время задержки дыхания в экспериментальной и контрольной группах значимо не различалось на первом этапе эксперимента при фоновом измерении (средние значения: $46,5 \pm 13,2$ и $50,6 \pm 23,4$ сек в экспериментальной и контрольной группах соот-

Таблица 1 / Table 1

Влияние прайминга на время задержки дыхания / Impact of priming on the time of breath holding

Прайминг	Время задержки дыхания (в сек.)			Разница (в сек.)	
	Фон	Общее благо	Личная мечта	Благо / фон	Мечта / фон
Экспертная группа (социальная идентичность)	46,5	61,3*	66,2	14,9***	19,8*
Контрольная группа (персональная идентичность)	50,6	53,5	60,4	2,8	10,03

Примечание. Звёздочками обозначен уровень значимости различий между экспериментальной и контрольной группами: * – $p \leq 0.05$, ** – $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

ответственно) и на пятом этапе, когда мотивом была личная мечта ($66,2 \pm 20,0$ и $60,4 \pm 30,2$ сек в экспериментальной и контрольной группах соответственно).

Дисперсионный анализ показал статистически достоверное влияние на время задержки дыхания прайминга, актуализирующего множественную социальную идентичность ($F = 4,11$, $p = 0,047$). Среднее время задержки дыхания оказалось статистически достоверно больше в экспериментальной группе ($61,3 \pm 14,2$ сек), чем в контрольной ($53,5 \pm 23,9$ сек), условиях третьего этапа эксперимента, когда мотивом волевого усилия стала идея всеобщего блага. Кроме того, в экспериментальной группе, в которой применялся прайминг, актуализирующий множественную социальную идентичность, 92,3% участников увеличили время задержки дыхания по сравнению с фоновым, в контрольной группе таких участников было меньше в два раза – 40,0%.

Прайминг, актуализирующий множественную социальную идентичность, оказал значимое влияние на величину изменения времени задержки дыхания

в разных экспериментальных условиях. Величина прироста к фоновому значению в ситуации мотивирования «общим благом» статистически значимо больше в экспериментальной группе ($14,9 \pm 13,0$ сек) по сравнению с контрольной группой ($2,8 \pm 15,5$ сек) (ANOVA: $F = 12,3$, $p = 0,000$) (см. табл. 1).

Значимые различия выявлены также по усреднённому показателю «разница времени фоновой задержки дыхания и времени задержки дыхания ради личной мечты» между экспериментальной ($19,8 \pm 15,5$ сек) и контрольной группами ($10,03 \pm 14,4$ сек) (ANOVA: $F = 5,9$, $p = 0,018$). Актуализация множественной социальной идентичности оказала влияние на тип мечты (мечта связана с приобретением, достижением, благополучием для других). В таблице 2 представлены доли участников контрольной и экспериментальной групп, представивших мечты разного типа для задержки дыхания в эксперименте.

В экспериментальной группе больше половины всех участников (57,7%) ответили, что при задержке дыхания на пятом этапе эксперимента думали о мечте, связанной с достижением

Таблица 2 / Table 2

Типы мечты, использованные для мотивации задержки дыхания (пятый этап) / The types of dream used to motivate breath-holding (fifth stage)

Прайминг	Мечта связана с:				Итого
	приобретением	достижением	отношениями	с другими, для других	
Экспер. (СИ)	7,7	57,7**	19,2	15,4	100
Контр. (ПИ)	33,3**	26,7	30,0	10,0	100

Примечание. Звёздочками обозначен уровень значимости различий между экспериментальной и контрольной группами: ** – $p \leq 0.01$.

каких-то результатов, т. е. с собственной активностью, субъектностью, деятельностью. В контрольной группе таких участников в два раза меньше (26,7%). Наиболее популярным типом мечты в контрольной группе (33,3%) стала мечта, связанная с приобретением чего-то материального, конкретного (дома, автомобиля, путёвки и пр.). Критерий «ф» (угловое преобразование Фишера) позволил выявить значимые различия для этих двух типов мечты с уровнем значимости $p \leq 0,01$. Таким образом, мы констатировали влияние прайминга на спонтанно выбираемый участниками тип личной мечты.

Обсуждение результатов

Продуктивность деятельности зависит от мотивации использования собственных способностей, волевого усилия, которое готов приложить индивид для достижения результата. В нашем исследовании мы рассматривали актуализированную множественную социальную идентичность как фактор продуктивности деятельности. Избранная нами для выполнения эксперимента деятельность по задержке дыхания обеспечивалась объёмом лёгких и про-

извольным волевым усилием, которое зависит от мотива. Дополнительный мотив «задержки дыхания ради приближения личной или общественной цели» в нашем эксперименте являлся достаточно условным, но заметно влияющим на продуктивность, т. е. на волевое усилие и, соответственно, время задержки дыхания.

Новизной нашего исследования являются особенности организации прайминга, в котором мы актуализировали множественную социальную идентичность через актуализацию размышлений о степени близости с ними. В классических исследованиях для аналогичных целей использовались приёмы актуализации социальной идентичности с абстрактной общностью «мы» [17], с друзьями [19], с семейной общностью [23], с группой участников исследования [18], с группой тех, кто имеет сходные результаты при выполнении теста [21], и др.

Прайминг, актуализирующий множественную социальную идентичность, оказал статистически достоверное влияние на увеличение волевого усилия для задержки дыхания, мотивированного «благом для всего мира и людей в мире». Результаты согласу-

ются с исследованиями социальных когнитивных психологов Р. Нисбетта, К. Пенга, Л. Роя и др. о влиянии коллективистской / индивидуалистической ориентации на склонность заботиться о личных успехах или общем благе [13]. Актуализация социальной идентичности приводит к повышению личной значимости социально значимых целей. Аналогичные результаты получены М. С. Мышкиной, которая выявила преобладание эгоцентрической позиции у школьников с индивидуалистической ориентацией в сравнении с коллективистски ориентированными школьниками (у последних чаще представлена актуальная общечеловеческая идентичность, и идентичность связанная с будущим) [12].

Кроме подтверждения главной идеи эксперимента, нами обнаружено изменение содержания личной мечты, которая выступала мотивирующей при задержке дыхания. Типичное соотношение материальных мотивов и мотива самореализации сместилось от приобретения материальных благ к мечте о достижении результатов. Полученный факт находит подтверждение в исследованиях К. Озавы, М. Кросби, Ф. Кросби [20]. Коллективом учёных было обнаружено, что коллективистски ориентированные участники исследования в большей степени одобряют и ориентированы на творческие действия по сравнению с индивидуалистически ориентированными участниками [20].

Результаты экспериментального исследования могут быть полезны в образовательном процессе, в частности при работе с мотивированием обучающихся к выполнению учебной деятельности. Поиск способов

актуализации множественной идентичности может стать одним из направлений психолого-педагогической активности.

Выводы

1. Выявлено увеличение продуктивности деятельности в условиях создания дополнительной мотивации. Время добровольной задержки дыхания увеличивается по сравнению с фоновым, если человек представляет, что от времени задержки им своего дыхания зависит осуществление его желания (личного или общесоциального).

2. Эксперимент с праймингом, актуализирующим множественную социальную идентичность, позволил выявить положительные изменения в продуктивности деятельности.

3. Прайминг, связанный с актуализацией множественной социальной идентичности, в отличие от прайминга, актуализирующего персональную идентичность, явился фактором значимого улучшения выполняемой задачи по задержке дыхания, в условиях, когда человек выполняет её, представляя, что от его усилий зависит «благополучие всего мира и всех людей на земле».

4. Эффект прайминга, связанного с актуализацией множественной социальной идентичности, наблюдался у подавляющего большинства участников эксперимента в условиях выполнения задачи с дополнительным мотивом «благополучия всего мира».

5. Актуализация множественной социальной идентичности на этапе прайминга оказала значимое положительное влияние на продуктивность выполнения задачи с дополнительной мотивацией «личная мечта». Содержание

спонтанно выбранной мечты сместились от мечты, связанной с потреблением, к мечтам, связанным с достижениями.

6. Теоретическая значимость исследования заключается в подтверждении фундаментальной идеи о влиянии

идентичности и её актуализированных компонентов на продуктивность деятельности.

*Статья поступила
в редакцию: 22.09.2021*

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования (электронный научный журнал). 2011. № 6(20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Белинская Е. П. Особенности идентичности личности и стратегии совладания с трудностями // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 27–30 июня 2019 г. / под ред. А. Д. Карнышева, В. А. Решетникова. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2019. С. 118–123.
3. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определённости к процессуальности и незавершённости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. №. 1 С. 6–15.
4. Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3. С. 75–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7313
5. Кризис идентичности и её связь с толерантностью к неопределённости / М. Ю. Кузьмин, Е. И. Миронова, А. А. Киселева, Е. А. Филинова, О. А. Осипенок // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 70–75.
6. Кузьмин М. Ю., Конопак И. А. Устойчивость и изменчивость идентичности в подростковом и юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 4. С. 113–141. DOI: 10.21702/rpj.2018.4.6
7. Марцинковская Т. Д., Преображенская С. В. Информационная социализация студентов в транзитивном мире // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 45–55.
8. Микляева А. В., Румянцева П. В. Теория социальной идентичности как источник современных практико-ориентированных психологических исследований: зарубежный опыт // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 275–278.
9. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 84–93. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
10. Молчанов С. В., Кирсанов К. А. Связь личной профессиональной перспективы и статуса идентичности в профессиональной сфере в старшем подростковом возрасте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 38–49. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-38-49.
11. Мурсалыева Г. М. Структура этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. 102–113. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-102-113.

12. Мышкина М. С. Когнитивная ориентация в содержании идентичности школьников // Психология: историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. №. 3-1. С. 114–122. DOI: 10.34670/AR.2020.61.57.013.
13. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензаян; пер. с англ. М. С. Жаммкочьян; под ред. В. С. Магуна. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 68 с.
14. Соловьева Е. Е., Попова С. И. Особенности формирования гражданской идентичности в процессе развития личности школьника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 20–34.
15. Тикунова С. В. Идентичность человека и городского архитектурно-ландшафтного пространства: точки пересечения и разрыва // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2 (100). С. 88–95. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-2100-88-95.
16. Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Азбука-Аттикус, 2020. 1055 с.
17. Gardner W. L., Gabriel S., Lee A. Y. “I” value freedom but “we” value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment // Psychological Science. 1999. Vol. 10. P. 321–326. DOI: 10.1111/1467-9280.00162
18. “We” are not stressed: Social identity in groups buffers neuroendocrine stress reactions / J. A. H. Dussler, M. Kattenstroth, R. van Dick, A. Mojzisch // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. № 4. Pp. 973–977. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.02.020
19. How self-construal affects dispositionalism in attributions / U. Kuhnen, B. Hannover, C. Pichlmann, U. R. Roeder // Social Cognition. 2013. Vol. 31. № 2. Pp. 237–259. DOI: 10.1521/soco.2013.31.2.237
20. Ozawa K., Crosby M., Crosby F. Individualism and resistance to affirmative action: A comparison of Japanese and American samples // Journal of Applied Social Psychology. 1996. Vol. 26. Pp. 1138–1152. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1996.tb02289.x
21. Tajfel H. Experiments in intergroup discrimination // Scientific American. 1970. Vol. 223. № 5. P. 96–103.
22. Van Dick R. Two sides of the same coin and two routes for improvement: Integrating resilience and the social identity approach to well-being and ill-health // Health psychology open (электронный научный журнал). 2017. Т. 4. № 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
23. Ybarra O., Trafimow D. How priming the private self or collective self affects the relative weights of attitudes and subjective norms // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. Vol. 24. № 4. P. 362–370. DOI: 10.1177/0146167298244003.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. [Towards the problem of identity crisis amid the social transformations]. In: *Psikhologicheskie Issledovaniya (электронный научный журнал)* [Psychological Research (electronic scientific journal)], 2011, no. 6 (20). Available at: <http://www.psystudy.ru/0421100116/0060> (accessed: 10.09.2021).
2. Belinskaya E. P. [Features of identity and strategies for coping with the difficulties]. In: Karnyshev A. D., Reshetnikov V. A., edc. *Mezhdisciplinarnye resursy ekonomicheskoy psihologii v formirovaniy etnoregional'noy identichnosti i pozitivnogo obraza maloy rodiny: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Irkutsk, 27–30 iyunya 2019 g.* [Interdisciplinary resources of economic psychology in the

- formation of ethno-regional identity and a positive image of a small homeland: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, Irkutsk, June 27–30, 2019]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2019, pp. 118–123.
3. Belinskaya E. P. [Modern identity studies: From structural certainty to procedure and incompleteness]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 6–15.
 4. Krasovskaya N. R. [Ethnocultural Identity]. In: *Vlast'* [The Authority], 2020, no. 28 (3), pp. 75–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7313.
 5. Kuzmin M. Yu. Mironova E. I., Kiseleva A. A., Филинова Е. А., Осипенок О. А. [Identity crisis and its relation to the tolerance to ambiguity]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2021, no. 6. pp. 70–75.
 6. Kuzmin M. Yu., Konopak I. A. [Stability and Variability of Identity in Schoolchildren and Students]. In: *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2018, vol. 15, no. 4, pp. 113–141. DOI: 10.21702/rpj.2018.4.6
 7. Martsinkovskaya T. D., Preobrazhenskaya S. V. [Informational socialization of schoolchildren in a transitive world]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2020, no. 3, pp. 45–55.
 8. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. [Social identity theory as a base for modern practically oriented psychological research: international experience]. In: *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2017, vol. 6, no. 2 (19), pp. 275–278.
 9. Mishina M. M., Mursalyeva G. M. [Comparative analysis of the formation of ethnic identity types of adolescents from different cultural environments]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 84–93. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
 10. Molchanov S. B., Kirsanov K. A. [The relationship of personal professional perspective and the status of identity in the professional sphere at the age of adolescence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 4, pp. 38–49. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-38-49.
 11. Mursaliyeva G. M. [The structure of ethnic identity of adolescents in contemporary cross-cultural space]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 2, pp. 102–113. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-102-113.
 12. Myshkina M. S. [Cognitive orientation in the content of identity of students]. In: *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2020, vol. 9, no. 3A, pp. 114–122. DOI: 10.34670/AR.2020.61.57.013
 13. Nisbett R. E., Peng K., Choi I. Culture and systems of thought: holistic versus analytic cognition. In: *Psychological review*, 2001, no. 108 (2), p. 68.
 14. Solovieva E. E., Popova S. I. [Specific features of forming civil identity in personal development of school students]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2020, no. 58, pp. 20–34.
 15. Tikynova S. V. [Identity of man and urban architectural and landscape space: points of intersection and break]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. 2021, no. 2 (100). pp. 88–95. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-2100-88-95

16. Jaspers K. Allgemeine psychopathologie (Rus. ed.: L. Akopyan transl.; Obshchaya psihopatologiya. Moscow, Azbuka-Classika Publ., 2013. 1056 p.).
17. Gardner W. L., Gabriel S., Lee A. Y. “I” value freedom but “we” value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment. In: *Psychological Science*, 1999, vol. 10, pp. 321–326. DOI: 10.1111/1467-9280.00162
18. Hdusser J. A., Kattenstroth M., van Dick R., Mojzisch A. “We” are not stressed: Social identity in groups buffers neuroendocrine stress reactions. In: *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012, vol. 48, no. 4, pp. 973–977. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.02.020.
19. Kuhnen U., Hannover B., Pihlmann C., Roeder U. R. How self-construal affects dispositionalism in attributions. In: *Social Cognition*. 2013, vol. 31, no. 2, pp. 237–259. DOI: 10.1521/soco.2013.31.2.237.
20. Ozawa K., Crosby M., Crosby F. Individualism and resistance to affirmative action: A comparison of Japanese and American samples. In: *Journal of Applied Social Psychology*. 1996, vol. 26, pp. 1138–1152. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1996.tb02289.x.
21. Tajfel H. Experiments in intergroup discrimination. In: *Scientific american*. 1970, vol. 223, no. 5, pp. 96–103.
22. Van Dick R. Two sides of the same coin and two routes for improvement: Integrating resilience and the social identity approach to well-being and ill-health. In: *Health psychology open* (electronic scientific journal), 2017, vol. 4, no 2. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf> (accessed: 10.10.2021). DOI: 10.1177/2055102917719564.
23. Ybarra O., Trafimow D. How priming the private self or collective self affects the relative weights of attitudes and subjective norms. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1998, vol. 24, no 4, pp. 362–370. DOI: 10.1177/0146167298244003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гудзовская Алла Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, старший научный сотрудник Академии для одарённых детей (Наяновой);
e-mail: aag_1@rambler.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla A. Gudzovskaya – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, National Research University Samara, Russia; Senior Researcher at the Academy for Gifted Children (Nayanova)
e-mail: aag_1@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3590-8786

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гудзовская А. А. Социальная идентичность как фактор продуктивности деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 8–20.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-8-20

FOR CITATION

Gudzovskaya A. A. Social identity as a factor of performance productivity. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 8–20.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-8-20

УДК 159.9.072 + 159.92

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39

ОСМЫСЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ

Попова Т. А.^{1,2}, Мазанова А. Е.³

¹ Психологический институт Российской академии образования»
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа
121170, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14, Российская Федерация

³ Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства
здравоохранения Российской Федерации
603950, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1, Российская
Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать подходы к изучению психологических аспектов волонтерской деятельности, а также проверить гипотезу о наличии особенностей в осмысленности жизни и ответственности личности волонтеров.

Процедура и методы. Авторами проведен анализ научных работ и эмпирического материала по изучению психологических аспектов волонтерской деятельности. В статье представлены результаты исследования особенностей осмысленности жизни и ответственности личности среди волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности. В исследовании приняли участие 186 человек, из них 163 женщины и 23 мужчины, возраст респондентов – 18–62 года. Среди них были выявлены 96 волонтеров и 90 человек, не имеющих отношения к добровольческой деятельности. Для проведения исследования были применены методики: «Тест смысловых ориентаций», методика «Жизненное предназначение», «Уровень субъективного контроля (УСК)», многомерно-функциональная диагностика ответственности «ОТВ-70», тест жизнестойкости.

Результаты. Результаты исследования показали наличие статистически значимых различий в показателях осмысленности жизни, локуса контроля и аспектах ответственности в группах волонтеров и лиц, не занимающихся волонтерством. У волонтеров также была выражена ориентация руководителя. Волонтеры имели более высокие показатели гармоничности осуществления жизненных предназначений, проявляли большую ответственность и возможность к самоконтролю в деятельности, а ситуативная нерешительность и конформность была выражена у волонтеров значительно меньше, чем в группе респондентов, не занятых волонтерством. Содержательный анализ показал, что смысловые профили осознанности жизненных предназначений в вербальном плане в сравниваемых группах также различались.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в исследование психологических аспектов волонтерства. Полученные данные могут быть полезны при составлении программ профориентации в волонтерских движениях, тренингов для фор-

мирования и актуализации профессионально важных качеств будущих волонтеров и профилактики эмоционального выгорания, а также лечь в основу исследования психологических механизмов развития устойчивости личности волонтера в условиях адаптации и в критических ситуациях.

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, добровольчество, ответственность, осмысленность жизни, жизненное предназначение

MEANINGFULNESS OF LIFE AND VOLUNTEERS' PERSONAL RESPONSIBILITY

T. Popova^{1,2}, A. Mazanova³

¹ *Psychological Institute of the Russian Academy of Education
ul. Mokhovaya 9, str. 4, Moscow 125009, Russian Federation*

² *Moscow Institute of Psychoanalysis
prosp. Kutuzovskiy 34, str. 14, Moscow 14121170, Russian Federation*

³ *Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky
Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation
pl. Minina and Pozharskogo 10/1, Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze approaches to the study of psychological aspects of volunteer activity; and to test the hypothesis that there are specific features in life meaningfulness and volunteers' personal responsibility.

Methodology. The authors analyzed scientific papers and empirical material about the psychological aspects of volunteer activity. The article presents the study results about special features of life meaning and personal responsibility among volunteers and non-volunteers. The study involved 186 people, of which 163 were women, and 23 were men, the age of respondents was 18-62 years. 96 people were volunteers and 90 – were non-volunteers. The following methods were used in the research: "Life-purpose orientations test", the technique "Life Purpose," "Level of subjective control," multidimensional-functional diagnosis of responsibility "OTV-70", a test of resilience.

Results. The study results showed statistically significant differences in measures of a meaningful life, locus of control, and aspects of responsibility in groups of volunteers and non-volunteers. Volunteers also expressed a leader orientation. Volunteers had higher indicators of the harmony of the implementation of life's purposes and showed greater responsibility and self-control in activities. Situational indecision and conformism were expressed among volunteers much less than in the non-volunteer group. A meaningful analysis showed that the semantic profiles of meaningfulness of life's destinations in verbal terms in the compared groups also differed.

Research implications. The work contributes to the study of the psychological aspects of volunteering, the data obtained can be useful in the preparation of career guidance programs in volunteer movements, training for the formation and updating of the important professional qualities of future volunteers, and the prevention of emotional burnout, as well as form the basis for the study of the psychological mechanisms of the development of the stability of the personality of a volunteer in conditions of adaptation and critical situations.

Keywords: volunteer, volunteering, responsibility, the meaningfulness of life, life destination

Введение

Добровольческая деятельность, также называемая волонтерством, – явление не новое. Но сегодня оно выступает важным социальным институтом и принимает новые формы социальной активности. Сегодня более 100 тыс. волонтеров регионов России оказывают помощь населению в период пандемии COVID-19, в связи с чем медицина и социальная работа как точка приложения волонтерской деятельности стали особенно значимы.

За последние годы институт волонтерства показал высокий потенциал развития: согласно данным ВЦИОМ (2018), ожидалось, что в ближайшие 1–2 года 68% россиян (а в возрастной группе 18–24 лет – 80%) будут выражать готовность участвовать в безвозмездной поддержке других людей¹. Вместе тем наблюдается разрыв между теми, кто заявляет о потенциальной готовности к добровольческой деятельности, и числом людей, действительно участвующих в волонтерстве².

Тема добровольчества находит отражение в трудах отечественных и зарубежных психологов и социологов: М. В. Певной, Н. С. Пряжниковой, О. В. Алмазовой, Е. С. Азаровой, М. С. Яницкого, Е. И. Холостовой,

Л. Е. Сикорской, Д. Майерса, М. Олчмана, М. Дарли, Л. Хастинкс, Ф. Ламмертина, Л. Саламона и др.

К. А. Палкин на основе анализа отечественной и зарубежной литературы по проблемам волонтерства заключает, что в центре внимания учёных находятся вопросы специфики этого явления и его реализации в социальной практике. Автор отмечает, что количество исследований, связанных с изучением собственно психологических или личностных феноменов волонтеров, в научной литературе представлено недостаточно [7].

Одним из наиболее распространённых теоретических подходов к изучению мотивации волонтеров является функциональный. По оценке О. А. Боковой и Ю. А. Мельниковой, существует ограниченное число работ по изучению личности волонтеров, т. к. в большинстве исследований фокус внимания смещён на раскрытие деятельностного и процессуального подходов к волонтерству [2]. Такие работы основываются на том положении, что человек остаётся волонтером до тех пор, пока эта деятельность продолжает выполнять функции, соответствующие его мотивам. В связи с этим оптимальный способ подбора волонтеров – это соотнесение волонтерской деятельности с мотивацией человека [8].

Л. Хастинкс, Ф. Ламмертин представляют волонтерство как многомерную систему. Структурно-поведенческие и мотивационно-поведенческие особенности волонтерства определены авторами по шести разным направлениям: биографическая система координат, мотивационная структура, курс и интенсивность при-

¹ Опрос ВЦИОМ «Корпоративное волонтерство: от теории к практике» 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-04-06_volonterstvo.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

² Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72139562>. (дата обращения: 01.08.2021).

верженности деятельности, организационная среда, выбор области деятельности и отношение к оплачиваемой работе [12].

Как было отмечено ранее, наиболее широко в отечественных и зарубежных исследованиях представлены исследования мотивации добровольчества.

По заключению Е. И. Холостовой¹, мотивы вступления в ряды волонтеров разнообразны: это могут быть нравственные и религиозные убеждения, потребности общения, принадлежности к группе, реализация способностей и творческого потенциала, возможность направить активность на улучшение деятельности какой-либо организации, социального института или жизни других, желание обрести профессию, расширение социальных и деловых контактов.

Е. С. Азарова и М. С. Яницкий выделяют следующие детерминанты волонтерской деятельности: 1) личностные (в них входят мотивы, потребности, ценностно-смысловая система, эмоциональные особенности, направленность личности и др.); 2) коммуникативно-деятельностные (успешность деятельности, стиль общения, содержание и процесс обучения и др.); 3) социально-психологические (система поощрения, содержание деятельности, влияние общественного внимания и признания и др.) [1].

О. Н. Яницкий на основе исследования работы волонтеров в кризисных центрах добавляет к вышеперечисленному дополнительный мотив и потреб-

ность: желание справиться с личными и семейными проблемами [9].

Отметим другие работы, посвященные мотивации волонтеров.

Х. Анхейер, Л. Саламон предложили комплекс трёх взаимосвязанных неизолированных друг от друга мотивационных факторов, которые приводят людей в добровольчество: альтруистические мотивы, инструментальные причины и обязательства [10].

А. Юнг в «восьмиугольной» модели мотивации волонтерства выделил четыре измерения мотивации по два полюса в каждом: «получение – отдача», «действие – мысль», «новизна – продолжительность», «сближение – дистанция» [14].

Э. Дж. Клэри, М. Снайдер, Р. Ридж предложили шкалу «Реестр волонтерских функций» (“Volunteer Functions Inventory”) (VFI) для оценки мотивации волонтеров, состоящую из 30 критериев [11].

С. Т. Гюнтерт, И. Штрубель, Э. Кальс, Т. Венер рассматривают волонтерство через теорию самоопределения личности. Возможная успешность волонтерской деятельности, по мнению исследователей, может быть связана либо с опытом самоопределения и волеизъявления, либо с опытом давления и контроля, с другой стороны [13].

А. В. Бабицева в качестве ведущих мотивов участия человека в социально значимой деятельности называет реализацию личностного потенциала, проявление своих способностей и возможностей, осуществление жизненного предназначения. В поддержании данной мотивации важная роль отводится осознанию человеком

¹ Теория социальной работы: учебник для магистров / Е. И. Холостова и др. М.: Дашков и К°, 2018. С. 404–412.

внутреннего потенциала, осмысленности жизни, определению жизненного предназначения и стиля жизни¹. Автор также выделяет присутствие идеалистических мотивов (альтруизм, желание и ценность доброты и пр.), компенсаторных мотивов (преодоление одиночества, решение проблем, ожидание ответной помощи), мотивов получения выгоды (установление контактов, профессиональные пробы и пр.), а также мотивов личностного роста и расширения социального взаимодействия.

В настоящее время добровольчество признаётся социально одобряемой и социально важной работой. Набор в добровольческие организации довольно часто широко освещается в СМИ, интернете, информация о волонтерах распространяется среди студентов в вузах.

Работа волонтера подразумевает определённую цель: быть активным и полезным участником жизни общества. Эта цель, вероятно, достигается благодаря личностной активности и инициативности, твёрдой гражданской позиции, умению делать выбор и отвечать за последствия своих действий, стойкости к препятствиям, осознанию смысла в осуществляемой деятельности.

По мнению О. С. Васильевой и Е. А. Демченко, принятие ответственности за свою жизнь, осмысленность жизни, выстроенная система ценностей и целей выступают важнейшими характеристиками жизненной стратегии человека и во многом определяют результат активности личности [3]. Согласно Д. А. Леонтьеву,

«Ответственность – это осознание способности выступать причиной изменений в себе и в мире и осознанное управление этой способностью» [6].

В. Э. Чудновский отмечает, что смысл жизни влияет на успешность в различных областях деятельности, а также на формирование устойчивости личности вследствие активного преобразования жизненных обстоятельств и самостоятельного создания благоприятных условий для реализации жизненных целей [4; 5].

При учёте особой социальной значимости труда волонтера остро стоит вопрос глубокого изучения особенностей личности участников разных направлений добровольчества. Работы, посвящённые данной теме, могут лечь в основу выработки практических рекомендаций по подбору волонтеров с учётом характера добровольческой деятельности, особенностей их обучения и создания мер профилактики выгорания волонтеров.

Процедура исследования

Целью исследования было выявление особенностей осмысленности жизни и ответственности личности волонтеров.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что среди волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности, существуют значимые различия показателей осмысленности жизни и ответственности.

В исследовании были применены следующие **методики**:

1. методика «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» (Д. А. Леонтьев);
2. методика «Жизненное предназначение» (О. И. Мотков);

¹ Бабичева А. В. Волонтерство: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов по подготовке волонтеров. Самара.: 2016. С. 40–41.

3. методика «Уровень субъективного контроля (УСК)» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд);

4. «многомерно-функциональная диагностика ответственности “ОТВ-70”» (В. П. Прядеин);

5. тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова).

Респонденты также заполняли анкету, содержащую информацию об имени / псевдониме, поле, возрасте, образовании, направлении трудовой деятельности, стаже волонтерства и направлении добровольческой деятельности.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы “IBM SPSS Statistics 26”. В качестве статистического метода сравнения двух независимых групп использовали критерий Манна-Уитни. Корреляционный анализ был проведён по критерию Спирмена. Статистически значимыми считали различия при $p < 0,05$ (отмечено «*»).

В исследовании приняли участие 186 человек: 163 женщины и 23 мужчины. Группа № 1 – 96 волонтеров (83 женщины и 13 мужчин, возраст – от 18 лет до 61 года, стаж волонтерства – от 1 года до 12 лет). Группа № 2 – 90 человек (80 женщин и 10 мужчин, возраст – от 19 лет до 61 года), не имеющих отношения к добровольческой деятельности. Участники групп имели схожие социально-демографические характеристики.

Группу волонтеров составили участники «Нижегородской Службы Добровольцев», волонтеры-медики Приволжского исследовательского медицинского университета Нижнего Новгорода, волонтеры-психологи проекта «#мывместе2020», волонтеры по-

исковых отрядов, участники международных волонтерских программ (организация «Сфера»), волонтеры экологических инициатив, спортивных мероприятий, культурных программ и др. Средний возраст в группе волонтеров – 29,56 лет, средний стаж волонтерской деятельности – 3,27 года. 19,79 % (19 чел.) респондентов-волонтеров отметили, что направление их добровольческой деятельности совпадает с профессиональной областью: медициной, психологией, педагогикой и пр.

Средний возраст респондентов, не занимающихся волонтерством, – 29,21 лет. Наличие постоянной занятости (трудовой или учебной) отметили 71 % волонтеров и 76,4 % неволонтеров.

Результаты исследования

Результаты исследования уровня осмысленности жизни (табл. 1) показали, что среднее значение показателя осмысленности жизни волонтеров составляет $108,01 \pm 17,77$, а в группе респондентов, не занимающихся волонтерством, – $101,48 \pm 18,89$. Согласно методике «Тест смысловых ориентаций (СЖО)», указанные значения соответствуют среднему уровню осмысленности жизни.

Среди волонтеров 42,71% (41 чел.) имели высокий уровень осмысленности жизни, средний – 48,96% (47 чел.) и низкий – 8,33% (8 чел.).

Во второй группе высокий уровень осмысленности жизни отмечен у 27,78% (25 чел.), средний – у 56,67% (51 чел.) и низкий – у 15,56% (14 чел.) респондентов.

По результатам исследования было выявлено, что в группе волонтеров

Таблица 1 / Table 1

Результаты исследования уровня осмысленности жизни волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the meaningfulness level in the life of volunteers and non-volunteers

Шкала СЖО	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Цели в жизни	32,97	6,38	31,64	6,98	3812,000	-1,387	0,17
Процесс	31,36	6,15	28,74	6,48	3230,000	-2,977	0,00*
Результат	27,15	5,13	25,08	5,67	3293,500	-2,805	0,01*
Локус контроля-Я	21,53	4,03	20,44	4,38	3649,000	-1,835	0,07
Локус контроля-жизнь	32,71	5,93	31,16	6,15	3557,000	-2,084	0,04*
Общий показатель	108,01	17,77	101,48	18,89	3352,500	-2,638	0,01*

10,42% имеют низкий уровень сформированности жизненных целей, тогда как в другой группе этот показатель был равен 13,33%.

Уровень удовлетворенности настоящим у 41,67% респондентов-волонтеров был высоким, среди не-волонтеров такой уровень был характерен для 14,44%. Около 90% волонтеров ощущали удовлетворенность продуктивностью своей жизни. При этом низкий уровень удовлетворенности прожитой частью жизни был отмечен всего у 12,50% волонтеров и 14,44% не-волонтеров.

7,29% волонтеров и 11,11% респондентов группы, не занимающейся волонтерством, склонны думать, что свобода выбора жизненных целей и их реализация иллюзорны, а человек не способен контролировать свою жизнь. 8,33% волонтеров и 11,11% лиц, не занимающихся волонтерством, не верят в свои силы контролировать события

собственной жизни, не считают себя достаточно свободными в реализации жизненных планов.

Статистически значимые различия в показателях осмысленности жизни в двух группах выявлены в общем уровне осмысленности жизни ($U = 3352,50$, $z = -2,638$, $p = 0,01$), уровне положительной оценки процесса ($U = 3230,0$, $z = -2,977$, $p = 0,001$) и результативности ($U = 3293,5$, $z = -2,805$, $p = 0,01$) жизни, локуса контроля-«Жизнь» ($U = 3557,0$, $z = -2,084$, $p = 0,04$). Волонтеры дают более высокую оценку удовлетворенности и интересуются процессом жизни, считают свою жизнь наполненной смыслом, эмоционально насыщенной и полной. Для волонтеров также характерны более высокие показатели результативности жизни и удовлетворенности самореализацией.

Оценка содержания и особенностей жизненных предназначений в двух группах выполнялась с помощью ме-

Таблица 2 / Table 2

Результаты исследования жизненных предназначений волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the life destinations of volunteers and non-volunteers

Показатель ориентации	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Исполнитель	3,05	0,87	3,51	0,93	3454,00	-2,40	0,02*
Творец	3,29	1,08	2,74	1,03	3191,50	-3,10	0,00*
Руководитель	3,58	0,97	3,38	1,01	3826,00	-1,36	0,17
Подчиненный	2,87	1,04	3,01	1,19	3959,00	-0,99	0,32
Поддержка других	3,93	0,89	3,73	1,01	3906,00	-1,15	0,25
Поддержка себя	2,67	0,87	2,66	1,00	4291,50	-0,08	0,94
Ситуативная ориентация	3,22	1,03	3,51	1,12	3563,00	-2,16	0,03*
Духовная ориентация	3,17	1,34	2,92	1,36	3975,00	-0,96	0,34
Вера в себя	4,22	0,99	4,30	0,95	4074,50	-0,73	0,46
Действенность ЖП	3,79	1,10	3,73	1,15	4168,00	-0,43	0,66
Гармоничность ЖП	4,00	0,58	3,78	0,69	3498,00	-2,24	0,02*

тодики О. И. Моткова «Жизненное предназначение» (табл. 2). Жизненные предназначения представляют собой индивидуальные предпочтения (могут быть осознаваемы и не осознаваемы), ориентации на развитие и совершение определенных видов деятельности. Жизненные предназначения также определяют направленность процесса самореализации человека.

Оценка действенности жизненных предназначений, позволяющая определить активность процесса осуществления жизненных предназначений, показала, что как в группе волонтеров, так и в группе не-волонтеров этот показатель находился на среднем уровне.

Гармоничность осуществления жизненных предназначений, у волонтеров была выражена на высоком уровне ($4,00 \pm 0,58$). А у лиц, не участвующих в

добровольчестве, – на среднем уровне ($3,78 \pm 0,69$).

У волонтеров не выражена ориентация в паре «Исполнитель – Творец», значения показателей говорят об их готовности как к творческой, так и к контролируемой деятельности. В паре «Руководитель – Подчиненный» у волонтеров выражена ориентация руководителя ($3,58 \pm 0,97$), что говорит о желаемой роли лидера. В то же время в другой группе была выражена ориентация «Исполнительности», что говорит о склонности действовать по инструкциям и в четких границах своих полномочий.

В обеих группах была выражена ориентация «Поддержка других»; вместе с тем, в группе, не занимающейся волонтерством, также была выражена ситуативная ориентация, что говорит

о том, что решения респондентами принимаются предметно, роль ситуации в этих моментах была ведущей.

У волонтеров в паре «Ситуативная – Духовная ориентация» не выражена ведущая ориентация, показатели ситуативной и духовной ориентации близки ($3,22 \pm 1,03$ и $3,17 \pm 1,34$ соответственно), они указывают на опору как на ситуативные факторы, так и на общие ценностные принципы (например, идеалы, ценности, установки и пр.) при принятии решений волонтерами.

В обеих группах была выражена вера в собственные силы для осуществления жизненных предназначений и самореализации.

Сравнение групп с помощью критерия Манна-Уитни выявило статистически значимые различия в показателях «гармоничность жизненных предназначений» ($U = 3498,00$, $z = -2,24$, $p = 0,02$), «исполнительность», ($U = 3454,00$, $z = -2,40$, $p = 0,02$), «творчество» ($U = 3191,50$, $z = -3,10$, $p = 0,00$), «ситуативная ориентация» ($U = 3563,00$, $z = 2,16$, $p = 0,03$). Среди неволонтеров наиболее выражена ориентация на исполнительность, а результаты волонтеров демонстрируют гибкость в подходах к деятельности, расширенном репертуаре поведения в зависимости от поставленной задачи.

Особый интерес представляет содержательный анализ осознанности жизненных предназначений в вербальном плане, оценка которого проводилась на основе свободного ответа респондентов на открытый вопрос методики: «Моё жизненное предназначение состоит в ...».

Для качественного анализа вербальной оценки респондентами жизненных предназначений мы воспользовались

категориями для исследования представлений человека о системе смыслов собственной жизни В. Ю. Котлякова [4].

Так как ответы на вопрос о жизненном предназначении не регламентировались правилами и нормами, ответы респондентов не всегда можно было строго отнести к единственной категории. Мы также встречали довольно объёмные ответы. В связи с этим проведённое нами деление на группы является весьма условным, поскольку ответ респондента в зависимости от содержания мог быть отнесён к нескольким категориям.

В группе волонтеров преобладали альтруистические смыслы (отмечены у 49 волонтеров, что составляет 51,04%). Примеры ответов: «Моё жизненное предназначение – в спасении людей», «Самореализация себя необходима для пользы миру, обществу и отдельным людям (семья, работа, общ. жизнь, волонтерство, творчество и др.)».

На втором месте по распространённости были мотивы самореализации, отмеченные у 20 волонтеров (20,83%). Примеры их ответов: «...в проявлении всех своих скрытых и явных талантов, умений», «...в самосовершенствовании».

Семейные смыслы выделили 19 волонтеров (19,79%). Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение – это»: «...помочь детям найти свой путь и определиться с жизненными позициями», «...вырастить детей», «...семья».

Статусные смыслы отмечались у 7 волонтеров («...в карьере»), в основном в сочетании с другими мотивами («...в новациях в медицине, поисках новых методов исследований в меди-

цине (и не только), помощи людям и направлении их в правильное русло», «...в успешной карьере врача, создании счастливой семьи» и др.).

Гедонистические мотивы отметили 6 человек («Жизнь в гармонии со своими желаниями», «Прожить полную и интересную жизнь»), из них 4 в сочетании с другими смысловыми категориями («Жить полной и счастливой жизнью; Создать счастливую семью; помогать тем, кто в этом нуждается больше, чем я», «В получении счастья. Его можно приобрести посредством выполнения целей и задач, которые ты ставишь. Мне повезло, потому что я люблю учиться, люблю науку и постижение разных сфер (от медицины до программирования), и достижение в них определенных результатов приносит мне состояния абсолютного счастья», «Жить с пользой для себя и для других»).

Коммуникативные смыслы («...в общении с людьми») были отмечены только в сочетании с другими категориями (альтруизм, семья).

К экзистенциальным смыслам были отнесены представления о жизненных представлениях 4 волонтеров (Жизненное предназначение: «...в самой жизни», «...чтобы просто жить» и др.).

Помимо этого, когнитивные смыслы присутствовали в сочетании с другими мотивами (альтруистическими, самореализации): «...в том, чтобы внести вклад в устойчивое развитие мира (защите окружающей среды, борьбу с социальным и экономическим неравенством) через свою образовательную и профессиональную деятельность, а также примером личного образа жизни», «...в познании мира и помощи

другим людям», «том, чтобы собирать, систематизировать знания, получать по ним опыт и передавать их другим людям, трансформировать сознания других людей, особенно женщин, воссоединять семьи, в т. ч. сплотить свой близкий круг родственников».

Не смогли дать ответ на вопрос о собственном жизненном предназначении 14,74 % (14 чел.) волонтеров (примеры ответов: «...самому ещё надо понять, в чём оно состоит», «Пока не знаю»).

Представления о жизненном предназначении в группе респондентов, не занимающихся волонтерством, отличались. Так, 35,55 % (32 чел.) выделили семью, семейные мотивы в качестве жизненных предназначений. Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение»: «...в моей семье, воспитании детей», «...чтобы сделать всё для счастья своей семьи и близких людей», «... – семья», «...в заботе о своих детях», «... – быть хорошей мамой для своих детей», «... в помощи близким», «... – правильно воспитать ребёнка», «... – воспитать ребёнка» и др.

Были ответы, сочетающие семейные и гедонистические представления о жизненном предназначении: «Сделать счастливой себя, дать почву для развития и нормального существования своего ребенка», – сочетающие семейные, статусные (карьерные) и гедонистические смыслы (например, «Быть счастливой. Стать отличным врачом. Уметь совмещать карьеру и семью. Правильно воспитать своих детей. Помогать своей семье (маме, бабушке, дедушке и т.д.)»).

Альтруистические мотивы в оценке жизненного предназначения были выявлены у 30% группы, не занимающей-

ся волонтерством. Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение»: «... в поддержке и помощи людям, с помощью опоры на свой жизненный опыт», «... – любить окружающий мир и быть нужной людям», «в том, чтобы помогать людям, я это решила ещё с раннего детства: что что бы ни случилось, я пойду в медицинский и буду лечить людей и помогать им, к этому я стремлюсь и по сей день, мне нравится видеть улыбки людей, испытываю радость, когда они выздоравливают, вижу благодарность в их глазах, это и движет мной», «... в желании сделать жизнь других людей лучше», «... – создание чего-то полезного для человечества», «в оказании помощи, сохранении и укреплении здоровья людей, совершенствовании медицинских познаний и врачебного мастерства», «в помощи другим людям» и др.

Гедонистические мотивы были отмечены у 8,89 % (8 чел.), чаще в сочетании с семейными. Примеры ответов: «...чтобы жизнь мне понравилась», «... – помощь другим людям и создание крепкой, счастливой семьи».

Статусные смыслы присутствовали в ответах 7,78 % не-волонтеров (7 чел.), зачастую они были совмещены с семейными мотивами (Моё жизненное предназначение: «...в учёбе в “Меде”, далее работа и, конечно же, создание семьи», «Мои цели – это стать хорошим специалистом, качественно выполнять свою работу и обзавестись семьёй. Стандартно всё. На вопросы отвечала так, будто под словом предназначение подразумевается слово *цель*», «... – создание семьи, помощь близким мне людям и тем, кто в ней нуждается, познание своей профессии»).

Экзистенциальные мотивы отмечались у 3,33% респондентов, не занимающихся волонтерством (примеры ответов: «Нахождении на пути», «Жить», «В самом процессе жизни»).

В данной группе респондентов 23,33 % (21 чел.) не смогли дать ответ на вопрос о своём жизненном предназначении (примеры ответов: «Я не знаю, так как я не задумывался на этом», «Я не знаю до сих пор», «На данный момент неизвестно», «Не знаю», «Хороший вопрос... знать бы ответ», «Не знаю, в том, чтобы найти это предназначение для начала» и пр.)

Результаты тестирования по методике «УСК» (табл. 3) показали, что в группе волонтеров отмечен интернальный локус контроля (общая интернальность: $34,54 \pm 19,94$, что соответствует 6 стенам). В группе лиц, не имеющих отношения к добровольчеству, средний показатель интернальности составил $28,57 \pm 27,0$, что даёт основания говорить об экстернальном локусе контроля (табл. 3).

Выявленный в группе волонтеров интернальный локус контроля говорит о том, что волонтеры склонны считать себя ответственными за результаты своей жизни. Экстернальный локус контроля, выявленный в группе не-волонтеров, может указывать на склонность респондентов отводить ведущую роль обстоятельствам, а не собственным усилиям и поступкам.

Как волонтеры, так и не-волонтеры имели интернальный локус контроля в области достижений, семейных и межличностных отношений, а экстернальность была отмечена в области неудач, производственных отношений и здоровья.

Таблица 3 / Table 3

Результаты исследования уровня интернальности волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the internality level of volunteers and non-volunteers

Область интернальности	Группа 1. Волонтеры			Группа 2. Не занимающиеся волонтерством			U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Стены	Ср. значение	Ст. откл.	Стены			
Достижения	11,13	8,21	7	8,64	8,50	6	3529,50	-2,156	0,03*
Неудачи	6,44	7,66	5	6,60	6,00	5	4318,50	-0,004	1,00
Семейные отношения	3,71	6,66	6	3,79	4,00	6	4185,50	-0,367	0,71
Производственные отношения	9,44	7,06	5	6,89	7,50	4	3446,50	-2,383	0,02*
Межличностные отношения	3,78	4,16	6	3,21	3,00	6	3916,00	-1,105	0,27
Здоровье	2,58	3,25	5	2,07	2,00	5	3951,00	-1,009	0,31
Общая интернальность	34,54	19,94	6	28,57	27,00	5	3569,50	-2,046	0,04*

Статистически значимые различия имелись в показателях общей интернальности ($U=3569,50$, $z=-2,046$, $p=0,04$), интернальности в области достижений ($U=3529,50$, $z=-2,156$, $p=0,03$), производственных отношений ($U=3446,50$, $z=-2,383$, $p=0,02$). У волонтеров интернальность была более выражена в области достижений и производственных отношений. Волонтеры имели более высокий уровень субъективного контроля над благоприятными ситуациями, были склонны видеть в успехе результат собственных усилий. А интернальность в области трудовых отношений была связана с тем, что волонтеры видели собственную роль в развитии общего дела и жизни коллектива.

Проведенное многомерно-функциональное исследование ответственности у волонтеров и лиц, не имеющих отно-

шения к добровольчеству, по методике «ОТВ-70» показало, что в динамическом компоненте ответственности в обеих группах была выражена эргичность, что говорит о том, что волонтеры и не-волонтеры проявляют самостоятельность при выполнении сложных и ответственных задач, способны к самоконтролю над деятельностью (табл. 4).

В мотивационном компоненте ответственности в обеих группах социцентричность находилась на высоком уровне, т. е. общественные интересы преобладали над личными. Респонденты обнаруживали стремление выполнять ответственную деятельность в том числе и из чувства приверженности к группе, коллективу или из чувства долга перед обществом.

В когнитивном компоненте ответственности в обеих группах на высоком уровне была выражена осмыс-

Таблица 4 / Table 4

Результаты многомерно-функционального исследования ответственности волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of a multidimensional functional research of the responsibility of volunteers and non-volunteers

Компонент ответственности	Показатель	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U-критерий	z	p
		Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Динамический	ОТВ_ДЭ	26,97	4,41	25,11	5,79	3536,00	-2,14	0,03*
	ОТВ_ДАЭ	16,36	4,75	18,52	6,09	3380,50	-2,56	0,01*
Мотивационный	ОТВ_МС	24,76	4,41	23,68	5,72	3975,00	-0,94	0,35
	ОТВ_МЭ	15,82	5,09	17,76	6,26	3497,00	-2,25	0,02*
Когнитивный	ОТВ_КО	27,07	4,46	27,40	4,68	4048,50	-0,74	0,46
	ОТВ_КОС	17,03	6,01	17,76	5,48	3896,50	-1,16	0,25
Результативный	ОТВ_РП	27,22	4,25	25,83	4,60	3481,00	-2,29	0,02*
	ОТВ_РС	27,06	4,71	25,73	4,95	3616,00	-1,92	0,05
Эмоциональный	ОТВ_ЭС	28,23	4,97	26,87	5,87	3781,50	-1,47	0,14
	ОТВ_ЭА	21,05	6,13	23,19	5,51	3537,00	-2,14	0,03*
Регуляторный	ОТВ_РИ	26,77	4,30	26,02	4,59	3914,50	-1,11	0,27
	ОТВ_РЭ	15,15	4,74	16,33	5,37	3717,00	-1,65	0,10

Условные обозначения: ДЭ – «динамическая эргичность», ДАЭ – «динамическая аэргичность», МС – «социоцентрическая мотивация», МЭ – «эгоцентрическая мотивация», КО – «когнитивная осмысленность», КОС – «когнитивная осведомлённость», РП – «предметная результативность», РС – «субъектная результативность», ЭС – «стеническая эмоциональность», ЭА – «астеническая эмоциональность», РИ – «регуляторная интернальность», РЭ – «регуляторная экстернальность».

ленность, связанная с целостным и многоаспектным пониманием ответственности и её отражениями в проявлениях свободы, долга, совести и других категориях.

В результативном компоненте ответственности у волонтеров и респондентов, не ведущих добровольческой деятельности, одновременно была выражена предметность и субъектность. Деятельностная ориентация была направлена как на общественно-полезный результат, так и на достижение

собственных целей и возможности самореализации.

В эмоциональном компоненте в обеих группах отмечалась стеничность, означающая преобладание положительных эмоций при участии в ответственной деятельности.

В регуляторном компоненте у волонтеров и в группе не занимающихся волонтерством, интернальность была расположена на высоком уровне. При этом у волонтеров показатели экстернальности не были выражены, а в группе

Таблица 5 / Table 5

Результаты исследования уровня жизнестойкости волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the resilience (hardiness) level of volunteers and non-volunteers

Компоненты жизнестойкости	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U-критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Вовлечённость	38,18	8,94	34,57	8,69	3306,000	-2,77	0,01*
Контроль	30,11	7,39	27,58	8,07	3579,500	-2,02	0,04*
Принятие риска	19,23	4,53	17,38	5,39	3448,000	-2,38	0,02*
Жизнестойкость общ.	87,52	18,73	79,52	19,68	3363,500	-2,61	0,01*

не-волонтеров они имели ситуативное проявление при объяснении неблагоприятных результатов деятельности.

Статистически были подтверждены различия в следующих компонентах ответственности: динамическая эргичность, динамическая аэргичность, эгоцентрическая мотивация, предметная результативность, астеническая эмоциональность. У волонтеров уровень предметности ответственности был значимо выше. Это подразумевает самоотверженное выполнение ответственных коллективных дел при преобладании общественной значимости над личной. Вместе с тем у волонтеров также отмечался высокий уровень субъектности, что означает высокую степень приоритетности дел, имеющих личностную значимость и связанных с возможностью самореализации и самосовершенствования.

У не-волонтеров значимо выше были показатели выраженности отрицательных эмоций при необходимости выполнения и при неуспехе в ответственном деле.

Статистическое сравнение показало, что у волонтеров более выражен

приоритет социоцентрических мотивов деятельности, добровольность при участии в общественно-полезных делах, а также для них характерен более низкий уровень эгоцентрических мотивов деятельности по сравнению с группой не-волонтеров.

С помощью «Теста жизнестойкости» был произведен анализ этого показателя среди респондентов. Жизнестойкость выступает способом включённости в отношения с окружающим миром, означает готовность действовать в отсутствие predetermined гарантий успеха.

Результаты показали, что как в группе волонтеров, так и в группе не-волонтеров отмечался средний уровень жизнестойкости (табл. 5).

У волонтеров показатели вовлечённости в процесс жизни и контроля находились в пределах нормативных значений, а принятие риска было выражено на высоком уровне. Это значит, что волонтеры рассматривают жизнь с позиции приобретения опыта, проявляют готовность действовать в ситуации, где успех неочевиден; они готовы осмысливать пережитый опыт

для более эффективных стратегий действия в будущем.

Среди тех, кто не занимается волонтерством, были отмечены средние значения по шкалам «Вовлечённость в процесс жизни», «Контроль», а показатели по шкале «Принятие риска» были ниже статистической нормы.

Нами были обнаружены статистически значимые различия по всем шкалам методики «Тест жизнестойкости». В группе волонтеров показатели вовлечённости ($U = 3306,0$, $p = -2,77$, $p = 0,01$), контроля ($U = 3579,5$, $z = -2,02$, $p = 0,04$), принятия риска ($U = 3448,0$, $z = -2,38$, $p = 0,02$) и общий уровень жизнестойкости ($U = 3363,50$, $z = -2,61$, $p = 0,01$) были выше, чем в группе тех, кто не занимается волонтерством. Эти результаты свидетельствуют о том, что волонтеры в большей степени готовы действовать с опорой на собственные силы в сложных, стрессовых ситуациях, воспринимают их как менее угрожающие и успешнее справляются со стрессами.

С помощью корреляционного анализа (корреляция Спирмена) выявлены взаимосвязи показателей осмысленности жизни и ответственности личности в двух группах респондентов.

В обеих группах были найдены прямые взаимосвязи между осмысленностью жизни и жизнестойкостью ($r = 0,778$, $p < 0,01$ в группе волонтеров; $r = 0,78$, $p < 0,01$ для не-волонтеров), осмысленностью жизни, интернальностью в области достижений и общей интернальности ($r = 0,548$ и $r = 0,515$ $p < 0,01$ для волонтеров; $r = 0,453$ и $r = 0,426$ $p < 0,01$, для не-волонтеров).

В обеих группах также были обнаружены прямые корреляционные связи

между показателями осмысленности жизни и действенности и гармоничности жизненных предназначений ($p < 0,01$), а также веры в собственные возможности их реализации ($p < 0,01$).

Обратные взаимосвязи обнаружены между уровнем осмысленности жизни и следующими компонентами ответственности в группе волонтеров: динамическая аэргичность ($r = -0,602$, $p < 0,01$), эгоцентрическая мотивация ($r = -0,415$, $p < 0,01$), астеническая эмоциональность ($r = -0,440$, $p < 0,01$), регуляторная экстернальность ($r = -0,414$, $p < 0,01$).

Среди не-волонтеров нами была обнаружена обратная взаимосвязь уровня осмысленности жизни и динамической аэргичности ($r = -0,509$, $p < 0,01$).

В результате проведенного исследования нами не было выявлено значимых корреляционных взаимосвязей между осмысленностью жизни и компонентами ответственности с возрастом респондентов и их стажем волонтерства.

Заключение

Результаты исследования позволяют *подтвердить гипотезу, что у волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности, существуют значимые различия показателей осмысленности жизни и ответственности*. В отличие от лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, у волонтеров удовлетворённость результатами жизни, интернальность, принятие риска, гармоничность жизненных предназначений находились на высоком уровне. На наш взгляд, такие показатели у волонтеров достигаются за счёт благоприятствующих факторов, таких как интернальный локус контроля, осознанность и

направленность жизненных предназначений, вера в осуществление самореализации и жизнестойкость. У волонтеров выражена ориентация на лидерство, поддержку других с опорой на ценностные принципы и ситуативные факторы. Отмечаются гибкость в подходах к деятельности, расширенный репертуар поведения в зависимости от поставленной задачи.

Волонтеры по сравнению с теми, кто не принимает участие в волонтерской деятельности, обладают более высоким уровнем жизнестойкости и интернальности, что нашло статистическое подтверждение. Различия также подтвердились и в выраженности следующих компонентов ответственности у волонтеров и лиц, не занимающихся волонтерством: динамическая эргичность, динамическая аэргичность, эгоцентрическая мотивация, предметная результативность, астеническая эмоциональность.

Как волонтеры, так и не занимающиеся волонтерством показали высокий уровень веры в собственные силы для исполнения жизненных замыслов и самореализации, экстернальность в области неудач, производственных отношений и здоровья и интернальность в области достижений, семейных и межличностных отношений. Для обеих групп также характерны выраженность таких компонентов ответственности, как динамическая эргичность, социоцентрическая мотивация, когнитивная осведомленность, предметная и субъектная результативность. Отметим, что у волонтеров и у лиц, не занимающихся волонтерством, наряду с социально значимыми мотивами деятельности проявляется использование участия в коллективных делах для

достижения личностных целей, получения одобрения, поощрения или избегания осуждения, наказаний.

Особый исследовательский интерес представлял содержательный анализ осознанности жизненных предназначений в вербальном плане. Он показал, что смысловые профили осознанности жизненных предназначений в сравниваемых группах различаются. Так, в группе волонтеров этот профиль представлен следующими категориями: на первом месте стоят альтруистические смыслы, на втором – мотивы самореализации, на третьем – семейные смыслы, и на четвертом – гедонистические. В группе респондентов, не занятых волонтерской деятельностью, в профиле жизненных предназначений на первом месте стоят семейные смыслы, на втором – альтруистические, на третьем – гедонистические и на четвертом – статусные.

Проведенная работа вносит вклад в исследование психологических аспектов волонтерства, результаты исследования могут быть полезны психологам, общественным, социальным организациям, организаторам добровольческих движений в качестве основы для составления критериев подбора кандидатов в волонтеры, а также создания программ профориентации, профилактики эмоционального выгорания и тренингов для формирования и актуализации профессионально важных компетенций будущих волонтеров. Результаты также могут быть использованы в качестве основы для изучения психологических механизмов развития устойчивости личности волонтеров в критических ситуациях и в условиях адаптации.

*Статья поступила
в редакцию 14.09.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник ТГУ. 2008. № 306. С. 120–125.
2. Бокова О. А., Мельникова Ю. А. Концептуальное обоснование методического комплекса для психологического исследования личности волонтера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 372–375.
3. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 74–84.
4. Исследование проблем смысла жизни и акме (возрастной, профессиональной и социореабилитационный аспекты) / В. Э. Чудновский, А. А. Бодалев, Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромов, Н. Н. Карпова, А. В. Суворов, А. В. Торопова // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 129–135.
5. Котляков В. Ю. Система жизненных смыслов // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). С. 148–153.
6. Леонтьев Д. А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии: сборник научных трудов. Т. 2. 2005. С. 7–22.
7. Палкин К. А. Состояние и перспективы изучения психологических детерминант волонтерской деятельности // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 4. С. 99–107.
8. Сухарькова М. П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 12–16.
9. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социальная наука и социальная политика. 2014. № 1. С. 71–87.
10. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Law and Contemporary Problems. 1999. Vol. 62. P. 43.
11. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current directions in psychological science. 1999. Vol. 8. № 5. P. 156–159.
12. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. Vol. 14 (2). P. 167–187.
13. The quality of volunteers motives: Integrating the functional approach and self-determination theory / S. T. Guntert, I. T. Strubel, E. Kals, E. Wehner // Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 156. Iss. 3. Pp. 310–327.
14. Yeung A. B. The Octagon Model of Volunteer Motivation: Results of a Phenomenological Analysis // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2004. № 15. Pp. 21–46.

REFERENCES

1. Azarova E. S., Yanickij M. S. [Psychological determinants of volunteerism]. In: *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal of Psychology], 2008, no. 306, pp. 120–125.
2. Bokova O. A., Mel'nikova Yu. A. [Conceptual substantiation of the methodological complex for the psychological study of the personality of the volunteer]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2018, no. 5 (72), pp. 372–375.
3. Vasil'eva O. S., Demchenko E. A. [Studying the main characteristics of a person's life strategy]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2001, no. 2, pp. 74–84.
4. Chudnovsky V. E., Bodalev A. A., Vayzer G. A., Vakhromov E. E., Karpova N. N., Suvorov A. V., Toropova A. V. [Research of the problems of the meaning of life and acme (age,

- professional and socio-rehabilitation aspects)]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2004, no. 1, pp. 129–135.
5. Kotlyakov V. Yu. [System of life meanings]. In: *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, no. 2 (54), pp. 148–153.
 6. Leont'ev D. A. [The phenomenon of responsibility: between incontinence and hyper-control]. In: *Ekzistencial'noe izmerenie v konsul'tirovanii i psihoterapii: sbornik nauchnykh trudov* [Existential dimension in counseling and psychotherapy: a collection of scientific works], 2005, vol. 2, pp. 7–22.
 7. Palkin K. A. [State and prospects of studying the psychological determinants of volunteer activity]. In: *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2017, vol. 9, no. 4, pp. 99–107.
 8. Suhar'kova M. P. [Approaches to the study of motivation for participation in volunteering practices]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 9, pp. 12–16.
 9. Yanickij O. N. [Volunteers: civil and state]. In: *Social'naya nauka i social'naya politika* [Social science and social policy], 2014, no. 1, pp. 71–87.
 10. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. In: *Law and Contemporary Problems*, 1999, vol. 62, p. 43.
 11. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. In: *Current directions in psychological science*, 1999, vol. 8, no. 5, pp. 156–159.
 12. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. In: *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003, vol. 14 (2), pp. 167–187.
 13. Guntert S. T., Strubel I. T., Kals E., Wehner E. The quality of volunteers motives: Integrating the functional approach and self-determination theory. In: *Journal of Social Psychology*, 2016; vol. 156, iss. 3, pp. 310–327.
 14. Yeung A. B. The Octagon Model of Volunteer Motivation: Results of a Phenomenological Analysis. In: *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2004, no. 15, pp. 21–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии, Психологический институт Российской академии образования; доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, Московский институт психоанализа;
e-mail: elenia2@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

Мазанова Анна Евгеньевна – ассистент кафедры общей и клинической психологии, Приволжский исследовательский медицинский университет;
e-mail: mazanova.a.e@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Popova – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Assoc. Prof., Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Moscow Institute of Psychoanalysis;
e-mail: elenia2@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

Anna E. Mazanova – Assistant Lecturer, Department of General and Clinical Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation;
e-mail: masher804@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попова Т. А., Мазанова А. Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 21–39.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39

FOR CITATION

Popova T. A., Mazanova A. E. The meaningfulness of life and volunteers' personal responsibility. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 21–39.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-40-61

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ С ЛИЧНОСТНЫМИ, РЕГУЛЯТОРНЫМИ И МОТИВАЦИОННЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Цыганов И. Ю., Бондаренко И. Н.

*Психологический институт Российской академии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование направлено на изучение различий во взаимосвязи психологического благополучия с регуляторными, мотивационными и личностными характеристиками у учащихся с различной динамикой психологического благополучия в 5 и 6 классах.

Процедура и методы. Анализируются лонгитюдные данные 155 учащихся в возрасте 10–12 лет ($M = 11 \pm 0,28$) общеобразовательных школ г. Москвы и г. Калуги. Респонденты по итогам двух обследований в 5 и в 6 классах были определены в группы со снижающимся, повышающимся и стабильным психологическим благополучием (здесь и далее – ПБ). Методы исследования: «Шкала проявлений психологического благополучия подростков» (модификация В. И. Моросановой и др., 2018), «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко, 2018), «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ-Ш» (Т. О. Гордеева и др., 2017), «Отношение к учению» (модификация В. И. Моросановой, И. Н. Бондаренко, И. Ю. Цыганова, 2018), «Большая пятёрка – детский вариант» (“Big Five Questionnaire – Children version, BFQ-C”) (С. Б. Малых и др., 2015). Применялся показатель успеваемости: средний балл успешности обучения русскому языку и математике.

Результаты. Снижение ПБ связано с ослаблением связей между ПБ и мотивационными, регуляторными и личностными характеристиками обучающихся. По сравнению с пятым классом в шестом осознанная саморегуляция перестаёт быть регуляторным ресурсом как ПБ, так и академической успеваемости. Стабильность ПБ обеспечивается сильной взаимосвязью СР и ПБ, а также «включённостью» в этот процесс всех регуляторных, мотивационных и личностных факторов. Повышение ПБ связано прежде всего с актуализацией процесса личностного развития: выявлена акцентированная и стабильная взаимосвязь ПБ с мотивацией самоуважения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют получить новые данные об изменениях, происходящих в системе предикторов ПБ и успеваемости во время обучения в начальных классах средней школы. В практическом плане понимание факторов обеспечения стабильности ПБ даст педагогам и психологам инструмент, позволяющий оказывать своевременную и адекватную помощь младшим подросткам, поддерживая развитие их регуляторных, мотивационных и личностных ресурсов.

Ключевые слова: психологическое благополучие, осознанная саморегуляция, мотивация, отношение к учению, личностные факторы, младшие подростки

RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING WITH PERSONAL, REGULATORY, AND MOTIVATIONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS IN SECONDARY SCHOOL

I. Tsyganov, I. Bondarenko

*Psychological Institute of Russian Academy of Education
ul. Mokhovaya 9, str. 4, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. The study investigates the differences in the relationship of psychological well-being with regulatory, motivational, and personal characteristics in students with different dynamics of psychological well-being in 5th and 6th grades.

Methodology. Longitudinal data of 155 secondary school pupils (Moscow and Kaluga) aged 10–12 years ($M = 11 \pm 0.28$) are analyzed. According to the two 5th and 6th grades surveys, groups with decreasing, increasing, and stable PWB were identified. Research methods: “Well-Being Manifestation Measure Scale” (modification: V.I. Morosanova et al., 2018), “The Self-Regulation Profile of Learning Activity Questionnaire (SRPLAQ)” (V. I. Morosanova, I. N. Bondarenko, 2018), “Academic Motivation Scale – School (AMS-S)” (T. O. Gordeeva et al., 2017), “Attitude towards learning in middle and high school” (modification: V. I. Morosanova, I. N. Bondarenko, I. Yu. Tsyganov, 2018), “Big Five Questionnaire – Children version, BFQ-C” (S. B. Malykh et al., 2015). The academic performance indicator: the average score of success in learning Russian and mathematics.

Results. The decrease in PWB is associated with weakening of the links between PWB and students’ motivational, regulatory, and personal characteristics. In comparison with the 5th grade, in the 6th grade, conscious self-regulation ceases to be a regulatory resource for both PWB and academic performance. PWB stability is ensured by the strong relationship between SR and PWB and the “inclusion” of all regulatory, motivational, and personal factors in this process. The increase in PWB is primarily associated with the actualization of personal development: an accentuated and stable relationship between PWB and self-esteem motivation is revealed.

Research implications. The study results allow us to obtain new data on changes occurring in the system of PWB and academic performance predictors during the beginning of secondary school education. In practical terms, understanding the factors of ensuring the stability of PWB will provide teachers and psychologists with a tool that allows them to provide timely and adequate assistance to younger adolescents, supporting the development of their regulatory, motivational, and personal resources.

Keywords: psychological well-being, conscious self-regulation, motivation, attitude to learning, personal factors, younger adolescents

Введение

Сегодня для развития проблемы психологического благополучия (ПБ) обучающегося в средней школе необходимо комплексное изучение его взаимосвязи с регуляторными, мотивационными и личностными особен-

ностями как возможными ресурсами его поддержания самим школьником уже в начале средней школы. Именно в этот период проблема неустойчивости ПБ стоит наиболее остро. В качестве одного из регуляторов ПБ выступает осознанная саморегуляция

(СР) учебной деятельности, которая оказывает непосредственное значение на академическую успеваемость [10; 9]. Как значимый метаресурс человека СР способна мобилизовать и систематизировать другие ресурсы индивидуальности, важные для поддержания ПБ: например, познавательную активность, мотивационно-эмоциональную сферу, личностные факторы.

Психологическое благополучие мы рассматриваем в эвдемонистической традиции, предполагающей субъектную активность человека в отношении событий жизни, и удовлетворённость жизнью через достижение принятых целей. В этой традиции мы опираемся на подход К. Рифф к изучению ПБ [24].

В современных исследованиях выявлена положительная связь ПБ с академическими успехами в школе [22; 15]. С позиций дифференциального подхода осознанная СР – система когнитивных процессов (планирование цели, моделирование значимых условий её достижения, программирование действий, оценивание результатов) и регуляторно-личностных свойств (гибкости, самостоятельности, надёжности, ответственности); она выступает в качестве метаресурса достижения цели [6].

Исследования взаимосвязи СР и ПБ показали, что чаще всего СР выступает медиатором, опосредствуя влияние других некогнитивных предикторов на результаты обучения и ПБ. В этой связи изучаются личностные особенности [25], мотивационные факторы, эмоциональная регуляция и ситуативный стресс [17], учебная мотивация и отношение к учению [26]. Важный вклад в понимание вклада саморегуляции в ПБ вносят результаты лонгитюдного

исследования. Это может быть доказано тем, что, например, СР в 4 классе вносит вклад как в актуальное ПБ, так и в ПБ в следующем – 5-ом классе [18].

Данные о положительной взаимосвязи ПБ с учебной мотивацией получены, в частности, в недавнем исследовании А. У. Рехмана с коллегами. Учёные выяснили, что наряду с социальной поддержкой учебная мотивация рассматривается важным коррелятом ПБ в профилактике эмоционального выгорания учащихся [23]. Схожие результаты были получены в исследовании, сравнивающем уже внутреннюю мотивацию, охватывающую непосредственно учебные мотивы, с ПБ [14]. Согласно представленной авторами модели, внутренняя мотивация опосредует взаимосвязь между поддержкой учителя и благополучием. В этой связи изучается, в частности, и отношение к учению, показана стабильная взаимосвязь ПБ с отношением к учению и его основными проявлениями, которая при этом медируется саморегуляцией [28; 17]. Наряду с этим встречаются данные, указывающие на взаимосвязь отдельных аспектов ПБ и отношения к учению через личностные факторы, т. е. выявлена сильная взаимосвязь любознательности (познавательного компонента) с субъективным благополучием через личностные факторы, в частности, через экстраверсию [13].

Показана взаимосвязь ПБ с рядом факторов личности, прежде всего, с добросовестностью. Имеются также указания на связи с любознательностью (отношением к учению), самоконтролем и саморегуляцией, позитивными отношениями, личностным ростом, принятием себя и др. [29].

Экстраверсия считается при этом наиболее сильным коррелятом благополучия. В целом факторами, связанными с благополучием, чаще указываются экстраверсия, нейротизм и добросовестность [21].

СР как значимый предиктор ПБ, медирует личностные диспозиции (экстраверсия, добросовестность и открытость опыту) во взаимосвязи «ПБ – успеваемость» [12]. Зарубежными специалистами показано, что СР опосредует влияние личности на психологическое благополучие, а прежде всего – на влияние осознанности (в нашем случае – добросовестности) [25].

Литературные данные свидетельствуют о наличии взаимосвязей между психологическим благополучием, саморегуляцией, личностными и мотивационными особенностями учащихся разных возрастов, а также о прогностических возможностях указанных показателей по отношению друг к другу. При этом малоисследованной остаётся проблема предикторов изменений ПБ, связанных с развитием регуляторных, личностных и мотивационных свойств в начале средней школы. Так, в трёхлетнем лонгитюдном исследовании учащихся с 4 по 6 класс были выявлены различия в динамике ПБ при переходе в среднюю школу. Было показано существование взаимосвязи между СР и ПБ и её последовательное воспроизведение на каждой последующей ступени. Результаты позволяют говорить, что благополучие в 4 классе прогнозирует осознанную СР в 5 классе, а в средней школе (и в 5, и в 6 классе) уже осознанная СР выступает важным ресурсом психологического благополучия учащихся [20].

В этой связи возникает проблема предикторов изменений ПБ при переходе из 5 в 6 класс. Приведём некоторые результаты шагов, предпринятых в этом направлении [2; 5]. В группе учащихся 6 класса со сниженным ПБ это снижение ПБ сопровождалось ухудшением большинства регуляторных, мотивационных и личностных показателей. При этом наблюдался рост регуляторного процесса моделирования и нейротизма. У учащихся с позитивной динамикой ПБ росли показатели саморегуляции, мотивации, отношения к учению и личности, а нейротизм снижался, было отмечено превышение внутренних мотивов над внешними [11].

В зарубежных работах встречаются схожие данные, например, в них указано, что у шестиклассников отмечается отрицательная и положительная динамика ПБ на фоне общего снижения успеваемости и мотивации [28; 19; 16]. Между тем, группе со стабильной динамикой ПБ в этом возрасте не уделяется достаточного внимания, однако, на наш взгляд, именно они представляют интерес. Можно предположить, что система предикторов оказывается способной удерживать ПБ от резких изменений, связанных и с внешними, и с внутренними факторами.

Цель исследования – изучить специфику взаимосвязи психологического благополучия с регуляторными, мотивационными и личностными характеристиками учащихся с различной динамикой психологического благополучия в 5–6 классах.

Исследовательский вопросы, который ставили перед собой авторы в этой статье: «Каковы различия во взаимосвязи ПБ с регуляторными, моти-

вационными и личностными особенностями у учащихся в группах со (1) снижением, (2) повышением и (3) стабильным уровнем ПБ при переходе из 5 в 6 класс?».

Методы исследования и выборка

Исследование проводилось с использованием пакета опросных методик, направленных на измерение регуляторных, мотивационных и личностных особенностей учащихся и их психологического благополучия.

Для измерения ПБ использовалась методика «Шкала проявлений психологического благополучия подростков» [27], прошедшая адаптацию и модификацию на российской выборке [8]. 25 утверждений образуют шесть шкал: «Управление собственной личностью и событиями», «Общительность», «Счастье», «Вовлечённость в социальное взаимодействие», «Самооценка», «Душевное равновесие». Интегративный показатель «Психологическое благополучие» есть сумма значений по всем шести шкалам. Внутренняя надёжность шкал опросника – 0,57–0,78.

Осознанная саморегуляция измерялась опросником В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» [7]. 52 утверждения образуют 8 шкал: «Планирование», «Моделирование», «Программирование», «Оценивание результатов» (регуляторные процессы), «Гибкость», «Инициативность», «Надёжность», «Ответственность» (регуляторно-личностные свойства). Интегративный показатель «Общий уровень саморегуляции» вычисляется на основе суммы значений по всем показателям. Внутренняя на-

дёжность шкал ССУД-М – 0,65–0,82. Мотивационные особенности изучались в двух аспектах: академической мотивации и мотивационно-эмоционального отношения к учению.

Академическая мотивация оценена опросной методикой «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ-Ш» [4]. Методика включает 32 утверждения и измеряет 4 шкалы внутренней мотивации («Когнитивная мотивация», «Мотивация достижения», «Мотивация саморазвития», «Мотивация самоуважения»), 3 шкалы внешней мотивации («Мотивация самоуважения», «Интроецированная мотивация», «Экстернальная мотивация») и шкалу амотивации. Внутренняя надёжность методики – 0,55–0,84.

Для исследования отношения к учению использована «Методика диагностики мотивации учения и отношения к учению в средних и старших классах школы» [1] в модификации «Отношение к учению» [3]. Данный конструкт позволяет измерять показатели: «Познавательная активность», «Мотивация достижения», «Мотивация избегания неудачи», «Тревожность», «Гнев». Внутренняя надёжность методики – 0,30–0,87.

С помощью методики «Большая пятёрка – детский вариант» (“Big Five Questionnaire: children version” – “BFQ-C”) для учащихся средней школы [5], состоящей из 62 утверждений, были оценены такие личностные свойства, как «нейротизм», «экстраверсия», «открытость новому опыту», «дружелюбность», «добросовестность». Внутренняя надёжность методики в этом исследовании – 0,86–0,91.

Таблица 1 / Table 1

Факторные нагрузки показателей ПБ учащихся 5 и 6 классов / Factor loads of PWB indicators of students in 5th and 6th grades

Показатель	Факторный анализ в 5 классе	Факторный анализ в 6 классе
	1	1
Управление собственной личностью и событиями	0,712	0,737
Счастье	0,828	0,846
Вовлечённость в социальное взаимодействие	0,741	0,608
Самооценка	0,761	0,828
Душевное равновесие	0,684	0,754
Общительность	0,790	0,744

В качестве показателей успеваемости был взят средний балл по основным предметам – русскому языку и математике (алгебре).

Выборка двухволнового лонгитюдного исследования включала 155 учащихся общеобразовательных школ г. Москвы и г. Калуги, из которых были 73 девочки (46,8%), 83 мальчика (53,2%); возраст респондентов составил 10–12 лет ($M = 11$, $SD = 0,28$). Участники вначале прошли обследование в 5 классе, а затем – повторно в 6 классе по идентичному пакету методик. На основе данных двух срезов нами были определены группы учащихся со снижением, повышением и стабильным ПБ при переходе из 5 класса в 6. Для каждого респондента была вычислена разница в уровне ПБ между замерами 5 и 6 классах. Таким образом, группа с отрицательной динамикой ПБ состояла из учащихся, чья разница в ПБ была ниже, чем $-0,5$ от среднего значения (41 человек; 46% – мальчики), группа с положительной динамикой включала респондентов, чья отклонение от среднего значе-

ния было выше, чем $+0,5$ (47 человек, 57% – мальчики). В состав группы со стабильной динамикой ПБ входили учащиеся, если различие укладывалось в диапазон от $-0,5$ до $+0,5$ от среднего (67 человек, 54% – мальчики).

На первом этапе мы снизили размерность показателей исследования для определения более общих и содержательных факторов регуляции, мотивации и личности. Для этого был выполнен ряд факторных анализов (метод максимального правдоподобия и метод вращения «Варимакс»). Факторизация показателей была выполнена на выборке учащихся в 5, а затем – в 6 классе. Итоговое решение о количестве и содержании факторов принималось на основе рассмотрения обоих результатов.

Психологическое благополучие. Результаты факторизации показателей представлены в таблице 1.

Результаты для 5 и 6 классов подтвердили выделение единого общего фактора. Это позволяет считать интегративный показатель ПБ достаточно устойчивым и свидетельствует о

Таблица 2 / Table 2.

Факторные нагрузки показателей СР учащихся 5 и 6 классов / Factor loads of SR indicators of students in 5th and 6th grades

Показатель	Факторный анализ в 5 классе	
	1	2
Оценивание результатов	0,777	
Моделирование	0,757	
Надёжность	0,754	
Гибкость	0,653	
Ответственность	0,607	0,450
Программирование		0,902
Планирование	0,405	0,550
Инициативность		0,500

Показатель	Факторный анализ в 6 классе	
	1	2
Надёжность	0,774	
Оценивание результатов	0,758	
Моделирование	0,685	
Гибкость	0,516	
Планирование		0,749
Программирование		0,730
Инициативность		0,658
Ответственность	0,479	0,602

правомерности его выбора в контексте поставленных нами задач.

Саморегуляция учебной деятельности. С помощью факторизации всех шкал СР в обоих случаях было выделено по 2 фактора. Первый образован процессами «моделирования» и «оценивания» результатов, включает свойства «гибкость» и «надёжность». Второй образован процессом «программирование», к нему примыкает «планирование» и свойства «инициативность» и «ответственность» (табл. 2).

В 5 классе, как следует из представленных в табл. 2 факторных нагрузок, решение по «планированию» и «ответственности» неоднозначно. В 6 классе «планирование» уже больше тяготеет ко второму фактору; решение по ответственности остаётся неоднозначным. В итоге, исходя из предполагаемого содержания регуляторных факторов и этого конкретного результата, нами было принято решение отнести оба показателя ко второму фактору. Итак, из результатов следует возможность сни-

жения размерности до двух показателей осознанной СР учебной деятельности.

Первый фактор включает показатели «моделирование», «оценивание результатов» (регуляторные процессы), «гибкость», «надёжность» (субъектные свойства) и, таким образом, описывает непосредственное «целестремление», а именно представления о значимых условиях достижения цели, оценку достигнутых результатов, гибкость действий и надёжность регуляции при возрастании напряжённости в процессе достижения цели. Фактор получил название «*Достижение цели*».

Второй фактор включает показатели «планирование», «программирование» (регуляторные процессы), «инициативность», «ответственность» (субъектные свойства) и описывает «целеполагание», а именно непосредственно постановку и удержание цели, организацию конкретных действий в программу достижения цели, проявление инициативности, самостоятельности и ответственности в постановке и достижении цели. Фактор

Таблица 3 / Table 3

Факторные нагрузки показателей отношения к учению учащихся 5 и 6 классов / Factor loads of indicators of attitude to learning of students of 5th and 6th grades

Показатель	Факторный анализ в 5 классе	
	1	2
Гнев	0,943	
Тревожность	0,817	
Познавательная активность		0,834
Мотивация достижения		0,809
Мотивация избегания неудачи	0,495	0,588

Показатель	Факторный анализ в 6 классе	
	1	2
Мотивация достижения	0,808	
Познавательная активность	0,679	
Мотивация избегания неудачи	-0,650	
Тревожность		0,911
Гнев		0,714

получил название «Планирование цели».

Отношение к учению. Согласно факторизации шкал было выявлено 2 фактора (табл. 3). Первый включает «мотивацию достижения» и «познавательную активность», второй образован «тревожностью» и «гневом». В то же время, неоднозначным было положение показателя «мотивация избегания неудачи», который с отрицательным значением попал в первый фактор стабильно по итогам двух замеров, и только на уровне 5 класса положительно попал во второй фактор с негативными состояниями тревожности и гнева.

Решение по показателю «мотивации избегания неудачи» принималось на основе общей для двух замеров характеристики: отрицательной нагрузки на первый фактор. Поскольку она противоположна паре «познавательной активности» и «мотивации достижения», составляющих ядро мотивации учения и позитивного отношения к учению, она была целесообразно выделена как отдельный показатель. Это позволило рассматривать особенности

взаимосвязи уровня ПБ с «мотивацией избегания неудачи», что можно считать востребованным исследовательским вопросом для возрастной группы учащихся 5–6 классов.

Таким образом, несмотря на 2 выделенных фактора, мы предпочли вариант с тремя показателями.

Первый из них объединяет «тревожность» и «гнев», т. е. беспокойство учащегося в учебной ситуации и резкие отрицательные эмоции, проявляемые им на школьных занятиях. Фактору дано название «Негативные эмоции». Второй фактор объединил «познавательную активность» и «мотивацию достижения». Поскольку опросник на диагностику отношения к учению эмоционально ориентирован, а шкалы отражают эмоциональные состояния любознательности и стремления к переживанию успеха, фактор получил название «Познавательная активность», т. к. она включает обе этих составляющих. Третьим – отдельным показателем – нами выделена «мотивация избегания неудачи».

Академическая мотивация. В результате факторизации шкал было получено

Таблица 4 / Table 4

Факторные нагрузки показателей академических мотивов учащихся 5 и 6 классов / Factor loads of indicators of academic motives of students of 5th and 6th grades

Показатель	Факторный анализ в 5 классе		Показатель	Факторный анализ в 6 классе	
	1	2		1	2
Мотивация достижения	0,869		Когнитивная мотивация	0,895	
Мотивация саморазвития	0,864		Мотивация саморазвития	0,893	
Когнитивная мотивация	0,859		Мотивация достижения	0,888	
Мотивация самоуважения	0,659	0,522	Мотивация самоуважения	0,744	0,447
Амотивация			Амотивация	0,525	
Мотивация уважения родителей		0,801	Мотивация уважения родителей		0,817
Экстернальная мотивация		0,751	Интроецированная мотивация		0,731
Интроецированная мотивация		0,686	Экстернальная мотивация		0,613

2 фактора (табл. 4). Первый – фактор *внутренних мотивов*: познания, достижения, саморазвития, самоуважения. Второй – фактор *внешних мотивов*: уважения родителей, интроецированная, экстернализации. Отдельно предстаёт показатель «амотивации», характеризующий выраженную притупленность любых учебных мотивов. В 5 классе «амотивация» не вошла ни в один фактор, а в 6 классе с отрицательным весом вошла в фактор внутренних мотивов. В итоге, как и в случае с «мотивацией избегания неудачи», было решено взять этот показатель отдельно.

Мотив «самоуважения» заслуживает отдельного рассмотрения. Он имеет определённый внешний социальный оттенок: самоуважение придаёт человеку сил и уверенности в себе, и в то же время делает его заметным для окружающих, подчёркивает важность достигнутого человеком результата. Из чего следует его включён-

ность и во внешние, и во внутренние мотивы. Представляется интересным использование мотива «самоуважения» в качестве автономного фактора как отдельного ресурса ПБ. В качестве автономного мотива выступает «амотивация».

Личностные факторы «Большой пятёрки». Факторы «Большой пятёрки» не настолько ортогональны, как факторы “EPI”, и ожидаемо не выделяются в пять отдельных факторов, однако очевидно, что каждый показатель методики должен рассматриваться отдельно.

Перечислим показатели, выделенные нами по итогам процедур снижения размерности:

- интегративный показатель уровня ПБ и средний балл – академический показатель усреднённой успеваемости по двум основным предметам: русскому языку и алгебре (2 центральных);

- «планирование цели» и «достижение цели» (2 регуляторных);

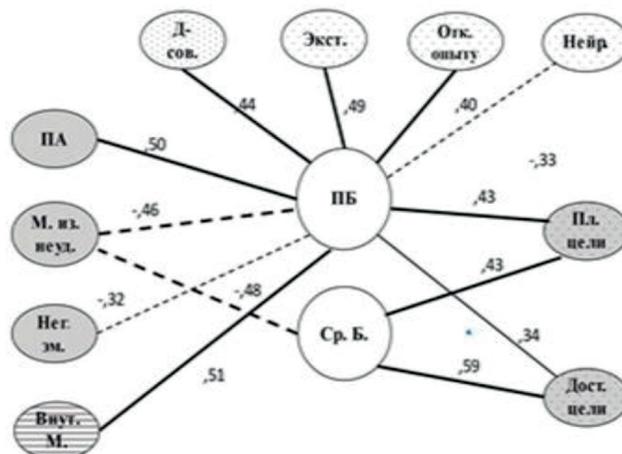

Рис. 1 / Fig. 1. Группа со снижающимся ПБ (5 класс) / Group with decreasing PWB (5th grade)

Примечания: ПБ – «психологическое благополучие»; Ср. б. – «средний балл»; Д-сов. – «добросовестность»; Экст. – «экстраверсия»; Отк. опыту – «открытость опыту»; Нейр. – «нейротизм»; Пл. цели – «планирование цели», Дост. Цели – «достижение цели»; Внут. М. – «внутренние мотивы»; Нег. эм. – «негативные эмоции»; М. из. неуд. – «мотивация избегания неудачи»; ПА – «познавательная активность».

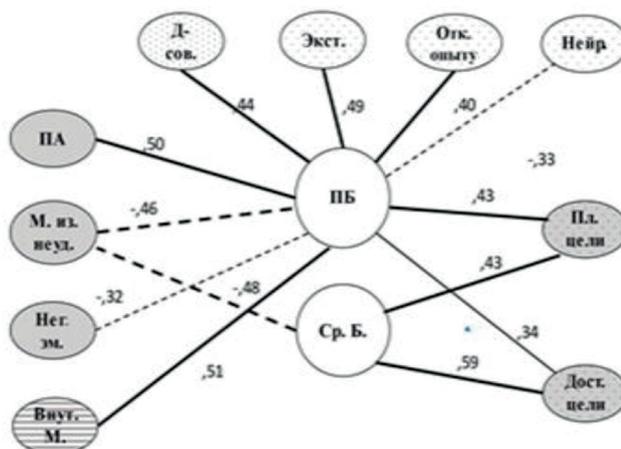

Рис. 2 / Fig. 2. Группа со снижающимся ПБ (6 класс) / Group with decreasing PWB (6th grade).

Примечание: ПБ – «психологическое благополучие»; Ср. б. – «средний балл»; Д-сов. – «добросовестность»; Экст. – «экстраверсия»; Нейр. – «нейротизм»; Дост. цели – «достижение цели»; Внут. м. – «внутренние мотивы»; Нег. эм. – «негативные эмоции»; Амот. – «амотивация».

– «познавательная активность», – «внутренние мотивы», «мотивы «мотивация избегания неудачи», «негативные эмоции» (3 показателя мотивационно-эмоциональных состояний отношения к учению); «мотивы самоуважения», «внешние мотивы», «амотивация» (до 4 показателей академических мотивов);

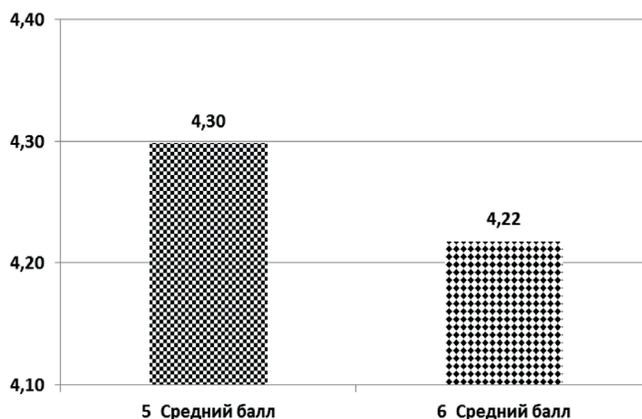

Рис. 3 / Fig. 3. Средний балл по успеваемости у учеников со снижающимся ПБ в 5 и 6 классах / The average academic performance score of students with decreasing PWB in grades 5 and 6

– личностные факторы «Большой пятёрки»: «экстраверсия», «нейротизм», «добросовестность», «дружелюбность», «открытость опыту».

Результаты исследования

Исследование взаимосвязи уровня ПБ и успеваемости по основным предметам с регуляторными, мотивационными и личностными проявлениями у респондентов с различной динамикой ПБ в 5-м и 6-м классах. На рис. 1–3 показана отрицательная динамика ПБ.

У группы со снижением ПБ (рис. 1–3) в 5 классе ПБ взаимосвязано, прежде всего, с «внутренними учебными мотивами» и «познавательной активностью». Из личностных факторов положительно на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$) взаимосвязаны с ПБ «экстраверсия», «добросовестность» и «открытость опыту». ПБ в большей степени связано с «планированием цели», а средний балл успеваемости по основным предметам – с «достижением цели». С «мотивацией избегания неудачи» ПБ связана

отрицательно. Отмечены менее выраженные по значимости, отрицательные взаимосвязи с «нейротизмом» и «негативными эмоциями» в обучении.

На средний балл успеваемости имеют положительное влияние оба фактора СР: «планирование» и «достижение цели», а негативное – «негативные эмоции».

В группе со снижением ПБ в 6 классе обнаружена единственная взаимосвязь ПБ на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$) – с «экстраверсией». Остальные выявленные взаимосвязи на уровне значимости – $p \leq 0,05$. Из них положительными оказались связи с «добросовестностью» и «достижением цели». Отрицательные – с «негативными эмоциями» в отношении к обучению, «нейротизмом» и «амотивацией». Средний балл успеваемости обучения основным предметам положительно связан с внутренними учебными мотивами, и отрицательно – с амотивацией.

Стабильное ПБ

В группе со стабильным ПБ (рис. 4–6) в 5 классе наибольшая взаимосвязь ПБ

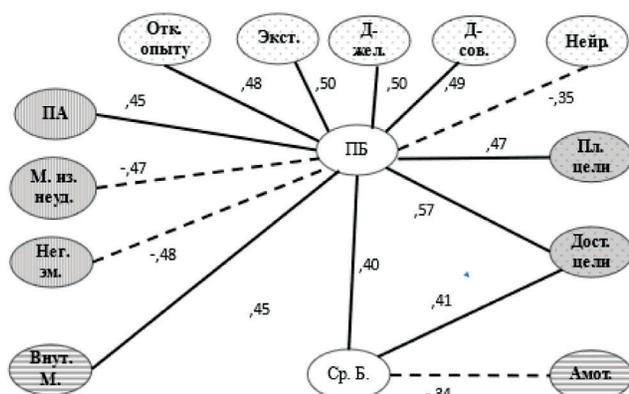

Рис. 4 / Fig. 4. Группа со стабильным ПБ (5 класс) / Group with stable PWB (5th grade)

Примечания: ПБ – «психологическое благополучие»; Ср. б. – «средний балл»; Д-сов. – «добросовестность»; Экст. – «экстраверсия»; Отк. опыту – «открытость опыту»; Нейр. – «нейротизм»; Пл. цели – «планирование цели», Дост. цели – «достижение цели»; Внут. м. – «внутренние мотивы»; Нег. эм. – «негативные эмоции»; М. из. неуд. – «мотивация избегания неудачи»; ПА – «познавательная активность»; Амот. – «амотивация».

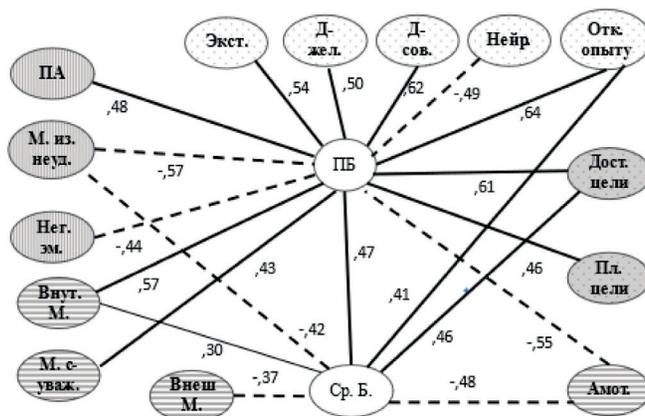

Рис. 5 / Fig. 5. Группа со стабильным ПБ (6 класс) / Group with stable PWB (6th grade)

Примечания: обозначения те же, а также М. с-уваж. – «мотивация самоуважения».

с «достижением цели»; несколько ниже взаимосвязь с «планированием цели». Зафиксированы высокие взаимосвязи со всеми факторами личности: положительные с «экстраверсией», «добросовестностью», «открытостью опыту», «добросовестностью», и отрицательная – с «нейротизмом». ПБ также высоко взаимосвязано с отношением к учению и академической мо-

тивацией. Положительно – с «познавательной активностью» и «внутренними мотивами», а отрицательно – с «мотивацией избегания неудачи» и «негативными эмоциями в отношении к обучению». Данную группу отличает от двух других взаимосвязь высокого уровня ($p \leq 0,01$) ПБ со средним баллом успеваемости по основным предметам. Средний балл, помимо уровня

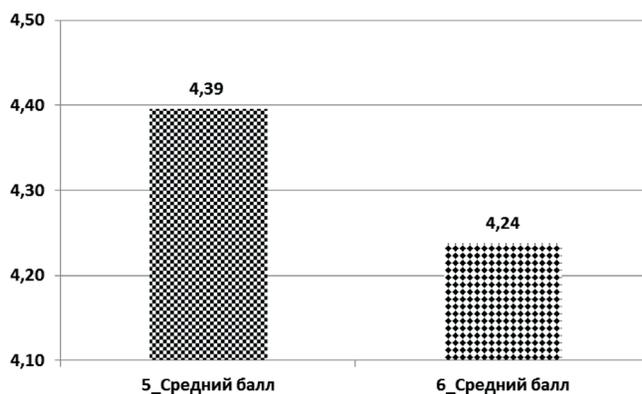

Рис. 6 / Fig. 6. Средний балл по успеваемости у учеников со стабильным ПБ в 5 и 6 классах / The average academic performance score of students with stable PWB in 5 and 6th grades

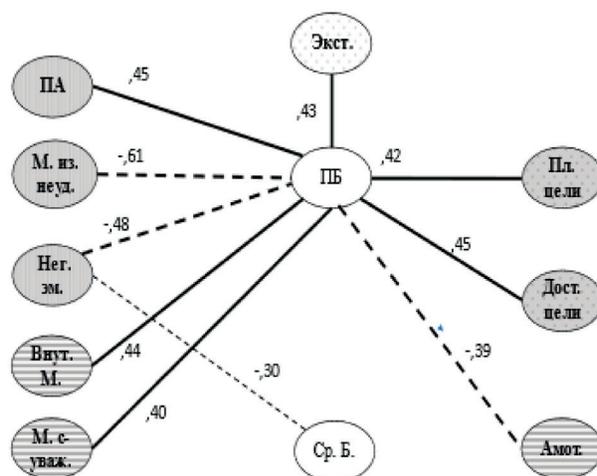

Рис. 7 / Fig. 7. Группа с повышающимся ПБ (5 класс) / Group with increasing PWB (5th grade)

Примечание: ПБ – «психологическое благополучие»; Ср. б. – «средний балл»; Экст. – «экстраверсия»; Пл. цели – «планирование цели», Дост. Цели – «достижение цели»; Внут. м. – «внутренние мотивы»; Нег. эм. – «негативные эмоции»; М. из. неуд. – «мотивация избегания неудачи»; ПА – «познавательная активность»; Амот. – «амотивация».

ПБ, в регуляции высоко положительно связан с «достижением цели» и отрицательно – с «амотивацией».

У группы со стабильным ПБ в 6 классе выявлены множественные взаимосвязи, среди которых высокая положительная взаимосвязь ПБ со средним баллом. ПБ представителей группы

наиболее взаимосвязано с «открытостью опыту» и другими факторами личности: положительно с «добросовестностью», «доброжелательностью» и «экстраверсией», отрицательно – с «нейротизмом». Обнаружена тесная взаимосвязь с обоими факторами СР, из них выше – с «достижением цели».

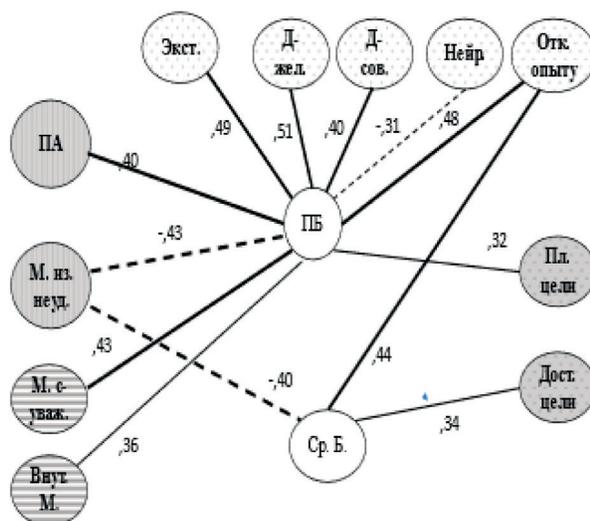

Рис. 8 / Fig. 8. Группа с повышающимся ПБ (6 класс) / Group with increasing PWB (6th grade)

Примечание: ПБ – «психологическое благополучие»; Ср. б. – «средний балл»; Д-сов. – «добросовестность»; Экст. – «экстраверсия»; Отк. опыту – «открытость опыту»; Нейр. – «нейротизм»; Пл. цели – «планирование цели», Дост. цели – «достижение цели»; Внут. м. – «внутренние мотивы»; Нег. эм. – «негативные эмоции»; М. из. неуд. – «мотивация избегания неудачи»; ПА – «познавательная активность».

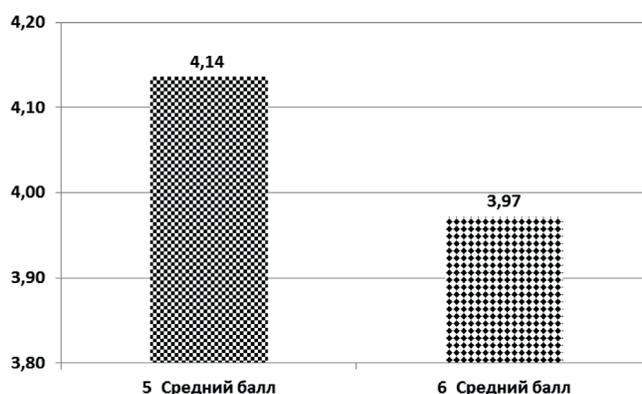

Рис. 9 / Fig. 9. Средний балл по успеваемости у учеников с повышающимся ПБ в 5 и 6 классах / The average academic performance score of students with increasing PWB in 5 and 6th grades.

Имеется также высокая взаимосвязь с «познавательной активностью» и «внутренними мотивами» познания, достижения и развития; при этом появилась высокая взаимосвязь с «мотивами самоуважения».

Положительная динамика ПБ

В группе с повышением ПБ (рис. 7–9) в 5 классе наибольшая взаимосвязь ПБ – отрицательная с «мотивацией избегания неудачи». Выявлены также

отрицательные взаимосвязи с «негативными эмоциями» в отношении к обучению и «амотивацией». Обнаружены тесные положительные взаимосвязи с обоими регуляторными факторами: «планированием» и «достижением цели». Из факторов личности высоко взаимосвязана с ПБ только «экстраверсия». В мотивационном плане, отличительной особенностью этой группы стала высокая взаимосвязь ПБ с «мотивами самоуважения», сопоставимая по уровню взаимосвязи с фактором, объединяющим три других вида «внутренних мотивов»: познания, достижения и развития. Установлена также высокая положительная взаимосвязь с «познавательной активностью». Средний балл имеет только одну значимую ($p \leq 0,05$) взаимосвязь: отрицательную с «негативными эмоциями».

У группы с повышением ПБ в 6 классе наибольшая положительная взаимосвязь ПБ с «доброжелательностью»; также высокие положительные взаимосвязи с «экстраверсией», «открытостью опыту» и «добросовестностью», а отрицательная взаимосвязь с «нейротизмом» оказалась меньше по уровню значимости ($p \leq 0,05$). В мотивационном плане высоко положительно взаимосвязана с ПБ «познавательная активность», а отрицательно – «мотивация избегания неудачи». Важной отличительной особенностью стало обнаружение, что взаимосвязь ПБ с «мотивами самоуважения» оказалась значимо ($p \leq 0,01$) более тесной, чем его взаимосвязь с другими внутренними мотивами вместе взятыми. Среди регуляторных факторов, ПБ взаимосвязано только с «планированием цели» ($p \leq 0,05$), а с «достижением цели» связан «средний балл», имеющий, помимо этого, ещё две

более высокие значимые взаимосвязи ($p \leq 0,01$): положительную с «открытостью опыту» и отрицательную с «мотивацией избегания неудачи».

Обсуждение результатов

В группе учащихся со снижением ПБ в 6 классе значимо ослабли связи ПБ с мотивационными, регуляторными и личностными особенностями. Единственная сохранившаяся высокая взаимосвязь – ПБ с «экстраверсией». Это означает, что учащиеся в 6 классе для поддержания своего благополучия, прежде всего, обращаются к внешним контактам с окружающими, вероятно, в поиске поддержки с их стороны. ПБ положительно связано процессом достижения цели, т. е., выполняя задания, в которых чётко определены цели и алгоритмы и не требуется постановка самостоятельных учебных целей, ученики чувствуют себя более благополучными. На этом фоне отмечается, что их ПБ утратило значимые взаимосвязи с познавательной активностью и внутренними мотивами обучения. Это свидетельствует о потере в определённой степени интереса к обучению, снижении стремлений к познанию нового и достижениям. Тем не менее, в этой группе не произошло усиления взаимосвязи ПБ с негативными переживаниями в обучении, а добросовестное выполнение заданий продолжает вносить свою положительную лепту в поддержание ПБ. Академические результаты в 6 классе в этой группе связаны с внутренними мотивами и с уменьшением амотивации, которая эти мотивы «притупляет».

Результаты соотносятся с данными, полученными зарубежными исследователями: Т. Е. Виртанен с коллегами, а также Д. Энглим в коллективной ста-

тье. В своей работе при этом мы получили аргументацию в пользу того, что выраженная и устойчивая во времени взаимосвязь ПБ с «экстраверсией», свидетельствующая об опоре учащегося на поддержку окружающих, более характерна для школьников со снижением ПБ в начале средней школы.

Таким образом, в группе со снижением ПБ наблюдается ослабление взаимосвязей ПБ с мотивационными, регуляторными и личностными предикторами обучения; познавательная активность и планирование учебных целей снизили свою значимость, акцентировано внимание на внешней поддержке, добросовестности и регуляции процесса достижения цели.

В группе учащихся со стабильным уровнем ПБ от 5 к 6 классу сохраняются множественные сильные его взаимосвязи с некогнитивными предикторами обучения. Главным отличием, которое следует отметить, является то, что в данной группе присутствует и сохраняется при переходе в 6 класс высоко значимая взаимосвязь ПБ с академической успеваемостью. Учащиеся связывают своё ПБ с академической успеваемостью. Таким образом, складывается стабильная система взаимосвязей с многообразием учебно-значимых факторов, которые, в свою очередь, выступают потенциальными ресурсами поддержания их благополучия. Отметим в этой связи вклад в ПБ таких показателей, как «добросовестность» и «открытость опыту», «саморегуляция процессов достижения учебных целей». Помимо этого, происходит усиление взаимосвязи с познавательной активностью, внутренними мотивами, а также появляется отдельная высокая взаимосвязь с мотивами самоуважения. Это свидетельствует

о том, насколько важно «стабильным» учащимся для поддержания своего благополучия успешное обучение, интерес к новым знаниям, активное освоение учебного материала, собственное развитие, удовлетворённость успехами и признание достижений окружающими.

Схожие результаты получены зарубежными исследователями В. Рапуэно, П. Верхаген и К. Лундвалл в коллективной работе. Однако результаты актуального исследования позволяют уточнить, что высокая взаимосвязь ПБ с академическими результатами и многообразием регуляторных, мотивационных и личностных ресурсов обучения, вероятно, в большей степени является характеристикой обучающихся со стабильным ПБ в начале средней школы.

Так, стабильность ПБ обеспечивается его взаимосвязью с академической успеваемостью и многообразием регуляторных, мотивационных и личностных факторов, поддерживая на неизменном уровне стремление к успешному обучению.

В группе учащихся с повышением ПБ в 6 классе его взаимосвязи с внутренними мотивационными стремлениями и осознанной СР учебной деятельности снижаются. Отличительная особенность этой группы в том, что у неё наблюдается сильная взаимосвязь ПБ с мотивацией самоуважения. Ученики этой группы планируют свои учебные цели, связь ПБ с познавательной активностью высока. Можно предположить, что для повышения своего благополучия эти учащиеся нуждаются в регулярном мотивационно-эмоциональном подкреплении через переживание состояния самоуважения и получение конкретных результатов своих учебных усилий. Амбициозные

цели, планирование достижений усилят их познавательную активность и благополучие. Закономерно, что в 6 классе у них существенно расширяются взаимосвязи ПБ с академическими результатами, с личностными факторами – открытостью опыту и добросовестностью. Усиление и без того высокой отрицательной взаимосвязи ПБ с мотивацией избегания неудачи становится объяснимым. С учётом отсутствия тесных взаимосвязей ПБ и академических результатов мы можем наблюдать, что представления об успешности, способствующей переживанию самоуважения, и реальные результаты этих учащихся различаются. Вероятно, ученики этой группы пока больше мечтают о достижениях, нежели прикладывают реальные усилия. Но их мечтаания делают их счастливее.

Заключение

1. Для группы с отрицательной динамикой психологического благополу-

чия выявлено общее снижение уровня взаимосвязей психологического благополучия с особенностями регуляции и академической мотивации в 6 классе.

2. Для стабильной группы характерны множественные взаимосвязи уровня психологического благополучия с некогнитивными предикторами обучения и академическими результатами. Стабильность ПБ поддерживается академической успеваемостью, которая, в свою очередь, связана с развитой осознанной саморегуляцией и высокой академической мотивацией в 6 классе.

3. Для группы с положительной динамикой специфично снижение взаимосвязей психологического благополучия с осознанной саморегуляцией учебной деятельности в 6 классе и повышение взаимосвязи с мотивационными особенностями. Повышение ПБ поддерживается мотивом самоуважения.

*Статья поступила
в редакцию 15.09.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Д., Прихожан А. М. Методика диагностики мотивации учения и отношения к учению в средних и старших классах школы // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 33–38.
2. Бондаренко И. Н., Потанина А. М., Цыганов И. Ю. Динамика регуляторных и личностных свойств младших школьников со снижением психологического благополучия (лонгитюдные данные) // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации: материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 22–23 октября 2020 г. / под ред. Т. Н. Банщиковой, Е. А. Фоминой, В. И. Моросановой. М.: Знание-М, 2020. С. 55–69.
3. Бондаренко И. Н., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И. Факторная структура опросника «Отношение к учению в средних и старших классах школы» // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: материалы III Международной научно-практической конференции. Калуга, 20–21 мая 2016 г. Калуга: ИП Стрельцов И. А., 2018. С. 3–9.
4. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Гижикский В. В. Шкалы внутренней и внешней академической мотивации школьников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 2. С. 65–74.

5. Малых С. Б., Тихомирова Т. Н., Васин Г. М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Большая пятёрка – детский вариант» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 4. С. 6–12.
6. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 62–78.
7. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика осознанной саморегуляции учебной деятельности: новая версия опросника ССУД-М // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 4. № 2. С. 27–37.
8. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н., Фомина Т. Г. Создание русскоязычной версии опросника проявлений психологического благополучия (ППБП) для подростков // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 103–109.
9. Моросанова В. И., Фомина Т. Г. Осознанная саморегуляция учебной деятельности как ресурс субъективного благополучия школьников при изменении условий обучения // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 62–74.
10. Фомина Т. Г., Ефтимова О. В., Моросанова В. И. Взаимосвязь субъективного благополучия с регуляторными и личностными особенностями у учащихся младшего школьного возраста // Психолого-педагогические исследования. 2018. № 2. С. 64–76.
11. Фомина Т. Г., Ишмуратова Ю. А., Филиппова Е. В. Регуляторные, мотивационные и личностные особенности младших подростков с позитивной динамикой психологического благополучия // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации: материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 22–23 октября 2020 г. / под ред. Банщиковой Т. Н., Фоминой Е. А., Моросановой В. И. М.: Знание-М, 2020. С. 298–311.
12. Фомина Т. Г., Моросанова В. И., Макушина Л. Н. Осознанная саморегуляция как медиатор взаимосвязи личностных диспозиций и психологического благополучия младших школьников // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Междунар. науч. конф., Кострома, 26–28 сент. 2019 г.: в 2 т. / под ред. М. В. Сапоровской, Т. Л. Крюковой, С. А. Хазова. Т. 1. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. С. 262–266.
13. Balgiu B. Curiosity and subjective well-being: The mediation of the big five personality traits // Global Journal of Psychology Research: New Trends and Issues. 2020. № 10. Vol. 1. Pp. 151–159.
14. Building more than knowledge: Teacher's support facilitates study-related well-being through intrinsic motivation. A longitudinal multi-group analysis / P. Zselyke, D. Virga, D. Lupsa, M. Crasovan // Learning and Individual Differences. 2021. Vol. 88. URL: <https://www.researchgate.net/publication/349180366> (дата обращения: 25.09.2021).
15. Changes in students' psychological well-being during transition from primary school to lower secondary school: A person-centered approach / T. E. Virtanen, K. Vasalampi, M. Torppa, M. K. Lerkkanen, J. E. Nurmi // Learning and Individual Differences. 2019. Vol. 69. P. 138–149.
16. Comparing family, friends and satisfaction with school experience as predictors of SWB in children who have and have not made the transition to middle school in different countries [Электронный ресурс] / X. Oriol, J. Torres, R. Miranda, M. Bilbao, H. Ortuzar // Children and Youth Services Review. 2017. Vol. 80. P. 149–156. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 10.09.2021).

17. Effect of levels of self-regulation and situational stress on achievement emotions in undergraduate students: class, study and testing / J. de la Fuente, P. V. Paoloni, M. M. Vera-Martinez, A. Garzon-Umerenkova [Электронный ресурс] // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. Iss. 12. URL: [https://doi.org/10.3390/ijerph17124293\(17\):4293](https://doi.org/10.3390/ijerph17124293(17):4293) (дата обращения: 10.09.2021).
18. Fomina T. G., Burmistrova-Savenkova A. V., Morosanova V. I. Self-regulation and psychological well-being in early adolescence: a two-wave longitudinal study [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 67. URL: <https://doi.org/10.3390/bs10030067> (дата обращения: 25.09.2021).
19. Gutman L. M., Feinstein L. Parenting behaviours and children's development from infancy to early childhood: Changes, continuities and contributions // Early Child Development and Care. 2010. Vol. 4. P. 535–556.
20. Morosanova V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N. The Dynamics of the Interrelationships between Conscious Self-regulation, Psychological Well-being and School-related Subjective Well-being in Adolescents: A Three-year Cross-lagged Panel Study // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Vol. 14. Iss. 3. P. 34–49.
21. Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis / J. Anglim, Sh. Horwood, L. D. Smillie // Psychological Bulletin. 2020. № 146. Vol. 4. 62 P.
22. Rapuano V. Psychological well-being and its relationship with the academic achievement of Lithuanian students // Socialiniai tyrimai. 2019. Vol. 42. Iss. 2. P. 44–51.
23. Rehman A. U., Bhuttah T. M., You X. Linking burnout to psychological well-being: the mediating role of social support and learning motivation // Psychology Research and Behavior Management. 2020. Vol. 13. P. 545–554.
24. Ryff C. D., Singer B. The contours of positive human health // Psychological inquiry. 1998. Vol. 9. Iss. 1. P. 300–319.
25. Self-regulation mechanisms explain how dispositional mindfulness promotes well-being / C. Lundwall, S. Fairborn, L. Quinones-Camacho, J. Estep, E. Davis // Journal of Positive School Psychology. 2019. Vol. 3. Iss. 2. P. 153–164.
26. The influence of school assets on the development of well-being during early adolescence: Longitudinal mediating effect of intentional self-regulation / S. Chang, G. Mingyu, W. Jingmin, W. Lingxiao, W. Zhang // Acta Psychologica Sinica. 2020. Vol. 52. Iss. 7. P. 874–885.
27. The structure of mental health: Higher-order confirmatory factor analyses of psychological distress and well-being measures / R. Massif, C. Poulin, C. Dassa, J. Lambert, S. Vailair, A. Battaglini // Social Indicators Research. 1998. V. 45. № 1–3. P. 475–504.
28. Understanding children's well-being: a national survey of young people's well-being [Электронный ресурс] / G. Rees J. Bradshaw, H. Goswami, A. Keung // The Children's Society. 2010. URL: [https://www.childrensociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Understanding%20 children%27s%20wellbeing_0.pdf](https://www.childrensociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Understanding%20children%27s%20wellbeing_0.pdf) (дата обращения: 12.09.2021).
29. Verhaeghen P. There is virtue in mindfulness: The relationship between the mindfulness manifold, virtues, and eudemonic wellbeing [Электронный ресурс] // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 176. URL: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 12.09.2021).

REFERENCES

1. Andreeva A. D., Prihozhan A. M. [Methodology-diagnostics of motivation for learning and attitudes towards learning in middle and senior classes of school]. In: *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2006, no. 1, pp. 33–38.

2. Bondarenko I. N., Potanina A. M., Cyganov I. Yu. [Dynamics of the regulatory and personal properties of primary schoolchildren with a decrease in psychological well-being (longitudinal data)]. In: Banshchikova T. N., Fomina E. A., Morosanova V. I., ed. *Lichnostnye i regulyatornye resursy dostizheniya obrazovatel'nyh i professional'nyh celej v epohu cifrovizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii. Moskva, 22–23 oktyabrya 2020 g.* [Personal and regulatory resources for achieving educational and professional goals in the era of digitalization: materials international scientific and practical online conference. Moscow, October 22–23, 2020]. Moscow, Znanie-M Publ., 2020, pp. 55–69.
3. Bondarenko I. N., Cyganov I. Yu., Morosanova V. I. [Factor structure of the questionnaire Attitude towards learning in middle and high school]. In: *Lichnost', intellekt, metakognicii: issledovatel'skie podhody i obrazovatel'nye praktiki: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kaluga, 20–21 maya 2016 g* [Personality, intelligence, metacognition: research approaches and educational practices: materials of the III International Scientific and Practical Conference. Kaluga, May 20–21, 2016]. Kaluga, I. A. Strel'cov's Publ., 2018, pp. 3–9.
4. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Gizhickij V. V. [Scales of internal and external academic motivation of schoolchildren]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2017, vol. 22, no. 2, pp. 65–74.
5. Malyh C. B., Tihomirova T. N., Vasin G. M. [Adaptation of the Russian-language version of the questionnaire “The Big Five – Children’s Option”]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2015, vol. 8, no. 4, pp. 6–12.
6. Morosanova V. I. [Conscious self-regulation of voluntary human activity as a psychological resource for achieving goals]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2014, no. 4., pp. 62–78.
7. Morosanova V. I., Bondarenko I. N. [Diagnostics of conscious self-regulation of educational activity: a new version of the SSUD-M questionnaire]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2017, vol. 4, no. 2, pp. 27–37.
8. Morosanova V. I., Bondarenko I. N., Fomina T. G. [Creation of the Russian-language version of the questionnaire of manifestations of psychological well-being (PPBP) for adolescents]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2018, no. 4, pp. 103–109.
9. Morosanova V. I., Fomina T. G. [Conscious self-regulation of educational activity as a resource for the subjective well-being of schoolchildren in changing learning conditions]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2019, no. 3, pp. 62–74.
10. Fomina T. G., Morosanova V. I., Makushina L. N. [Conscious self-regulation as a mediator of the relationship between personal dispositions and psychological well-being of primary schoolchildren]. In Saporovskaya M. V., Kryukova T. V., Hazov S. V., ed. *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagopoluchie: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 26–28 sent. 2019 g* [Psychology of stress and coping behavior: challenges, resources, well-being: materials of the V International Conference. scientific. conf. Kostroma, 26–28 Sept. 2019]. Kostroma, Kostroma. Regional Uiversity's Publ., 2019, vol. 1, pp. 262–266.
11. Fomina T. G., Ishmuratova Yu. A., Filippova E. V. [Regulatory, motivational and personal characteristics of younger adolescents with positive dynamics of psychological well-being]. In: Banshchikova T. N., Fomina E. A., Morosanova V. I., ed. *Lichnostnye i regulyatornye resursy dostizheniya obrazovatel'nyh i professional'nyh celej v epohu cifrovizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii. Moskva, 22–23 oktyabrya 2020 g.* [Personal and regulatory resources for achieving educational and professional goals in the era of digitalization: materials international scientific and practical online conference. Moscow, October 22–23, 2020]. Moscow, Znanie-M Publ., 2020, pp. 298–311.

12. Fomina T. G., Eftimova O. V., Morosanova V. I. [The relationship of subjective well-being with regulatory and personal characteristics in primary school age students]. In: *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2018, no. 2, pp. 64–76.
13. Balgiu B. Curiosity and subjective well-being: The mediation of the big five personality traits. In: *Global Journal of Psychology Research: New Trends and Issues*, 2020, no. 10, vol. 1, pp. 151–159.
14. Zselyke V., Virga D., Lupsa D., Crasovan M. Building more than knowledge: Teacher's support facilitates study-related well-being through intrinsic motivation. A longitudinal multi-group analysis [Electronic source]. In: *Learning and Individual Differences*, 2021, vol. 88. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/349180366> (accessed: 25.09.2021).
15. Virtanen T. E., Vasalampi K., Torppa M., Lerkkanen M. K., Nurmi J. E. Changes in students' psychological well-being during transition from primary school to lower secondary school: A person-centered approach. In: *Learning and Individual Differences*, 2019, vol. 69, pp. 138–149.
16. Oriol X., Torres J., Miranda R., Bilbao M., Ortuzar H. Comparing family, friends and satisfaction with school experience as predictors of SWB in children who have and have not made the transition to middle school in different countries [Electronic source]. In: *Children and Youth Services Review*, 2017, vol. 80, pp. 149–156. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 10.09.2021).
17. de la Fuente J., Paoloni P. V., Vera-Martinez M. M., Garzon-Umerenkova A. Effect of levels of self-regulation and situational stress on achievement emotions in undergraduate students: class, study and testing [Electronic source]. In: *International journal of environmental research and public health*, 2020, vol. 17, iss. 12. Available at: [https://doi.org/10.3390/ijerph17124293\(17\):4293](https://doi.org/10.3390/ijerph17124293(17):4293) (accessed: 10.09.2021).
18. Fomina T. G., Burmistrova-Savenkova A. V., Morosanova V. I. Self-regulation and psychological well-being in early adolescence: a two-wave longitudinal study [Electronic source]. In: *Behavioral Sciences*, 2020, vol. 67. Available at: <https://doi.org/10.3390/bs10030067> (accessed: 25.09.2021).
19. Gutman L. M., Feinstein L. Parenting behaviours and children's development from infancy to early childhood: Changes, continuities and contributions. In: *Early Child Development and Care*, 2010, vol. 4, pp. 535–556.
20. Morosanova V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N. The Dynamics of the Interrelationships between Conscious Self-regulation, Psychological Well-being and School-related Subjective Well-being in Adolescents: A Three-year Cross-lagged Panel Study. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2021, vol. 14, iss. 3, pp. 34–49.
21. Anglim J., Horwood Sh., Smillie L. D. Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis. In: *Psychological Bulletin*, 2020, no. 146, vol. 4, 62 p.
22. Rapuano V. Psychological well-being and its relationship with the academic achievement of Lithuanian students. In: *Socialiniai tyrimai*, 2019, vol. 42, iss. 2, pp. 44–51.
23. Rehman A. U., Bhuttah T. M., You X. Linking burnout to psychological well-being: the mediating role of social support and learning motivation. In: *Psychology Research and Behavior Management*, 2020, vol. 13, pp. 545–554.
24. Ryff C. D., Singer B. The contours of positive human health. In: *Psychological inquiry*, 1998, vol. 9, iss. 1, pp. 300–319.
25. Lundwall C., Fairborn S., Quinones-Camacho L., Estep J., Davis E. Self-regulation mechanisms explain how dispositional mindfulness promotes well-being. In: *Journal of Positive School Psychology*, 2019, vol. 3, iss. 2, pp. 153–164.
26. Chang S., Mingyu G., Jingmin W., Lingxiao W., Zhang W. The influence of school assets on the development of well-being during early adolescence: Longitudinal mediating effect of intentional self-regulation. In: *Acta Psychologica Sinica*, 2020, vol. 52, iss. 7, pp. 874–885.

27. Massif R., Poulin C., Dassa C., Lambert J., Вйлair S., Battaglini A. The structure of mental health: Higher-order confirmatory factor analyses of psychological distress and well-being measures. In: *Social Indicators Research*, 1998, vol. 45, no. 1–3, pp. 475–504.
28. Rees G., Bradshaw J., Goswami H., Keung A. Understanding children's well-being: a national survey of young people's well-being [Electronic source]. In: *The Children's Society*, 2010. Available at: https://www.childrensociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Understanding%20children%27s%20wellbeing_0.pdf (accessed: 12.09.2021).
29. Verhaeghen P. There is virtue in mindfulness: The relationship between the mindfulness manifold, virtues, and eudemonic wellbeing [Electronic source]. In: *Personality and Individual Differences*, 2021, vol. 176. Available at: <https://www.semanticscholar.org> (accessed: 12.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыганов Игорь Юрьевич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института Российской академии образования;
e-mail: i4321@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

Бондаренко Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования;
e-mail: pondi@inbox.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/000-0001-5539-10270>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Tsyganov – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education;
e-mail: i4321@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

Irina N. Bondarenko – Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education;
e-mail: pondi@inbox.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/000-0001-5539-10270>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цыганов И. Ю., Бондаренко И. Н. Взаимосвязь психологического благополучия с личностными, регуляторными и мотивационными особенностями у обучающихся в средней школе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 40–61.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-40-61

FOR CITATION

Tsyganov I. Yu., Bondarenko I. N. Relationship of psychological well-being with personal, regulatory, and motivational characteristics of students in secondary school. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 40–61.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-40-61

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-62-77

PERCEPTION OF TIME AMONG ENTREPRENEURS IN THE FIELD OF “GREEN” ECONOMY

E. Zabelina¹, A. Kartashova¹, A. Telitsyna²

¹ *Chelyabinsk State University*

ul. brat'yev Kashiriniyh 129, Chelyabinsk 454001, Chelyabinsk Region, Russian Federation

² *HSE University*

ul. Myasnitskaya 20, Moscow 101000, Russian Federation

Abstract

Aim of the article is to study the ideas about the time of life, the perception of the past, present and future, and the attitude to time among entrepreneurs in the field of “green” economy. To realize the aim the authors used a semi-structured interview.

Procedure and methods. To study the perception of time by entrepreneurs in the field of “green” economy, a semi-structured interview program was developed. The introductory part of the questions was aimed at establishing contact with the respondent and included questions for collecting demographic data. The main part includes ideas about the time of life, perception of the image of the past, present and future, goals and the planning horizon. The final stage determined the motivational and value predictors of the choice of the direction of the “green” economy and their connection with the perception of time.

Results. Motivational and value predictors are revealed: the ability of entrepreneurs to “forget” negative situations of the past, to be persistent and persistent in achieving goals, the ability to predict events in the distant and foreseeable future. There are a lot of positive memories in the minds of eco-entrepreneurs, the past is compared with the category of experience and is updated when analyzing errors. The main task in business management is associated with the resource of the present time, which is filled with professional activities, family, security. The link between the present and the future is the issues of public well-being, business development and financial stability.

Research implications. The study expands the idea of the time resource of entrepreneurs. In addition, the results contribute to the idea of value-time predictors of entrepreneurial activity in the field of “green” economy.

© СС ВУ Забелина Е. В., Карташова А. А., Телицына А. Ю., 2021.

Keywords: “Green” economy, entrepreneurs, eco-technologies, perception of time, image of past, present and future, attitude to time, time resource.

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and Chelyabinsk Region within the framework of the scientific project No. 20-413-740009. The study was carried out within the framework of the HSE University Basic Research Program.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ В СФЕРЕ «ЗЕЛЁНОЙ» ЭКОНОМИКИ

Забелина Е. В.¹, Карташова А. А.¹, Телицына А. Ю.²

¹ Челябинский государственный университет
454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129,
Российская Федерация

² Высшая школа экономики
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация

Цель – изучение представлений о времени жизни, восприятии прошлого, настоящего и будущего и отношения ко времени у предпринимателей в сфере «зелёной» экономики. Для реализации цели авторы разработали полуструктурированное интервью.

Процедура и методы. Для исследования восприятия времени предпринимателями в сфере «зелёной» экономики была разработана программа полуструктурированного интервью. Вводная часть вопросов была направлена на налаживание контакта с респондентом и включала в себя вопросы для сбора демографических данных. В основную часть были включены представления о времени жизни, восприятии образа прошлого, настоящего и будущего, целей и горизонта планирования. Заключительный этап определял мотивационно-ценностные предикторы выбора направления «зелёной» экономики и их связи с восприятием времени.

Результаты. Выявлены мотивационно-ценностные предикторы: способность предпринимателей «забывать» негативные ситуации прошлого, быть упорным и настойчивым в достижении целей, способность прогнозировать события далёкого и обозримого будущего. В сознании эко-предпринимателей много позитивных воспоминаний, прошлое сопоставляется с категорией опыта и актуализируется при анализе ошибок. Главная задача в управлении бизнесом ассоциируется с ресурсом настоящего времени, которое заполняется профессиональной деятельностью, семьёй, обеспечением безопасности. Связь между настоящим и будущим заключается в общественном благе, развитии бизнеса и финансовой стабильности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование расширяет представление о временном ресурсе предпринимателей. Результаты вносят вклад в представление о ценностно-временных предикторах предпринимательской деятельности в сфере «зелёной» экономики.

Ключевые слова: «зелёная» экономика, предприниматели, экотехнологии, восприятие времени, образ прошлого, настоящего и будущего, отношение ко времени, временной ресурс

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Челябинской области в рамках научного проекта № 20-413-740009 и в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Introduction

The development of a “green” business based on the efficient use of natural resources, reducing the share of ecosystem pollution and increasing biodiversity is one of the leading global trends today [1]. The relevance of the development of this direction is due to the need to form a methodological base for the development of a competitive domestic economy. In the Russian economy, which consists of more than 50% of the export and raw materials industry, the transition to an environmentally balanced economy has been marked: forums are held annually, government grants are allocated, investment programs are created for the development of the “green economy” sector¹. However, despite all the efforts made in this area, the state of the environment is noticeably deteriorating. According to FinExpertiza, over the past year, the number of cases of extremely high levels of pollution has increased by 4 times². In addition, even after the adoption of the law on “green” financing in Russia³, the volume of the market

for financing green entrepreneurship remains insignificant, which indicates the weakness of this economic sector⁴.

There is a certain scientific interest in the branch of the “green” economy [4], but there are still few actual developments in this area, especially in the study of its socio-psychological aspects [16]. The psychological characteristics of entrepreneurs in this area, in particular, the peculiarities of perception and attitude to life time and the motivational and value characteristics associated with them, have not been sufficiently studied. This study aims to partially fill this gap.

Theoretical overview

Time studies in the field of entrepreneurial activity are conducted in four directions. The first direction, represented by the largest number of works, is economic research, in which time is considered as a resource for entrepreneurial activity [10]. The focus of these studies is aimed at identifying the most optimal strategies for spending time in the process of entrepreneurial activity [17]. The works carried out within the framework of this direction study what stages of entrepreneurial activity exist, as well as strategies for optimal spending of time at a particular stage [6]. The second area of research is related to the assessment of risk and the level of uncertainty in making entrepreneurial decisions [11]. The third

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117 (дата обращения: 13.08.2021).

² Количество высоких загрязнений в воздухе выросло в четыре раза [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/vysok-zagryazn-vozd> (дата обращения: 13.08.2021).

³ Зелёное финансирование [Электронный ресурс]. URL: <https://web.rf/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴ Идеи экоактивизма возводятся в ранг новой религии. Как это поможет Челябинску? [Электронный ресурс]. URL: <https://chel.dk.ru/news/237150657> (дата обращения: 13.08.2021).

direction examines how entrepreneurial activity changes over time [12] (Gielnik et al., 2014), that is, it identifies business features depending on the age of entrepreneurs [6].

Only the fourth direction, unlike the previous ones, considers not the objective, but the subjective time of an entrepreneur as a subject of study [8; 15]. Scientists are interested in how an entrepreneur perceives time, how he treats it, what mental and behavioral patterns exist among entrepreneurs in relation to time compared to hired employees. There are separate attempts to investigate different types of entrepreneur's time [5]. A "special" relationship with time – the ability to be aware of its different types, to feel time, to manage it – can be considered as a distinctive feature of an entrepreneur (Ibid.).

A connection was found between the success of entrepreneurs and their time perspective [20]. Studies conducted by domestic specialists allow us to assert that the time perspective of enterprise managers is associated not so much with individual psychological characteristics as with the values, norms of the management team and characteristics of the corporate culture [3]. The article examines how different time dispositions of company owners, such as "avral" (a feeling of chronic haste) and "the style of successive steps", affect corporate entrepreneurship as a strategic behavior [8].

However, most of the work in this direction is related to the study of the time perspective of the future for entrepreneurs [22]. There is an opinion that entrepreneurs, both beginners and established, show a pronounced orientation towards the future [22]. Probably, this feature (a developed perspective of the future) is formed by entrepreneurs, because they

need to build a business strategy for years ahead, predict what will be in demand on the market in the future. Studies are being conducted showing that for greater efficiency of entrepreneurial activity, it is necessary to focus both on the future and on the present at the same time. For example, A. Shipp and her colleagues [24] emphasize the importance of a temporary focus on the present and the future when it comes to making decisions with delayed economic consequences [9].

A separate area of research is devoted to the so-called "green" economy and the special role of entrepreneurs in this paradigm of sustainable economic development. The term "green" economy is interpreted ambiguously. First, it is an economy in which social well-being and justice are ensured, but at the same time risks to the environment and ecological deficit are minimized. In a "green" economy, employment and income growth should be ensured through investments aimed at reducing CO₂ emissions, increasing resource and energy efficiency, preventing further decline in biodiversity and ecosystem services [1]. Secondly, it is a system of economic relations in which the production, distribution and consumption of goods and services is focused on the growth of social well-being in the long term. At the same time, such a system does not place future generations in conditions of environmental scarcity and increased environmental risks¹, which in itself is associated with a temporary perspective of the future. Third, the "green" economy is a sustainable economy that improves the quality of life for everyone

¹ UNEP 2009 annual report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/resources/annual-report/unep-2009-annual-report> (дата обращения: 13.08.2021).

within the environmental constraints of our planet¹.

Thus, the conducted analysis allows us to state that the problem of subjective time among entrepreneurs is in the formative stage, and is represented today by very scarce and contradictory evidence about a pronounced time perspective of the future. It can be assumed that entrepreneurs, as a social and professional group characterized by a special style of thinking, concentrating on the possibilities of the moment, ready to take responsibility and take risks, have a wide range of features in the perception and experience of time. In addition, very little is known about the peculiarities of the perception of life time by entrepreneurs operating in the “green” economy. The purpose of the article is to study the ideas about the time of life, the perception of the past, present and future, and the attitude to time among entrepreneurs in the field of “green” economy.

Methods and sample

Within the framework of the search research, preference was given to qualitative methods, which are often a tool for studying those topics and problems that have not yet been the subject of scientific research. The qualitative approach encourages the researcher to dispense with preliminary theoretical ideas about which of the variables will be more important and how the results will fit into the system of explanations offered by the existing theory [14].

In particular, the interview method was used with the subsequent analysis of the

obtained data without resorting to statistical methods [2]. To study the perception of time by entrepreneurs in the field of “green” economy, a semi-structured interview program was developed. The introductory part of the questions was aimed at establishing contact with the respondent and included questions for collecting demographic data. The main part includes ideas about the time of life, perception of the image of the past, present and future, goals and the planning horizon. The final stage determined the motivational and value predictors of the choice of the direction of the “green” economy and their connection with the perception of time.

The study involved 10 representatives of small and medium-sized businesses implementing the environmental direction, aged from 38 to 62 years, all men. The respondents live in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region and carry out business activities in the following areas: clean production technologies, smart technologies for monitoring and controlling environmental pollution, promising waste disposal technologies, bases of practical environmental services, technologies and knowledge, modeling and management of ecosystems and natural processes. The interviews were conducted individually. The materials collected through interviews were processed by the method of thematic analysis, which includes six consecutive stages [7].

Results

Representation of time

For the majority of respondents, time is presented as a *resource*, along with other resources of life and business. At the same time, the value of this resource is emphasized due to its limitations, the possession of it gives energy. Entrepreneurs are convinced that time, like any resource, *can be*

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года. (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117 (дата обращения: 13.08.2021).

managed, but the *success* of a business also depends on the ability to manage it:

“Time is a resource” (male, 47 years old)

“The most valuable resource” (male, 42 years old)

“For me, it’s still more like the concept of *energy*, because depending on *how I participate in the event* (waiting or involved) ... like an *energy* that I either know how to manage or I don’t know how to manage.” (male, 50 years old)

“In General, time is a *matter*, the person *can control* the time, ie, it, it has certain limits, *he can’t stop time*, but *it can be very slow*, but it will still flow ... People may or strongly slow down or strongly to speed it up, *losing time, too, maybe*. ... *A living substance, a part of us, is a part of the natural, cosmic and something else there. And you can get a benefit from 5 minutes, or you can, you know, have lived for 60 years...*” (man, 38 years old)

“The most important thought in time is that there is *always not enough* time, this is once, and it’s always a pity that *you didn’t have time* for something. These are the main two, the main two directions of my attitude to time. Although no, it’s still the third time that it’s a pity that the time *spent aimlessly*” (man, 42 years old).

Time in the minds of respondents is associated with achieving a goal, success. In this regard, the loss of time, its irrational waste is perceived very painfully. This can be seen as signs of experiencing time in a postmodern society, where the relationship between social status (income level) and the availability of free time is characteristic¹. Long hours of work, lack of time

for rest is a typical pattern of modernity, demonstrating a link to the dominant social class [13]. Lack of time becomes a mandatory attribute of wealth, high social status, and a standard of behavior [19]. In general, the perception of time as a resource of life and business is consistent with one of the directions of studying the category of time among entrepreneurs [10].

Image of the past

The past is perceived by respondents, first of all, as an experience that allows them to learn and avoid mistakes in the present and future:

“You constantly see your *mistakes*, and this is like turning to the past in this regard, it indicates...” (man, 50 years old)

“According to the past – well, how to say, everyone has some *mistakes*, shortcomings, I’m working on all this, but relying again, I say, the past as an *experience*. That is, experience. As a result, well, I look at the past as if the lack of a result sometimes is also a *result*” (man, 38 years old).

“Well, I’m probably still a person who digs into the past very little, but returns to the past. I still draw from the past *knowledge*, I constantly return to some collected materials, some memories of solving some problems...” (male, 47 years old).

In addition, bright events of the past are a powerful emotional resource that gives energy and motivation in the present:

“If you sort it out like this, honestly, that is, I *miss the past*, there are such moments, I remember, I *need some motivation*, I remember” (man, 58 years old).

“About the past, some kind of *sensory-emotional* part, it, of course, very often

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года. (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс]. URL :

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117 (дата обращения: 13.08.2021).

refers to the state, perhaps, of past experiences” (man, 50 years old).

When answering the question about the most memorable moments of the past, respondents note mainly family events, such as the birth of children. In addition, the experience of achieving a significant goal (in business, science, social activities) was mentioned as an important event:

“4 significant situations are the birth of children” (male, 43 years old).

“Well, let’s have the most recent one – a daughter. The birth of my first daughter was such a cultural shock for me, I have a late child, at 40 years old” (male, 47 years old).

“The birth of three children, well, my own and my sister. I have a lot of so-and-so bright moments” (man, 38 years old).

“Defense of the candidate’s thesis. Moreover, I protected her and then at night, in a dream, I protected her for probably another 2 months” (man, 43 years old).

“Well, the event, let’s say, when I was able to defeat a monopolist, when I was cut down on the first event with Gazprom. I won the cadastral chamber” (47 years old).

“I probably headed a fairly large enterprise at the age of 24-25. Well, that is, there were 40-50 people, etc. At the age of 25, it was also such an event for me, this is the responsibility. Before that, I was always on the sidelines. And I brought it all, restored it, made it, it was just like after a nuclear explosion, everything was here on the territory there without windows, without doors” (man, 47 years old).

All the most memorable events from the past are emotionally positive (the birth of children, victories in school and business), which confirms the results of quantitative studies about the more pronounced ability of entrepreneurs to

quickly forget negative experiences, not to “fixate” on the negative [21].

The image of the present

The present is full of events, tasks that need to be solved. In the present, a competent allocation of time resources is required. Some entrepreneurs have a feeling of dissatisfaction with the incomplete realization of their potential, some have a desire to work, achieve new goals, excitement and drive:

“For real – well, this is again a *good resource allocation*, if we take the time...” (male, 50 years old)

“I always used to *organize, organized the so-called 20/80* to do 20% of the most important cases, and 80% – more if you have time then do it, if not enough, somehow, to distribute them because they do not bring any satisfaction or material of some components” (male, 40 years).

“Well, I probably have some kind of constant *dissatisfaction with the results*, because I told you that I am dissatisfied, I told you that I work there for some percentage of my potential” (male, 47 years old).

“That is, for me, the interest drops when... Well, let’s say I need problems, I need *difficulties* ... I was told – all these difficulties, they were needed, well, it’s just a property of character. I am there, for all these reasons, a *warrior*” (man, 57 years old).

«*I’m fine*, I have a spouse, children, there are three children. I’m not saying that everything is white and fluffy there all the time, of course, I’m in society” (38 years old).

Probably, the presence of some satisfaction with the results in the present encourages entrepreneurs in the field of “green” economy not to stop at what has

been achieved, but to continue to set and achieve new goals. Conversely, the ability to continue doing business despite difficulties, perseverance and perseverance can be considered as distinctive features of entrepreneurs in this field.

Image of the future

Looking far into the future is an important ability of entrepreneurs in the field of “green” economy. The ability to predict events, calculate various scenarios, quickly respond to the emergence of new technologies, be “actors” and not “re-actors” is an integral feature of respondents:

“Well, that is, we must understand that the correct decision-making here and now depends on *whether you are able to predict, see some horizon of events* or keep the system as a whole or something else” (man, 50 years old).

“Yes, I’m actually *ahead of the whole planet*, and like everyone else and as always” (man, 57 years old).

“Well, I would like to become an optimist, but I am still a realist, so I look at the *future more realistic*, i.e. as long as there are hands, a head, you can do everything. Therefore, the most important thing is not to give up and *go forward*” (man, 38 years old).

“Well, in short, of course, I’m *thinking about the future*. How will we build? How will we implement all this? Well, in general, it is more *interesting to think about the future*, because it is always better in thought, and what will happen is already what will happen” (man, 49 years old)

“I’m doing what, so to speak, exactly, *why am I there, so far away?* Here is my task for the next 2 years. I have a problem that is unsolvable” (male, 57 years old).

“That is, *I am a person who plans*, I think in categories – can I do it, can’t I

do it, what do I need to achieve this, etc.” (male, 47 years old)

“And *for the future*, as it were, I dream too, *waiting for some certain moments, events, so that they happen* there, somewhere nearby” (man, 38 years old).

“Well, I was waiting for my own, so to speak, I had to-*where?* Because the direction that I have chosen, it usually works” (male, 57 years old).

These facts confirm the data on a pronounced time perspective of the future for entrepreneurs, identified in other studies [22; 23].

In the same block of questions about the future, the goals of entrepreneurs in this area, personal and business, were discussed. In the future, all entrepreneurs plan to develop an environmental direction, advance in technologies and revenue. The operational planning horizon is usually five years. Personal goals, often related to the development of children, follow in parallel or ahead of business goals:

“The development of some *family things*, this is the development of children, there, this is some kind of improvement of some conditions, there, etc., in short, this is such a development. The second goal is the *development of a business*, a business project. The third is *security*” (male, 42 years old).

“Well, I would certainly like to *develop this direction*, that particular system of, let’s say, interaction, industrial policy ... to make it more ambitious, both in measuring equipment and in data transmission systems, to certainly increase the company’s revenue” (male, 52 years old)

“One of the goals is also the same-after all, the *creation of equipment that allows improving the environmental situation* and so on. And the third thing is, of course, to make money on this. It is not the last, ac-

companying, of course, to all the previous two" (male, 45 years old).

"I am used to building a Christmas tree for the next 5 years and for it, i.e. this is the minimum five-year plan, which is from the Soviet Union, it is very good, I took it into service ... And by 5, and by more. Why? Just 5-these are the most realistic ones that need to be achieved, which are "drawn with a herringbone", the so-called, i.e. the final goal, 5 years – a rod is drawn to it, and stripes are drawn, i.e. I have all projects, both economic and other" (man, 42 years old)

"Again, the family is connected with, well, everything around you, your family, friends, relatives. Some important moments" (male, 47 years old).

"Well, the first purpose – I have a grandson, daughter, of course, Yes, now, with age, the objectives vary, but right now my goal is the grandson of his *to grow, to educate, to leave behind him a good view* and direct it, it's difficult in life is easy in life will not be here, but to raise him, that he was real and realistic, and that was a successful, well not to get in trouble" (male, 62 years)

"The second goal is to build not even our factory, but a *system, to build it and get pleasure from it*. Money, of course, have some meaning, but as a tool, that's because they bring short-term pleasure, so to speak, but if you have something *created, built, it's for life, if it remains*, it is clear, first, and before him, and people" (male, 62 years).

"Over there, I have recorded the scaling of the business, so to speak, i.e., well, this is not information for reflection, because the city has already been chosen. Especially the plans are huge, it pulls money, and a lot of money, which is with zeros" (man, 58 years old).

"Of course, I will move to Moscow ... The second point is that *I will also become a leader within 2 years of the direction related to eco-technologies, and these directions will begin to bring me real profit*, good profit, and I will develop it very much, i.e., as soon as federal support appears, I think this will begin to happen. Well, and the third, I probably see my *quiet, secure old age in the circle of my family*, there, a large family, i.e. I imagine myself somewhere in a quiet place, and me" (man, 47 years old)

"Long-term... Well, this is, first of all, a doctoral degree, a transition to an institute, and such a *quiet retirement small "candle factory"* (male, 44 years old).

In addition to operational plans for 5 years, entrepreneurs in the field of "green business are thinking about life "in retirement", as well as about goals "beyond life": to ensure the happiness of the family (children, grandchildren), to leave something behind, to ensure a quiet old age.

Time Focus

When answering the question about how the attention of entrepreneurs is distributed between the past, present or future, most of the respondents noted that they are more focused on the events of the present and future:

"I am a part, say there, cardiac situation, *I have all the time in the present*, because when I'm talking to You, I'm always trying to listen to what is happening and what I say to You, and as it is configured to talk to You clearly, correctly, honestly, there, openly and give You that..., to correctly interpret what I worry about ... And from the point of view *of the future*, my mental consciousness and mental consciousness it is, of course, as it moves very often, because I'm a person of the society, I have a family, I've got company, I have

a certain relationship, *I often move in certain perspectives of systems development*" (male, 50 years old)

"That is, I like to see how that develops, why it's important for me to not do in the reactivity of the moment, and to understand that somehow my act, how it will affect someone's future, because the omission of this perspective, the omission vision of where it may lead, will lead to the fact that no matter how I end up in some dead end" (male, 50 years old)

"Therefore, I have a certain separation – *part of the mental consciousness works more in terms of the future, probably, and most of the consciousness works in a certain present*" (man, 50 years old)

"Well, I do not know, most likely, of course, *I think more about today and tomorrow in the plan*" (man, 42 years old).

"Well, I'm looking into the future, 60%" (male, 45 years old)

"Well, the past is only an experience, so here it's like 20 percent, probably, well, the present is 30 percent and 50 percent – this is a promising development" (man, 47 years old)

"*I think a lot about the future, I try to almost not think about the past, minimally, because no one really counted the percentages, so I say – minimally I think about the past. And then, now I don't think much about the present, because it doesn't happen, i.e. there is no solution to the main task that we well want to do, so. That is, I think about the future as much as possible*" (male, 38 years old).

"No, *I think it's the future*. Because I have just told you that the first thing, I am a warrior, it is a pleasure for me to create problems for myself and overcome them" (man, 57 years old).

"Well, let's say that 10% of me is in the past. 30 percent are in the future, and the

rest (60%) is in the present" (male, 42 years old).

Probably, this tendency of entrepreneurs in the field of "green" economy to focus on the future picture of the world is a prerequisite for connecting their lives with solving environmental problems in one way or another. This observation was checked in the final block of questions about the motivational and value orientation of the respondents' personality, their self-identification.

Business values and personal values of entrepreneurs

The next set of questions was related to the personal values of entrepreneurs in this field, what motivates them to engage in this business, as well as how they perceive the value of their enterprise. One of the facts discovered during the interview is the observation that the respondents' personal values coincide: they are family, children, honesty, security, an interesting task (work), development, public benefit. At the same time, money (wealth, status) is not named among the main values by any respondent.

"It's just important for me that *children* hear themselves, understand themselves and fight for the *ability to be themselves*, or that they have goals... The question is whether they are aware of what they live by and how much it makes them *whole, happy*" (man, 50 years old)

"Just to *be honest* with you or ... with the employees, with .. customers, or with their children and their spouse. And that's how it would be. That is, it's like the best way to *be responsible*" (male, 50 years old).

"Well, first of all, *honesty*, I think, some kind of close relationship, *family*, maybe, well, family first, yes, then *honesty*" (man, 38 years old).

"For me, the value is still there, it is not accepted, but I am very sensitive to ... my

honor. I am very sensitive to *not being a scoundrel ... of course, my good name worries me*" (male, 47 years old).

"Unfortunately, our psychotype is such that we are used to working for something, doing something, *achieving* something or something else. Even if we suddenly get wildly rich, well, how many, I don't know, we'll celebrate for two weeks, and then what? ... You always need some kind of *problem to solve*" (man, 57 years old).

"The three most important things are the health of *my loved ones, safety* in any form and *success*" (man, 42 years old).

"Well, the *family*, well, the goal, it is, of course, such a global one, to *improve the environment ... well, in general, in development*" (male, 44 years old).

"First of all, it is still a *family – security, security*, family values, the *relationships* that exist in the family.... *Children*, in the first place, values-of course, children" (male, 47 years old).

"Well, for me personally, one-third, at least, we are at work, and for me it is important that the *work ... I was also positive emotions*" (male, 62 years old).

"I was joking here, like:" *to work is like a holiday*." It's no joke, it's just the way it is" (man, 57 years old).

"I like the process itself – the process of construction, the *process of creation, the process of learning new*, well, new directions, new technologies, here, *their solution* and, in the end, *achieving victory* in such an activity" (man, 57 years old).

"We are working to *breathe a second life into waste*, turning it into income. We join forces and *create solutions for nature conservation and environmental improvement*. This is the goal of *development*" (male, 57 years old).

"It's just because *life, I'm interested in this*" (man, 57 years old).

"You see, I don't need projects, *I do it seriously and conscientiously, ... I always do everything for myself*" (man, 57 years old).

"I like to *get to the bottom* of it ... I don't like *being a puppet* ... Therefore, it is important for me to *be at peace with myself*, it is important for me to know what I am doing, it is important to understand, it is important to understand my *usefulness*, ... I want to be *useful*" (man, 38 years old).

"I still *want to be realized*, I have a feeling that I am using my potential, for today, by 10 % of what is available" (male, 47 years old).

In this sense, statements demonstrating the personal self-identification (identity) of entrepreneurs are indicative:

"I am a *family man, a father with many children*" (male, 50 years old)

"I am a man, by the way, of work, *I am a creator*, I do not boast, I went through life like this ... well, I just can't not work" (man, 57 years old).

"I am an *inventor* myself, among other things, i.e. I have my own patents, so I think accordingly ... well, maybe I'm lucky in life – there are people like that who work for the idea practically" (man, 57 years old).

"I am a production worker, *I am not a politician ... I am working in the right direction*" (entrepreneur, 57 years old).

«*I am an integrator*, I understand that what is happening and what is being told to us is not entirely reliable. I have logic, ... an analytical mind, *I just know how to think*" (male, 46 years old).

«*I give you a guarantee that I will solve this problem* there. I solve it" (man, 57 years old).

«I am there, for all these reasons, a *warrior*" (man, 57 years old).

"I would, probably, from the point of view of a *patriot* of his country, wanted in this country finally there is such a picture,

when, for example, the society and the government joined as if in state of a real dialogue with each other that they suddenly realized that it is a single organism that there is no separate government and a separate society” (male, 44 years)

There is a creative and strong beginning in the self-identification of respondents: these are people who realize themselves as builders of something socially significant, responsible for the future. In addition, a powerful identification with the family, the role of the father, the head of the family was revealed. In self-awareness, there is also confidence in the correctness of the whole path, in your actions and responsibility for them.

Conclusion

Thus, the study found that entrepreneurs in the field of “green economy” give time the status of a controlled resource that contributes to the achievement of professional goals and personal success, which is consistent with previous studies [22]. Based on the material of a study of small and medium-sized business owners, the connection between the pronounced time focus of the future and pro-environmental attitudes was confirmed, which was found in a number of works [18].

The motivational and value predictors of the choice of the “green economy” sector, such as family, honesty, security, interesting tasks, development, public benefit, are identified. At the same time, personal gain is not in the first place.

The image of the past is compared with the category of experience and is associated with memorable life events, the accumulation of knowledge, taking into account and preventing the repetition of mistakes in the present and future. The most striking events from the past are emotionally positive, which confirms the results of quantita-

tive studies on the ability of entrepreneurs to quickly forget negative experiences, not to “fixate” on the negative [21].

The image of the present is identified with the process of organizing time: the independent solution of current tasks, the effective distribution of the required amount of work. There is also a balance of emotions in the present: on the one hand, it is dissatisfaction with incomplete realization of potential, on the other, on the contrary, excitement in achieving new goals, which allows entrepreneurs not to lose optimism in overcoming difficulties [21].

The image of the future reflects the ability to build a sequence of promising steps in the development of business and family life. The ability to predict events, calculate various scenarios, quickly respond to the emergence of new technologies, be “actors” and not “re-actors” is an integral feature of respondents: In addition to operational plans for 5 years, entrepreneurs in the field of “green” business think about goals “beyond life”, that is, they have a long planning horizon [22].

Respondents note that they focus primarily on the events of the present and future, which is consistent with other studies [24] and characterizes the motivational orientation of the personality of entrepreneurs. There is a creative and strong beginning in the respondents’ self-identification: it is the creation of something socially significant, responsibility for the future, identification with the role of the head of the family, as well as confidence in the correctness of the whole path. The link between the present and the future is the issues of public well-being, business development and financial stability.

*Статья поступила
в редакцию 27.08.2021.*

REFERENCES

1. Efremov N. A., Efremova M. P. [World experience in the use of “green” technologies]. In: *Oeconomia et Jus* (electronic scientific journal). Available at: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/1/3> (accessed: 13.08.2021). DOI: 10.47026 / 2499-9636-2021-1-21-30.
2. Chernov A. Yu. [Methodological introduction to the problem of qualitative methods]. In: *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and History of Psychology], 2007, vol. 2, no. 1, pp. 118–128.
3. Nestik T. A. Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research. In: *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2017, vol. 2, no. 4 (8), pp. 145–185.
4. Bansal P., Roth K. Why companies go green: A model of ecological responsiveness. In: *Academy of Management J*, 2000, vol. 43, no. 4, pp. 717–736.
5. Barthod-Prothade M., Muller Ch., Cristini H. How can a wine grower articulate the different types of time: the time of the weather, the economic time, and the human time? In: *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 2016, vol. 29 (4), pp. 495–511.
6. Block J. H., Landgraf A. Transition From Part-Time Entrepreneurship To Full-Time Entrepreneurship: The Role Of Financial And Non-Financial Motives. In: *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2016, vol. 12 (1), pp. 259–282.
7. Braun V. Using thematic analysis in psychology. In: *Qualitative Research in Psychology*, 2006, vol. 3 (2), pp. 77–101.
8. Chen J. H., Nadkarni S. It’s about Time! CEOs’ Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate. In: *Entrepreneurship. Administrative Science Quarterly*, 2017, vol. 62, pp. 31–46.
9. Das T. K., Teng B. Time and Entrepreneurial Risk Behavior. In: *Entrepreneurship: theory and practice*. 1997, vol. 22, pp. 69–88.
10. Gabrys B., Bratnicki M. What we have Learned about Time in Corporate Entrepreneurship Research: Some Growth Recommendations From Transition Economy. In: *Proceedings of the 6 th European Conference on Innovation and Entrepreneurship (Shotland, 15–16 September 2011)*. 2011, vol. 1. pp. 327–336.
11. Georgalos K. Entrepreneurship under Risk and Uncertainty: A Review of the Experimental Evidence. In: *Inside the Mind of the Entrepreneur*, 2018, pp. 59–74.
12. Gielnik M., Zacher H., Wang M. Age in the Entrepreneurial Process: The Role of Future Time Perspective and Prior Entrepreneurial Experience. In: *Journal of Applied Psychology*, 2018, vol. 103 (10). Available at: [doi.10.1037/apl0000322](https://doi.org/10.1037/apl0000322) (accessed: 13.08.2021).
13. Fagan C. The temporal reorganization of employment and the household rhythm of work schedules. In: *American Behavioral Scientist*, 2001, vol. 44, pp. 1199–1212.
14. Giorgi A. Beyond the qualitative paradigm: A framework for introducing diversity within qualitative sociology. In: *J. of Community and Applied Social Studies*, 1999, no. 4, pp. 225–238.
15. Goodin R. The temporal welfare state: the case of Finland. In: *Journal of Social Policy*, 2004, vol. 33, pp. 531–552.
16. Hemingway C. A., Maclagan P. W. Managers’ Personal Values as Drivers of Corporate Social Responsibility. In: *J. of Business Ethics*, 2004, vol. 50, no. 1, pp. 33–44.
17. Huang F., Yoo O. S., Gokpinar B. Time Allocation in Entrepreneurial Selling: Impact of Consumer Peer Learning and Incumbent Reaction. In: *IEEE Transactions on Engineering Management*, 2018, vol. 65 (4), pp. 590–603.
18. Milfont T. L., Wilson J., Diniz P. Time perspective and environmental engagement. In: *International J. of Psychology*, 2012, vol. 47, pp. 325–334.

19. Nowotny H. Time: *The Modern and Postmodern Experience*. Cambridge, Polity, 1996. 192 p.
20. O'Rand R., Ellis A. A. Social Class and Social Time Perspective. In: *Social Forces*, 1974, vol. 53 (1), pp. 53–62.
21. Zabelina E., Tsiring D., Artemeva V. Entrepreneurs' time perspective: attitude to adversities, opportunities and self-confidence. In: *International Journal of Entrepreneurship and Small Business (IJESB)*, 2021, vol. 43, no. 1, pp. 84–99.
22. Przepiorka A. What makes successful entrepreneurs different in temporal and goal-commitment dimensions? In: *Time & Society*, 2015, no. 25 (1), pp. 40–60.
23. Retsikas K. The gift of future time: Islamic welfare and entrepreneurship in 21st century Indonesia. In: *South East Asia Research*, 2017, vol. 25 (3), pp. 284–300.
24. Shipp A. J., Edwards J. R., Lambert L. S. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future. In: *Organizational Behavior and Human Decision Processes* (electronic scientific journal), 2009. vol. 110. Available at: <http://public.kenan-flagler.unc.edu/faculty/edwardsj/Shippetal2009.pdf> (accessed: 13.08.21).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремов Н. А., Ефремова М. П. Мировой опыт применения «зелёных» технологий / *Oeconomia et Jus: Экономика и право (электронный научный журнал)*. 2021. № 1. URL: http://oecomia-et-jus.ru/wp-content/uploads/2015/12/OEJ_2021_1_s.-21-30.pdf (дата обращения: 13.08.21).
2. Чернов А. Ю. Методологическое введение в проблему качественных методов // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. № 1. С. 118–128.
3. Nestik T. A. Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research // *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2017. Vol. 2. № 4 (8). Pp. 145–185.
4. Bansal P., Roth K. Why companies go green: A model of ecological responsiveness // *Academy of Management J.* 2000. Vol. 43. № 4. P. 717–736.
5. Barthod-Prothade M., Muller Ch., Cristini H. How can a wine grower articulate the different types of time: the time of the weather, the economic time, and the human time? // *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2016. Vol. 29 (4). P. 495–511.
6. Block J. H., Landgraf A. Transition From Part-Time Entrepreneurship To Full-Time Entrepreneurship: The Role Of Financial And Non-Financial Motives // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2016. Vol. 12 (1). P. 259–282.
7. Braun V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3(2). P. 77–101.
8. Chen J. H., Nadkarni S. It's about Time! CEOs' Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate // *Entrepreneurship. Administrative Science Quarterly*. 2017. Vol. 62 (1). P. 31–66.
9. Das T. K., Teng B. Time and Entrepreneurial Risk Behavior // *Entrepreneurship: theory and practice*. 1997. Vol. 22. P. 69–88.
10. Gabrys B., Bratnicki M. What We have Learned about Time in Corporate Entrepreneurship Research: Some Growth Recommendations from Transition Economy // *Proceedings of the 6th European Conference on Innovation and Entrepreneurship (Shotland, 15–16 September 2011)*. 2011. Vol. 1. P. 327–336.
11. Georgalos K. Entrepreneurship Under Risk and Uncertainty: A Review of the Experimental Evidence // *Inside The Mind of The Entrepreneur*. 2018. P. 59–74.
12. Gielnik M., Zacher H., Wang M. Age in the Entrepreneurial Process: The Role of Future

- Time Perspective and Prior Entrepreneurial Experience // Journal of Applied Psychology. 2018. Vol. 103 (10). URL: 10.1037/apl0000322 (дата обращения: 13.08.21).
13. Fagan C. The temporal reorganization of employment and the household rhythm of work schedules // American Behavioral Scientist. 2001. Vol. 44. P. 1199–1212.
 14. Giorgi A. Beyond the qualitative paradigm: a framework for introducing diversity within qualitative sociology // J. of Community and Applied Social Studies. 1999. № 4. P. 225–238.
 15. Goodin R. The temporal welfare state: the case of Finland // Journal of Social Policy. 2004. Vol. 33. P. 531–552.
 16. Hemingway C. A., Maclagan P. W. Managers' Personal Values as Drivers of Corporate Social Responsibility // J. of Business Ethics. 2004. Vol. 50. № 1. P. 33–44.
 17. Huang F., Yoo O. S., Gokpinar B. Time Allocation in Entrepreneurial Selling: Impact of Consumer Peer Learning and Incumbent Reaction // IEEE Transactions on Engineering Management (электронный научный журнал). 2018. Vol. 65 (4). URL: <https://researchportal.bath.ac.uk> (дата обращения: 13.08.2021).
 18. Milfont T. L., Wilson J., Diniz P. Time perspective and environmental engagement // International J. of Psychology. 2012. Vol. 47. P. 325–334.
 19. Nowotny H. Time: The Modern and Postmodern Experience // Cambridge: Polity, 1996. 192 p.
 20. O'Rand R. Ellis A. A. Social Class and Social Time Perspective // Social Forces. 1974. Vol. 53 (1). P. 53–62.
 21. Zabelina E., Tsiring D., Artemeva V. Entrepreneurs' time perspective: attitude to adversities, opportunities and self-confidence // International Journal of Entrepreneurship and Small Business (IJESB). 2021. Vol. 43. № 1. P. 84–99.
 22. Przepiorka A. What makes successful entrepreneurs different in temporal and goal-commitment dimensions? // Time & Society. 2015. № 25 (1). P. 40–60.
 23. Retsikas K. The gift of future time: Islamic welfare and entrepreneurship in 21st century Indonesia // South East Asia Research. 2017. Vol. 25 (3). P. 284–300.
 24. Shipp A. J., Edwards J. R., Lambert L. S. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future // Organizational Behavior and Human Decision Processes (электронный научный журнал). 2009. Vol. 110. URL: <http://public.kenan-flagler.unc.edu/faculty/edwardsj/Shippetal2009.pdf> (дата обращения: 13.08.21).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забелина Екатерина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: katya_k@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

Карташова Ангелина Александровна – магистрант, Челябинский государственный университет;

e-mail: 89124770123@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6484-8957>

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, НИУ ВШЭ;

e-mail: atelitsyna@hse.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zabelina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Special and Clinical Psychology of Chelyabinsk State University;

e-mail: katya_k@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

Angelina A. Kartashova – Master's Degree Student, Chelyabinsk State University;

e-mail: 89124770123@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6484-8957>

Alexandra Yu. Telitsina – Assoc. Prof., Research Assistant, HSE University;

e-mail: atelitsyna@hse.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Забелина Е.В., Карташова А. А., Телицына А. Ю. Восприятие времени предпринимателями в сфере «зелёной» экономики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 62–77.

DOI: [10.18384/2310-7235-2021-4-62-77](https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-4-62-77)

FOR CITATION

Zabelina E. V., Kartashova A. A., Telitsina A. Yu. Perception of time among entrepreneurs in the field of “green” economy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 62–77.

DOI: [10.18384/2310-7235-2021-4-62-77](https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-4-62-77)

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-78-89

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СПОСОБНОСТИ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ

Кудака М. А., Смирнова О. В.

Череповецкий государственный университет

162600, Вологодская обл., г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить психологические особенности позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию.

Процедура и методы. При проведении исследования были использованы: теоретический анализ литературы, методы психологической диагностики и математико-статистические методы обработки данных. Конкретными методиками выступили: тест «Способность к прогнозированию» (Л. А. Регуш), а также «Диагностический опросник по выявлению позиций взаимодействия» (В. Г. Маралов, В. А. Ситаров).

Результаты. По итогам исследования авторами сделаны выводы о существующих особенностях позиций взаимодействия медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию: у таких работников с высоким и средним уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдаться конструктивные позиции взаимодействия (ненасилие); у медицинских работников с низким уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдаться неконструктивные позиции взаимодействия (принуждение, невмешательство).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны при организации конструктивного взаимодействия медицинских работников с другими людьми (пациентами, их родственниками, коллегами).

Ключевые слова: взаимодействие, позиции взаимодействия, прогнозирование, способность к прогнозированию

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE INTERACTION POSITIONS AMONG MEDICAL WORKERS WITH DIFFERENT LEVELS OF FORECASTING ABILITY

M. Kudaka, O. Smirnova

Cherepovets State University

prosp. Lunacharsky 5, Cherepovets 162600, Vologda region, Russian Federation

Abstract

Aim. Identify the psychological features of the interaction positions among medical workers with different levels of forecasting ability.

© СС ВУ Кудака М. А., Смирнова О. В., 2021.

Methodology. The following methods were used in the research: theoretical analysis of the literature, methods of psychological diagnostics, mathematical and statistical methods of data processing. The test «Forecasting ability» (Regush L.A.) and a “Diagnostic questionnaire to identify the interaction positions” (Maralov V.G., Sitarov V.A.) were the concrete methodologies.

Results. The authors made conclusions about the existing features of the interaction positions among medical workers with different levels of forecasting ability. When interacting with other people, medical workers with a high and medium levels of forecasting ability have constructive positions of interaction (nonviolence); and when medical workers with a low level of forecasting ability interact with other people, they have nonconstructive positions of interaction (coercion, non-interference).

Research implications. The results of the study are significant for organizing medical workers' constructive interaction with other people (patients and their relatives, colleagues).

Keywords: interaction, interaction positions, forecasting, forecasting ability

Введение

Сфера медицины традиционно предполагает интенсивное взаимодействие людей – врачей и пациентов – на основе отношений уважения, доверия, взаимопонимания и терапевтического сотрудничества. Конструктивное взаимодействие между врачом и пациентом оказывает на результат лечения основополагающее влияние.

Взаимодействие же в реальных условиях медицинской практики нередко сопровождается негативными эмоциями пациентов и врачей по отношению друг к другу, непониманием между ними. Пациенты в некоторых ситуациях жалуются на бездушные врачей, отсутствие уважения к больному, формальный подход к лечению. Врачи же испытывают усиление негативного отношения со стороны пациентов, всё большее чувство незащищённости.

При анализе категории «взаимодействие», необходимо отметить, что традиционно она рассматривается в контексте психологии общения. Рассмотрим, какие существуют трактовки и особенности этого термина.

Так, М. И. Лисина полагает, что общение есть ни что иное, как взаи-

модействие двух (или более) людей, направленное на согласованность и объединение усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата [7]. Она подчёркивает, что общение – это особого рода взаимодействие, своеобразный вид активности человека, предусматривающий инициативное воздействие человека на своего партнёра. А. А. Бодалев [4] отмечает, что в процессе общения «... постоянно развёртывается взаимодействие характеров и больше взаимодействие личностей» [2]. И. М. Юсупов пишет, что общение выступает как специфическая форма взаимодействия субъектов, порождаемая потребностями совместной деятельности [19].

Весь процесс взаимодействия напрямую зависит от того, какую позицию занимает конкретный человек. Но слово «позиция» – многозначное, поэтому необходимо рассмотреть несколько его коннотаций. Как отмечают В. Г. Маралов и В. А. Ситаров, позиция, с одной стороны, – это положение человека в структуре межличностных отношений, с другой – это система его отношений к действительности, к другим людям или конкретному человеку.

В социальной психологии выделяются три таких вида позиций взаимодействия, как: «сверху», «снизу», «рядом» (или «наравне»). Широко известна типология позиций взаимодействия Э. Бёрна, который рассматривал их посредством выделения состояний Эго: «родитель», «взрослый» и «ребёнок» [2]. По его мнению, позиции отражают определённые поведенческие стереотипы в процессе взаимодействия.

В современной психологии типология позиций взаимодействия представлена также в исследованиях В. Г. Маралова и В. А. Ситарова. Данные авторы выделяют позиции принуждения, манипулирования, ненасилия, и смирения (невмешательства) в зависимости от ориентированности личности на ценности принуждения или ненасилия [8; 9].

Но проблематика позиций взаимодействия в медицинской практике разработана недостаточно. Однако можно отметить достаточное количество исследований, в которых анализируются возможные модели взаимодействия в системе «врач – пациент». Именно модель или стратегия взаимодействия выступает в качестве определяющего признака при выборе позиции взаимодействия. Дифференциация моделей (стратегий) взаимодействия в такой системе представлена в исследованиях Р. Витч, В. О. Гуровой, О. М. Лесняк, Н. А. Магазаник, С. Г. Стеценко, С. А. Судьина и др.

Традиционно в качестве моделей взаимодействия медработника с больным выделяют: руководство, контрактную модель и партнёрство. Р. Витч выделяет также следующие модели взаимоотношений в системе «врач – пациент»: инженерную, пастырскую

(патерналистскую), коллегиальную и контрактную¹. С его точки зрения, эти модели представляют собой иерархию от наименее морально обоснованной инженерной модели к наиболее обоснованной – контрактной.

С. Г. Стеценко выделяет патерналистскую, либерационную, технологическую, интерпретационную модели взаимодействия медицинского работника и пациента [14].

С. А. Судьин в рамках социологического анализа терапевтического взаимодействия выделяет четыре типа функциональных взаимоотношений врачей и пациентов: партнёрство или кооперация, сакрально-технократический, госпитализирующий и репрессивный [15].

Исследователь В. О. Гурова выделяет информационную, интерпретационную, совещательную (коллегиальную) и патерналистскую модели [5]. Согласно данным её исследования, медицинские работники в процессе взаимодействия чаще используют информационную и интерпретационную модели, реже – патерналистскую и совещательную (коллегиальную).

Похожая типология представлена в исследованиях О. М. Лесняк [13], в которых выделяются активно-пассивная, покровительственная, информативная, интерпретивная и совещательная (договорная) модели взаимодействия медицинского работника и пациента.

В зарубежных исследованиях существует точка зрения, что стратегии взаимодействия в системе «врач – па-

¹ Введение в биоэтику: учеб. пособие / А. Я. Иванюшкин, В. Н. Игнатъев, Р. В. Коротких, И. В. Силуянова, П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин, Г. П. Червонская. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.

циент» во многом обусловлены коммуникацией как процессом, ориентированным на консенсус [22]. Развитые коммуникативные навыки врача, высокий уровень позитивного межличностного взаимодействия, уважительное отношение к пациентам приводят к повышению уровня доверия и характерны для партнёрской стратегии взаимодействия [20].

Р. А. Дамарэлл, Д. Д. Морган, Д. Д. Таймэн отмечают, что стратегия взаимодействия в системе «врач – пациент», выстроенная на взаимном доверии, способствует более глубокому пониманию уникальных обстоятельств пациента и предоставляет полезные знания о способности каждого человека справиться с болезнью, что, в свою очередь, повышает эффект лечебного воздействия [21].

Оптимальной моделью взаимодействия медицинского работника и пациента, по мнению ряда авторов, является та модель, которая предполагает равенство сторон, одинаковую ответственность врача и пациента, их ориентированность на ценности принуждения или насилия.

На наш взгляд, применение определённой позиции (стратегии) взаимодействия медицинским работником связано с его способностью к прогнозированию. Ю. О. Коробьина отмечает, что способность человека прогнозировать будущие события и действовать с упреждением во времени привлекает внимание психологов со времен возникновения психологии как самостоятельной научной дисциплины. Сложность данных феноменов, многообразие их проявлений обусловили возникновение целого ряда подходов к их исследованию,

каждый из которых предлагает особые понятия и теоретические схемы [11]. В. Д. Менделевич [10] рассматривает антиципацию как психологический феномен, обеспечивающий психическую адаптацию и контроль поведения. Л. А. Регуш в своём исследовании представила структуру и возрастную динамику способности к прогнозированию [12]. В научных работах А. И. Ахметзяновой прогностическая способность представлена как ресурс социализации [1]. Как отмечают С. В. Забегалина и А. В. Чигарькова [6], прогнозирование – это разработка прогноза, вероятного суждения о состоянии какого-либо явления в будущем. В узком значении – это специальное научное исследование перспектив развития какого-либо явления, как правило, с количественными оценками и с указанием более или менее определённых сроков изменения этого явления. Д. Р. Тимуца акцентирует внимание исследователей на то, что антиципационные способности являются необходимым элементом регуляции деятельности, поведения и эмоциональных состояний человека и в целом участвуют в процессах адаптации личности к меняющимся условиям среды [18]. А. А. Бехтер способность к прогнозированию определяет как свойство личности, которое заключается в опережающем отражении действительности, базируется на различных уровнях и проявляется в деятельности и межличностном взаимодействии [3]. С. Ф. Василюпулос описывает процесс антиципации в социальном взаимодействии [23].

В целом, можно отметить, что под способностью к прогнозированию современными исследователями по-

нимается такая способность, которая позволяет личности с высоким процентом правильности и достоверности спрогнозировать развёртывание процесса коммуникации, ситуации взаимодействия, событий, логических контентов и т. д. Для медицинских работников развитая способность к прогнозированию – это возможность предвидеть возникновение развития и исход заболевания, а также результаты предпринятого лечения.

Иметь способность к прогнозированию – значит не только иметь определённый багаж знаний, опыта, но и обладать некоторой интуицией в плане возможного течения заболевания и лечения. При этом, как справедливо отмечает С. А. Тарасова [16; 17], в медицине велика роль иррациональных компонентов способности к прогнозированию.

Для успешного осуществления прогностической деятельности медицинскими работниками необходимо наличие сформированных профессиональных, психологических знаний, наблюдательности; коммуникативной компетентности, умения выстроить коммуникацию с больными в различных ситуациях, использовать эффективную позицию взаимодействия.

Организация и методы исследования

Цель эмпирического исследования – выявить психологические особенности позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию.

В качестве общей гипотезы выдвинуто предположение, что существуют психологические особенности пози-

ций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию.

Общая гипотеза включает в себя следующие частные гипотезы:

1. У медицинских работников с высоким и средним уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдаться конструктивные позиции взаимодействия (ненасилие).

2. У медицинских работников с низким уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдаться неконструктивные позиции взаимодействия (принуждение, манипулирование, невмешательство).

Эмпирическое исследование проводилось в 2021 г. В исследовании приняли участие 92 медицинских работника, работающих в различных медицинских учреждениях Вологодской области.

В качестве конкретных методик исследования выступили следующие:

1. Тест «Способность к прогнозированию» (Л. А. Регуш).

2. Диагностический опросник по выявлению позиций взаимодействия (В. Г. Маралов, В. А. Ситаров) [8].

Необходимо пояснить, что анализ данных по позициям взаимодействия проводился двояко: во-первых, мы обратили внимание на степень выраженности той или иной позиции взаимодействия у медицинских работников выделенных групп; во-вторых, нас интересовали доминирующие позиции взаимодействия. Очевидно, что медицинский работник в зависимости от ситуации может занимать разные позиции взаимодействия, следовательно, у него может доминировать как одна,

Таблица 1 / Table 1

Доминирующие позиции взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию / Dominant positions of interaction among medical professionals with different levels of forecasting ability

Позиция взаимодействия	Уровень способности к прогнозированию		
	Высокий	Средний	Низкий
Принуждения	33	25	36
Манипулирования	26	22	21
Ненасилия	37	41	14
Невмешательства	52	73	29

так и несколько позиций взаимодействия. В свою очередь, это говорит о том, что могут встречаться разные сочетания конструктивных и неконструктивных позиций взаимодействия медицинского работника с другими людьми. Встречались также случаи, когда у медицинского работника во взаимодействии ни одна из позиций не занимала доминирующего положения.

С целью математико-статистической обработки данных нами использовался критерий φ^* – угловое преобразование Фишера.

Анализ и обсуждение результатов исследования

На первом этапе эмпирического исследования с помощью теста «Способность к прогнозированию» (Л. А. Ретуш) мы выявили уровень способности к прогнозированию у медицинских работников.

Оказалось, что 56% медицинских работников имеют средний уровень способности к прогнозированию: 29% – высокий уровень способности к прогнозированию, 15% – низкий уровень способности к прогнозированию.

На втором этапе эмпирического исследования мы сопоставили данные о

позициях взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию. На этом этапе работы использовали результаты диагностического опросника по выявлению позиций взаимодействия В. Г. Маралова, В. А. Ситарова.

Представим результаты анализа доминирующих позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию. Заметим, что в таблице 1 отражено количество медицинских работников (в %) с высоким, средним или низким уровнем способности к прогнозированию, занимающих ту или иную позицию в качестве доминирующей. Поэтому итоговое количество доминирующих позиций медицинских работников каждой выделенной группы будет превышать 100%.

Мы видим, что у медицинских работников с высоким уровнем способности к прогнозированию в качестве доминирующих позиций взаимодействия чаще выступают позиции невмешательства (52%) и ненасилия (37%).

Медицинские работники со средним уровнем способности к прогнозированию, выступая как доминирующие при взаимодействии с другими, также, как

Таблица 2 / Table 2

Статистически значимые различия в доминирующих позициях взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию / Statistically significant differences in the dominant positions of interaction among medical workers with different levels of forecasting ability

Позиция взаимодействия	Уровень способности к прогнозированию		
	Высокий и средний	Высокий и низкий	Средний и низкий
Принуждения	–	–	–
Манипулирования	–	–	–
Ненасилия	–	–	2,048
Невмешательства	2,122	–	3,013

Примечание: жирным шрифтом обозначены статистически значимые различия при $p \leq 0,01$; обычным шрифтом обозначены статистически значимые различия при $p \leq 0,05$; прочерком обозначено отсутствие статистически значимых различий.

и предыдущая группа, используют позиции невмешательства (73%) и ненасилия (41%).

Доминирование позиции невмешательства части медицинских работников – тревожащий факт, поскольку в этом случае можно говорить о некоторой пассивности, отстранённости медицинского работника, его стремлении избежать трудностей и неприятностей, в том числе и при общении и взаимодействии с пациентами медицинских учреждений.

Однако достаточная выраженность позиции ненасилия в группах медицинских работников с высоким и средним уровнем способности к прогнозированию говорит об их интересе к людям, ориентации на сотрудничество, готовности к оказанию помощи. Медицинский работник в этом случае выступает в роли информатора и советчика. Это в полной мере согласуется с принципами оказания медицинской помощи (милосердием, заботой, справедливостью и др.), которые находят отражение в клятве Гиппократа.

Общее количество доминирующих стратегий взаимодействия в группе медицинских работников с низким уровнем способности к прогнозированию заметно меньше, чем в обеих других. Это говорит о том, что позиция их взаимодействия с другими людьми, в большей мере определяется факторами ситуации, нежели личностными особенностями.

Наибольшую частотность во взаимодействии с другими в этой группе испытуемых имеют позиции принуждения (36%) и невмешательства (29%), сами по себе являющиеся неконструктивными. В частности, доминирование позиции принуждения свидетельствует о том, что медицинский работник во взаимодействии с пациентами, их родственниками, своими коллегами допускает возможность неадекватного эмоционального реагирования, негативного и даже циничного отношения к другим в виде требований, давления, унижения. Тем самым снижается качество оказания медицинской помощи.

С целью выявления статистически значимых различий в позициях взаи-

модействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию мы использовали метод математической статистики – критерий φ^* – угловое преобразование Фишера. Представим полученные данные в таблице 2.

Математико-статистический анализ данных показал, что существуют статистически значимые различия по позиции невмешательства между медицинскими работниками со средним и низким уровнями способности к прогнозированию ($\varphi^* = 3,013$, при $p \leq 0,01$), а также между медицинскими работниками с высоким и средним уровнями способности к прогнозированию ($\varphi^* = 2,122$, при $p \leq 0,05$).

Это означает, что медицинские работники со средним уровнем способности к прогнозированию чаще других, включаясь во взаимодействие с пациентами, их родственниками, своими коллегами, принимают ситуацию болезни как данность; при этом у таких работников отсутствует эмоциональная вовлечённость в контакт с клиентами, утрачивается их способность к сопереживанию. Вследствие этого они не проявляют высокой активности, но и не препятствуют действиям других, избегая тем самым неприятностей, занимают отстранённую позицию.

Существуют также значимые различия между медицинскими работниками со средним и низким уровнями способности к прогнозированию по позиции ненасилия ($\varphi^* = 2,048$, при $p \leq 0,05$).

Это говорит о том, что медицинские работники со средним уровнем способности к прогнозированию, в отличие от других, во взаимоотношениях с пациентами предпочитают использо-

вать такие ненасильственные методы, как сотрудничество, помощь, компромисс, прощение. В достаточной мере развитая способность к прогнозированию позволяет медицинским работникам довольно точно ставить диагноз, назначать терапию. Они, как правило, умеют предвидеть различные ситуации исхода лечебных мероприятий и на основании этого выбирать средства и способы конструктивного взаимодействия с пациентом или коллегой.

Медицинские работники с низким уровнем способности к прогнозированию же не всегда могут сдерживать свои негативные эмоции (гнев, агрессию), особенно в ситуациях интенсивного взаимодействия с другими. Зачастую им не хватает опыта и знаний в своей профессиональной деятельности для постановки прогностических суждений и для принятия диагностических решений. Поэтому они вынуждены постоянно «держат марку», «носить маску профессионала», чтобы «не ударить в грязь лицом».

Заключение

В ходе анализа литературы мы отнесли к конструктивным позициям взаимодействия у медицинских работников позицию ненасилия, а к неконструктивным позициям – позиции принуждения, манипулирования и невмешательства.

Результаты проведённого эмпирического исследования позволяют говорить о существующих особенностях позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию. Можно заключить, что выдвинутая гипотеза подтверждается частично: у медицинских работников с высоким и

средним уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдать конструктивные позиции взаимодействия (ненасилие); у медицинских работников с низким уровнем способности к прогнозированию при взаимодействии с другими людьми будут наблюдаться неконструктивные позиции взаимодействия (принуждение, невмешательство). Таким образом, развитая способность к прогнозированию позволяет медицинским работникам не только предвидеть возникнове-

ние, развитие и исход заболевания, но и выстраивать конструктивное взаимодействие с другими (пациентами, их родственниками, коллегами).

На основании полученных данных могут быть разработаны рекомендации, направленные на формирование конструктивных позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию.

*Статья поступила
в редакцию 07.09.2021*

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметзянова А. И., Артемьева Т. В., Твардовская А. А. Особенности прогнозирования и восприятия нормы младшими школьниками с нарушениями в развитии // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 3. С. 489–504. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.489-504.
2. Бёрн Э. Трансакционный анализ в психотерапии / пер. с англ. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
3. Бехтер А. А. Психолого-акмеологическая модель развития способности к прогнозированию у студентов высшей школы // Учёные заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 2. С. 32–36.
4. Бодалев А. А. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1988. 187 с.
5. Гурова В. О. Взаимодействие врача и пациента в дерматологической практике: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2011. 23 с.
6. Забегалина С. В., Чигарькова А. В. Вероятностное прогнозирование как вид прогнозистической деятельности: подход и стратегии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 87–91.
7. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 144 с.
8. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Разработка диагностического опросника по выявлению позиций взаимодействия у студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Знание, понимание, умение. 2018. № 1. С. 167–177.
9. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Характеристика позиций взаимодействия как форм выражения ценностей принуждения или ненасилия // Знание, понимание, умение. 2017. № 1. С. 131–146.
10. Менделевич В. Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 50–58.
11. Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход: материалы VIII Всероссийской конференции с международным участием, 22–23 ноября 2018 г. / под ред. П. В. Ткаченко. Курск: Изд-во КГМУ, 2018. 634 с.
12. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
13. Сайно О. В., Моруннов О. Е. Психология общения врача и пациента // Лечебное дело. 2019. № 3. С. 54–59.

14. Стеценко С. Г. Защита прав пациента и информированное согласие // *Здравоохранение*. 2001. № 12. С. 129–135.
15. Судьин С. А. Модели терапевтических отношений в социологических парадигмах // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2006. № 1 (5). С. 396–401.
16. Тарасова С. А. Прогнозирование в клинической медицине // *Инновации в науке: сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции*. Новосибирск, февраль 2014 г. / под ред. А. И. Гулина. Новосибирск: СибАК. С. 56–61.
17. Тарасова С. А. Сушностная характеристика прогностической компетенции медицинского работника // *Преподаватель XXI век*. 2014. № 4. С. 83–90.
18. Тимуца Д. Р. Сравнительные особенности антиципационной состоятельности и способности к прогнозированию у больных невротическими и соматоформными расстройствами // *Практическая медицина*. 2019. Т. 17, № 3, С. 79–83.
19. Юсупов И. М. Психология взаимопонимания. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. 192 с.
20. Chandra S, Mohammadnezhad M, Ward P. Trust and Communication in a Doctor-Patient Relationship: A Literature Review // *Journal of Healthcare Communications*. № 3 (36). URL: doi.10.4172/2472-1654.100146 (дата обращения: 13.10.21).
21. Damarell R. A., Morgan D. D., Tieman J. J. General practitioner strategies for managing patients with multimorbidity: a systematic review and thematic synthesis of qualitative research // *BMC Family Practice (электронный научный журнал)*. 2020. № 21(131). URL: https://doi.org/10.1186/s12875-020-01197-8 (дата обращения: 10.10.21).
22. Kalateh Sadati A. Critical Views on Doctor-Patient Interaction; An Overview on Iran // *Shiraz E-Medical Journal (электронный научный журнал)*. 2017. № 18. URL: 10.5812/semj.58655 (дата обращения: 10.10.21).
23. Vassilopoulos S. F. Anticipatory processing in social anxiety // *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2004. № 32. P. 303–311.

REFERENCES

1. Ahmetzyanova A. I., Artemeva T. V., Tvardovskaya A. A. [Features of forecasting and perception of norms by primary school children with disorders in development]. In: *Integraciya obrazovaniya*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 489–504. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.489-504
2. Berne E. L. Transactional Analysis in Psychotherapy (Russ. ed.: Gruzberg A., transl.; *Transakcionnyj analiz v psihoterapii*. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 368 p.).
3. Bekhter A. A. [Psychological-acmeological model of the development of the forecasting ability among students of higher education institutions]. In: *Uchyonye zametki TOGU [Scientific notes of the Pacific State University]*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 32–36.
4. Bodalev A. A. *Psihologiya lichnosti [Psychology of personality]*. Moscow, MGU Publ., 1988. 187 p.
5. Gurova V. O. *Vzaimodejstvie vracha i pacienta v dermatologicheskoy praktike: avtoref. dis. ... kand. med. nauk [Interaction between doctor and patient in dermatological practice: Cand. Sci. thesis in Medical Sciences]*. Volgograd, 2011. 23 p.
6. Zabegalina S. V., Chigar'kova A. V. [Probabilistic forecasting as a type of predictive activity: approach and strategies]. In: *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*, 2017, no. 1 (68), pp. 87–91.
7. Lisina M. I. *Problemy ontogeneza obshcheniya [Problems of ontogenesis in communication]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 144 p.

8. Maralov V. G., Sitarov V. A. [Development of a diagnostic questionnaire to identify interaction among students-future specialists in the field of psychological and pedagogical support]. In: *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge, understanding, skill], 2018, no. 1, pp. 167–177.
9. Maralov V. G., Sitarov V. A. [Characteristics of interaction as forms of expression of the values of coercion or non-violence]. In: *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge, understanding, skill], 2017, no. 1, pp. 131–146.
10. Mendelevich V. D. [The phenomenon of anticipatory abilities as a subject of psychological research]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2006, no. 5, pp. 50–58.
11. In: Tkachenko P. V., ed. *Psihologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psiologicheskij podhod: materialy VIII Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 22–23 noyabrya 2018 g.* [Psychology of health and illness: clinical and psychological approach: materials of the VIII All-Russian conference with international participation. November 22–23, 2018]. Kursk: KGMU Publ., 2018, 634 p.
12. Regush L. A. *Psihologiya prognozirovaniya: uspekhi v poznanii budushchego* [Psychology of forecasting: progress in understanding the future], St.Petersburg, Rech' Publ., 2003. 352 p.
13. Sajno O. V., Morunov O. E. [Psychology of communication between a doctor and a patient]. In: *Lechebnoe delo* [Medicine], 2019, no. 3, pp. 54–59.
14. Stecenko S. G. [Protection of the rights of the patient and the informed consent]. In: *Zdravoohranenie* [Health], 2001, no. 12, pp. 129–135.
15. Sud'in S. A. [Models of therapeutic relationships in sociological paradigms]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2006, no. 1 (5), pp. 396–401.
16. Tarasova S. A. [Forecasting to clinical medicine]. In: Gulina A. I., ed. *Innovacii v nauke: sbornik statej po materialam XXX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk, fevral' 2014 g.* [Innovations in science: a collection of articles based on the XXX international scientific and practical conference. Novosibirsk, February 2014]. Novosibirsk, SibAK Publ., pp. 56–61.
17. Tarasova S. A. [Essential characteristics of the prognostic competence of a medical worker]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century], 2014, no. 4, pp. 83–90.
18. Timuca D. R. [Comparative features of anticipatory consistency and the ability to predict in patients with neurotic and somatoform disorders]. In: *Prakticheskaya medicina* [Practical medicine], 2019, vol. 17, no. 3, pp. 79–83.
19. Yusupov I. M. *Psihologiya vzaimoponimaniya* [The psychology of understanding]. Kazan', Tatarskoye knizhnoe izdatel'stvo Publ, 1991. 192 p.
20. Chandra S, Mohammadnezhad M, Ward P. Trust and Communication in a Doctor-Patient Relationship: A Literature Review. In: *Journal of Healthcare Communications* (electronic scientific journal), no. 3 (36). Available at: doi.10.4172/2472-1654.100146 (accessed: 13.10.21).
21. Damarell R. A., Morgan D. D., Tieman J. J. General practitioner strategies for managing patients with multimorbidity: a systematic review and thematic synthesis of qualitative research. In: *BMC Family Practice* (electronic scientific journal), 2020, no. 21 (131). Available at: <https://doi.org/10.1186/s12875-020-01197-8> (accessed: 10.10.21).
22. Kalateh Sadati A. Critical Views on Doctor-Patient Interaction; An Overview on Iran. In: *Shiraz E-Medical Journal* (electronic scientific journal), 2017, no. 18. Available at: doi.10.5812/semj.58655 (accessed: 10.10.21).
23. Vassilopoulos S. F. Anticipatory processing in social anxiety. In: *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 2004, no. 32, pp. 303–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудака Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет;

e-mail: kydakam@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>

Смирнова Ольга Валериевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет;

e-mail: ovsmirnova@chsu.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Kudaka – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Cherepovets State University;

e-mail: kydakam@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>

Olga V. Smirnova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Cherepovets State University;

e-mail: ovsmirnova@chsu.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кудака М. А., Смирнова О. В. Психологические особенности позиций взаимодействия у медицинских работников с разным уровнем способности к прогнозированию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 78–89.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-78-89

FOR CITATION

Kudaka M. A., Smirnova O. V. Psychological features of the interaction positions among medical workers with different levels of forecasting ability. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 78–89.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-78-89

УДК 159.9.314.37

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-90-106

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ С ТРАДИЦИОННОЙ И БЕЗДЕТНОЙ СЕМЕЙНЫМИ МОДЕЛЯМИ

Латышева М. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель – выявление и описание специфических связей между особенностями смысложизненных ориентаций, ценностными ориентациями в области семейных отношений, индивидуально-типологическими особенностями молодых супругов и моделью семейных отношений.

Процедура и методы. В ходе исследования были опрошены 72 молодые семьи, из которых 36 – с традиционной моделью отношений и 36 – с бездетной моделью отношений (n=144 человека). В качестве инструментария использовались: тест «Смысложизненные ориентации» (в адаптации Д. А. Леонтьева); опросник «Ценностные ориентации в области семейных отношений»; опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (А. Н. Волкова); индивидуально-типологический опросник (Л. Н. Собчик). При математико-статистической обработке данных использовались: t-критерий Стьюдента, факторный анализ (“Statistica 6.0”)

Результаты. В результате исследования установлено, что при сходстве большинства результатов молодых супругов из разных типов семей, выраженность целей в жизни, ориентированность на свободу сексуального выражения, реализацию эмоционально-терапевтической, интимно-сексуальной и хозяйственно-бытовой функций в браке значимо выше у мужей из семей с традиционной моделью отношений, чем у мужчин с бездетной моделью семейных отношений. Вместе с тем выявлены и описаны факторы, указывающие на комплементарность отношений в молодых семьях с традиционной и бездетной моделями и ценностно-смысловые различия этих отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявленные ценностно-смысловые различия отношений в молодых семьях с традиционной и бездетной моделями могут быть использованы в семейном консультировании.

Ключевые слова: молодая семья, традиционная модель семьи, бездетная модель семьи, смысложизненные ориентации, ценностные ориентации в области семейных отношений, рольевые ожидания и притязания в браке

VALUE-SEMANTIC DETERMINANTS OF RELATIONSHIPS IN YOUNG FAMILIES WITH TRADITIONAL AND CHILDLESS FAMILY MODELS

M. Latysheva

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
prosp. Akademika Vernadskogo 6, Simferopol 295007, Crimea, Russian Federation*

Abstract

Aim. Detection of specific correlations between the peculiarities of life-meaning orientations, family value orientations, individual-typological characteristics of young spouses and the family model

Methodology. 72 young families were interviewed: 36 with a traditional family model and 36 with a childless family model (n = 144 people). the Life-Meaning Orientations Test (adaptated by D.A. Leontiev) was used as an instrument; as well as the questionnaire "Value Orientations in the Field of Family Relations" and the questionnaire "Role Expectations and Ambitions in Marriage" by A.N. Volkova. Individual Typological Questionnaire by L.N. Sobchik was also used. For mathematical-statistical were used the data processing Student's t-test and factor analysis (Statistica 6.0.).

Results. The study established that the results of young spouses from different types of families are similar in many respects, but the severity of aim in life, focus on freedom of sexual expression, on the emotional-therapeutic, intimate-sexual and household functions in marriage of husbands from families with a traditional model of relationships are significantly higher. Besides, there were identified and described factors indicating the complementarity of relationships in young families with a traditional and childless model and the value-semantic differences of these relationships.

Research implications. The identified value-semantic differences between young traditional and childless families can be used in family counseling.

Keywords: young family, traditional family model, childless family model, life-meaning orientations, family value orientations, role expectations and aspirations in marriage

Введение

Проблемы социализации молодёжи в транзитивном обществе становятся всё более актуальными [6; 8; 11]. Одной из таких проблем является создание семьи и построение таких супружеских отношений, которые бы обеспечивали её гармоничное функционирование на разных жизненных этапах. Л. Б. Шнейдер справедливо отмечает: «В реалиях сегодняшнего дня именно брачное партнёрство является системообразующим элементом семейного бытия. От его успешности зависит специфика существования человека

именно как партнёра, оно определяет всю систему семейного функционирования, задаёт условия сохранения домашней устойчивости в весьма неустойчивом окружающем мире» [25, с. 46]. Продолжающаяся трансформация института семьи, разнообразие её моделей, существующих в настоящее время, соединяясь с рядом других причин, усложняют процесс построения супружеских отношений в молодых семьях, нередко приводя к их неустойчивости или распаду. Работы российских исследователей, освещающие модели функционирования современной

семьи, их взаимосвязь с психологическими характеристиками супругов, немногочислены [12; 14; 15; 18; 22]. В этой связи исследование психологических причин предпочтения той или иной семейной модели, особенностей построения отношений в современных молодых семьях, представляет неоспоримый научный интерес.

Семейные отношения в молодых семьях обусловлены совокупностью факторов, среди которых, на наш взгляд, существенная роль принадлежит не эмоциональной составляющей, а, скорее, близости ценностных ориентаций, умению молодых супругов строить межличностные отношения в целом, психологически адаптироваться к этому непростому, многозадачному этапу социализации.

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении специфических связей между особенностями смысложизненных ориентаций, ценностными ориентациями в области семейных отношений, индивидуально-типологическими особенностями молодых супругов и моделью семейных отношений.

Современные исследования молодых семей и моделей семейных отношений

Как известно, к категории «молодая семья» относят семьи, в которых возраст супругов не превышает 35 лет, их отношения официально зарегистрированы, а стаж семейной жизни составляет от 3 до 5 лет [1; 20; 21]. На этой стадии жизненного цикла семьи супруги непосредственно знакомятся с личностными особенностями, с ожиданиями и притязаниями по отношению друг к другу, со степенью сходства

моделей общения и поведения. Иными словами, важнейшими задачами на данном этапе семейной жизни являются «тестирование на психологическую совместимость», согласование представлений о семье и браке обоих супругов, их семейных ценностей, что, по сути, определяет качество и перспективу отношений семейной системы.

Однако глобальные социокультурные процессы, произошедшие в последние десятилетия в мире и в нашей стране, отразились, прежде всего, на системе ценностей населения и привели к качественным изменениям представлений о семье и браке особенно среди молодёжи. В этой связи отмечается заметный научный интерес к изучению психологических детерминант трансформации представлений о браке и семье, семейных ценностях у молодого поколения россиян [4; 18; 23]. В частности, в исследовании Г. В. Вержибок было выявлено, что представления о семье у студенческой молодёжи отражают одновременно и нормативно-функциональные, и идеализированные характеристики с пролонгацией в достижении последних. Молодые люди также указывают на значимость семьи как ценности и при этом акцентируют внимание на индивидуалистических, субъективных ценностях при выборе партнёра. Особенно заметна эта тенденция среди девушек [4].

Среди критериев выбора брачного партнёра молодыми людьми в зарубежных исследованиях также выделяются человеческий капитал [29], межличностная взаимодополняемость [27]. Так, в частности, Д. М. Кандифф и др. было установлено соответствие

между поведенческими моделями семейного взаимодействия (высокий уровень принадлежности и низкий контроль со стороны партнёров) и качеством отношений.

Следует отметить, что с момента «второго демографического перехода», начавшегося в индустриальных западных странах с 1970-х гг., а в бывших социалистических странах – с 90-х гг. прошлого столетия [30], большое значение приобрели супружеские отношения, откладывание родительства на более зрелый возраст, желание женщин строить карьеру и совмещать её с материнством [6; 7; 9; 10]. Иными словами, существующие модели семьи, как правило, сочетают в себе черты сразу нескольких моделей, не всегда с чётким обозначением доминирующей.

Увеличивается и число альтернативных форм брачного поведения. Так, в Российской Федерации среди альтернативных семейных моделей всё больше популяризируется модель семьи с осознанным отказом от деторождения, особенно среди молодых пользователей социальных сетей [3; 5; 22]. Среди причин выбора этой модели следует назвать такие как ориентированность на себя, наличие высшего образования, прагматизм, молодой возраст (20–35 лет), атеизм, подчёркнутое игнорирование традиций и обычаев; а также личностную беспомощность (склонность к самозащите, неуверенность в себе, мотивация к избеганию неудач и ответственности, пассивность, тревожность) [2; 3; 16].

Таким образом, теоретический анализ научной литературы позволяет предположить, что существуют статистически значимые различия индивидуально-психологических характери-

стик молодых супругов, определяющих их выбор семейных отношений.

Процедура и методика исследования. Для определения сходства и различий смысложизненных ориентаций, ценностных ориентаций в области семейных отношений, индивидуально-типологических особенностей супругов с разными моделями семейных отношений мы опросили 124 семейные пары. Респондентов просили указать возраст, модель семейных отношений (традиционная или бездетная), уровень образования, уровень дохода, регион проживания, длительность брачных отношений, наличие детей. Для минимизации влияния неучтённых факторов (регион проживания, наличие или отсутствие детей у молодой пары, уровень образования) для анализа и интерпретации результатов в итоге были отобраны результаты 72 пар (всего 144 человека). На момент исследования все респонденты состояли в законном браке на протяжении трёх–пяти лет и не имели детей, брак являлся первым для каждого из супругов; большинство респондентов (71 %) имели высшее или неоконченное высшее образование, остальные – среднее специальное (29 %), проживали постоянно либо не менее 15 последних лет в крымском регионе. Средний возраст участников составил $29,6 \pm 5$ лет. Характеризуя доход семьи, 54 % респондентов отметили, что им его вполне хватает, 11% считают свой доход удовлетворительным, 33% указали, что жить на такой доход довольно трудно. Участие в исследовании было анонимным, добровольным и безвозмездным.

Для достижения поставленной цели мы использовали нижеследующие опросники. Смысложизненные

ориентации измерялись с помощью теста «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) [17]. Тест состоит из пяти субшкал и общего показателя осмысленности жизни. Каждой шкале соответствуют 4–6 утверждений, характеризующих источник смысла жизни человека и мировоззренческое убеждение в отношении локуса контроля. По семибальной дихотомичной шкале молодым людям предлагается оценить то, насколько утверждение, описывающее определённое действие, переживание или состояние, соответствует, по их мнению, действительности.

Ценностные ориентации в области семейных отношений измерялись с помощью опросника «Ценностные ориентации в области семейных отношений» [19]. Опросник включает 20 шкал-ценностных ориентаций. Каждой шкале соответствуют 4 утверждения, которые в совокупности отражают мнение личности супруга по основным вопросам семейной жизни.

Установки по основным аспектам супружеских и семейных отношений, их совместимость измерялись с помощью опросника «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП, А. Н. Волкова) [19]. Опросник представлен в женском и мужском вариантах и включает пять шкал, отражающих установки супругов по пяти семейным функциям (хозяйственно-бытовая, воспитательная, сексуальная, досуговая, психотерапевтическая). Несмотря на ориентированность части респондентов на бездетность, мы сохранили вопросы, касающиеся воспитательной функции семьи, чтобы косвенно прояснить природу репродуктивных установок современных молодых супругов с разными моделями семейных отношений.

Личностные особенности супругов измерялись с помощью индивидуально-типологического опросника (ИТО, Л. Н. Собчик) [24]. Опросник позволяет выявить базовые свойства личности, определяющие её направленность, интересы и иерархию ценностей, характеризует привычные формы поведения, эмоционального реагирования личности в разных социальных ситуациях. Результаты методики позволяют точно описать особенности стиля межличностных отношений и мотивации молодых супругов, которые проявляются в разных сферах жизни, в т. ч. и в браке.

Математико-статистическая обработка данных проводилась в программе “Statistica 6.0”. Для проверки равенства средних значений смысловжизненных ориентаций, ценностных ориентаций в области семейных отношений, индивидуально-типологических особенностей молодых супругов с традиционной и с бездетной моделями семейных отношений применялся *t*-критерий Стьюдента, для сокращения размерности и структурирования данных – эксплораторный факторный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из таблицы 1, в парах с традиционной моделью и парах с бездетной моделью семейных отношений средние значения мужей по всем шкалам меньше, чем у их жён, а также меньше нормативных показателей.

Средние значения показателей по тесту СЖО у жён по всем шкалам выше, чем нормативные значения для женщин этой возрастной категории. При этом значимые различия выяв-

Таблица 1 / Table 1

Результаты теста смысложизненных ориентаций молодых супругов с традиционной и с бездетной моделью семейных отношений / Results of the Life-Meaning Orientations Test of young spouses with a traditional and childless model of family relationships

Субшкалы \ Участники	мТСМ М (sd)	мБДСМ М (sd)	t-test	p-lev	жТСМ М (sd)	жБДСМ М (sd)
Цели в жизни	26,9±2,6	23,1±2,9*	3,40	0,002	31,17±2,69	31±2,64
Процесс жизни	26,8±5,0	25,8±4,4			35,00±3,95	36±4,48
Результативность жизни	25,3±3,5	24,3±2,2			30,17±3,41	30±2,52
Локус контроля Я	19,3±5,1	17,3±4,2			25,83±1,47	25±1,93
Локус контроля-жизнь	27,3±5,3	24,5±5,1			37,08±2,97	37±3,16
Общий показатель осмысленности жизни	96,3±11,3	89,3±11,4			120,17±9,69	120±9,28

Примечание: м – «муж»; ж – «жена»; ТСМ – «традиционная семейная модель»; БДСМ – «бездетная семейная модель»; М – «среднее»; sd – «стандартное отклонение»; p-lev – «уровень достоверности».

лены только среди мужчин по шкале «Цели в жизни» ($p = 0,002$).

В таблице 2 отражены результаты сравнения ценностных ориентаций в области семейных отношений супругов с традиционной моделью и супругов с бездетной моделью семейных отношений. Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют, что в парах с разными моделями семейных отношений значимо различаются ценностные ориентации только среди мужчин по таким показателям, как «Опыт в любви» и «Свобода сексуального выражения». При этом показатели по шкале «Опыт в любви» значимо выше у мужчин с бездетной моделью семейных отношений, а у мужчин с традиционной моделью семейных отношений значимо выше показатели по шкале «Свобода сексуального выражения». Средние значения по другим шкалам в области семейных отношений у супругов с разными моделями семьи достаточно схожи между собой.

В таблице 3 представлены результаты сравнения выраженности ролевых ожиданий и притязаний в браке у молодых супругов с традиционной и с бездетной моделью семейных отношений.

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что притязания молодых мужчин с традиционной и с бездетной моделями семейных отношений значимо различаются по трём функциям – интимно-сексуальной, хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапевтической, а среди молодых женщин – только по эмоционально-психотерапевтической. Как видно, ожидания и притязания в этих сферах значимо выше у мужчин из традиционной семьи, чем у мужчин из бездетной семьи. Среди женщин ожидания и притязания в эмоционально-психотерапевтической сфере значимо выше у женщин с бездетной моделью семейных отношений. Как мы видим, в показателях, отражающих установки молодых супругов по семейным функциям, име-

Таблица 2 / Table 2

Результаты теста «Ценностные ориентации в области семейных отношений» молодых супругов с традиционной и бездетной моделью семейных отношений / Results of the Value Orientations in the Field of Family Relations Questionnaire of young spouses with a traditional and childless model of family relations

Субшкалы	Участники	мТСМ М (sd)	мБДСМ М (sd)	t-test	p-lev	жТСМ М (sd)	жБДСМ М (sd)
Свобода в семье		3,7±0,5	3,2±1,0			3,33±0,65	3±1,15
Опыт в любви		1,3±1,0	2,3±1,2*	-2,40	0.03	1,75±0,97	2±0,65
Достижения в работе		1,8±0,8	1,8±1,1			3,58±0,51	4±0,49
Гибкое общее воспитание		3,1±0,9	3,5±0,5			3,00±0,85	3±1,15
Свобода сексуального выражения		3,3±0,8 ***	1,7±1,3	3,64	0,001	3,58±0,67	3±0,75
Самовыражение личности		1,6±1,4	1,8±1,4			3,75±0,45	4±0,45
Широта внешних контактов семьи		1,9±0,8	2,1±0,7			2,67±0,78	3±0,90
Стремление к достижению детьми больших успехов		3,3±0,5	3,3±0,5			3,33±0,78	3±0,75
Приверженность интересам семьи		2,9±1,1	2,5±0,8			1,67±0,98	2±0,65
Ранний брак		1,5±0,9	1,5±1,2			1,42±1,24	1±1,00
Порядок и дисциплина в семье		2,9±0,8	2,6±0,8			2,83±0,94	3±0,75
Верность в любви		2,8±1,2	3,1±1,2			2,17±1,11	2±0,79
Глубина семейных связей		2,9±0,7	3,3±0,8			1,58±0,51	1±0,89
Жёсткое, ригидное специальное воспитание		2,3±1,0	2,2±1,1			2,83±1,11	3±1,30
Сексуальная сдержанность		2,4±0,5	3,1±1,0			1,75±0,75	2±1,00
Самопожертвование ради детей		3,0±1,0	3,5±0,7			0,58±0,67	1±0,72
Ограничение и углубленность внешних семейных связей		3,0±0,9	2,4±1,1			1,92±0,67	2±1,16
Реалистические ожидания, опирающиеся на возможности детей		1,8±0,8	1,9±1,2			2,58±0,90	2±1,30
Приверженность интересам общества		2,4±0,7	2,3±0,9			2,08±1,00	2±0,87
Брак в зрелом возрасте		1,8±0,9	1,7±0,9			2,58±0,90	2±1,07

Примечание: м – «муж»; ж – «жена»; ТСМ – «традиционная семейная модель»; БДСМ – «бездетная семейная модель»; М – «среднее отклонение»; sd – «стандартное»; p-lev – «уровень достоверности».

ются значимые различия в зависимости от модели семейных отношений.

Кроме этого, данные, полученные от молодых мужчин с традиционной моделью семейных отношений и от молодых женщин с бездетной моде-

лью семейных отношений, частично объясняют и подтверждают результаты, полученные К. Н. Белогой, В. М. Кусковой [1]. Авторы указывают, что партнёры с высокими адаптационными способностями большее

Таблица 3 / Table 3

Результаты опросника «Рольевые ожидания и притязания в браке» молодых супругов с традиционной и с бездетной моделью семейных отношений / Results of the Role Expectations and Ambitions in Marriage Questionnaire of young spouses with a traditional and childless model of family relations

Шкала	мТСМ М (sd)	мБДСМ М (sd)	t- test	p-lev	жТСМ М (sd)	жБДСМ М (sd)	t-test	p- lev
Интимно-сексуальная	6,0±1,5 ***	2,9±2,2	4,09	0,0004	5,42±1,78	7±1,72		
Личностная идентификация	7,4±1,1	6,9±1,2			7,08±2,23	7±1,14		
Хозяйственно-бытовая	7,5±1,3 ***	6,1±0,7	3,30	0,003	3,54±0,96	6±0,84		
Родительско-воспитательская	7,5±1,3	7,0±0,8			3,54±0,84	3±1,03		
Социальная активность	5,7±1,1	5,3±0,8			7,96±0,81	7±1,17		
Эмоционально-психотерапевтическая	7,0±1,1 ***	5,0±1,3	4,20	0,0003	7,83±0,69*	7±0,86	4,02	0,02
Внешняя привлекательность	4,9±1,2	4,4±1,7			6,00±0,67	7±1,00		

Примечание: м – «муж»; ж – «жена»; ТСМ – «традиционная семейная модель»; БДСМ – «бездетная семейная модель»; М – «среднее»; sd – «стандартное отклонение»; p-lev – «уровень достоверности».

значение придают эмоционально-психотерапевтической и интимно-сексуальной функциям семьи. Как видим, в данном случае наблюдаются более высокие адаптационные способности у мужчин с традиционной моделью отношений в сравнении с их жёнами, а в бездетных семьях адаптационные способности выше у молодых женщин по отношению к их брачному партнёру.

В таблице 4 представлены результаты индивидуально-психологических особенностей пар с традиционной моделью и пар с бездетной моделью семейных отношений.

Данные, представленные в таблице 4, показывают, что уровень интроверсии у мужчин из традиционной семьи значимо выше, чем у мужчин с бездетной моделью семейных от-

ношений. При этом у мужчин с бездетной моделью семейных отношений выявлена такая некомпенсированная акцентуированная черта как спонтанность, а среди женщин – экстраверсия. Среди женщин из традиционной семьи некомпенсированными акцентуированными чертами являются экстраверсия и агрессивность.

Факторный анализ позволил выделить ценностно-смысловой базис, определяющий особенности построения семейных отношений молодых мужчин и женщин из исследуемых групп. В содержательном смысле величина факторной нагрузки показывает, насколько привлекательны ценности и установки, стоящие за каждым из факторов.

В мужской части выборки с традиционной моделью семейных отноше-

Таблица 4 / Table 4

Результаты индивидуально-типологического опросника молодых супругов с традиционной и бездетной моделью семейных отношений (средние значения) / Results of the Individual Typological Questionnaire of young spouses with a traditional and childless model of family relations (mean values)

Шкала	мТСМ М (sd)	мБДСМ М (sd)	t-test	p-lev	жТСМ М (sd)	жБДСМ М (sd)
Экстраверсия	3,5±1,5	4,4±2,2			6,08±1,73	6±1,83
Спонтанность	4,8±2,1	5,1±1,8			6,83±1,47	4±1,68
Агрессивность	5,5±1,6	4,7±1,3			5,08±1,24	4±1,70
Ригидность	6,4±1,5	5,4±1,5			6,17±1,47	6±1,56
Интроверсия	6,0±1,7*	4,3±1,8*	2,35	0,02	4,08±1,98	4±2,94
Сензитивность	4,8±1,6	4,2±1,4			6,08±0,90	4±1,48
Тревожность	4,7±1,6	4,1±1,4			3,67±1,44	4±1,53
Лабильность	4,4±0,9	5,2±1,5			5,08±1,24	5±1,24

Примечание: м – «муж»; ж – «жена»; ТСМ – «традиционная семейная модель»; БДСМ – «бездетная семейная модель»; М – «среднее»; sd – «стандартное отклонение»; p-lev – «уровень достоверности».

Источник: таблица составлена автором по указанным в тексте источникам.

ний факторы оказались следующие. Первый фактор «Семейные отношения как опора в жизни» (ИТО: интроверсия (0,83), экстраверсия (-0,83); «Ценностные ориентации в области семейных отношений»: брак в зрелом возрасте (0,70), верность в любви (0,66), ограничение и углубленность внешних семейных связей (0,54), ранний брак (-0,68); РОП: социальная активность (-0,81)).

Второй фактор «Ответственность за детей и ожидание эмоциональной поддержки жены» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: самопожертвование ради детей (0,74), стремление к достижению детьми больших успехов (-0,66), РОП: внешняя привлекательность (0,77), эмоционально-психотерапевтическая функция брака (0,6); ИТО: агрессивность (-0,97), лабильность (-0,82)).

Третий фактор «Осмысленное отношение к жизни» (СЖО: осмысленность жизни (0,93), цели в жизни (0,86), ло-

кус контроля жизнь (0,87), локус контроля «Я» (0,8), процесс жизни (0,76)).

Четвёртый фактор «Традиционность ролевых ожиданий» (РОП: интимно-сексуальная функция брака (0,81), хозяйственно-бытовая функция брака (0,76); «Ценностные ориентации в области семейных отношений»: приверженность интересам семьи (0,71), гибкое общее воспитание (0,6), свобода в семье (-0,7)).

Пятый фактор «Консерватизм семейной жизни» (глубина семейных связей (0,96), порядок и дисциплина в семье (0,74), приверженность интересам общества (0,68), реалистические ожидания, опирающиеся на возможности детей (0,65), ригидность (0,56)).

Влияние личностных особенностей молодых мужчин из семьи с традиционными отношениями на принятие и выполнение семейных обязанностей частично подтверждают результаты других исследований [1]. Так, К. Н. Белогай и её коллега отмечают,

что молодые мужчины с высоким уровнем интернальности значимо сильнее ориентированы на личное выполнение определённой функции, для них более значима ценность родительства.

В женской части выборки с традиционной моделью семейных отношений было выделено три фактора. Первый фактор «Незрелость в осмыслении жизни» (СЖО: осмысленность жизни (0,97), процесс жизни (0,92), цели в жизни (0,89), локус контроля жизнь (0,88), результативность жизни (0,81), локус контроля «Я» (0,73)).

Второй фактор «Потребность в эмоциональной поддержке и интимном комфорте» (РОП: эмоционально-психотерапевтическая функция брака (0,83), социальная активность (0,63); «Ценностные ориентации в области семейных отношений»: реалистические ожидания, опирающиеся на возможности детей (0,85), приверженность интересам семьи (0,71), самопожертвование ради детей (-0,6), сексуальная сдержанность (-0,6)).

Третий фактор «Незрелость ожиданий от семейных отношений» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: гибкое общее воспитание (0,85), свобода в семье (0,81); РОП: родительско-воспитательская функция семьи (-0,83), интимно-сексуальная функция семьи (-0,51)).

Как видим, выделенные факторы, обуславливающие особенности построения семейных отношений молодыми женщинами с традиционной моделью, частично подтверждают и объясняют, данные, полученные Г. В. Вержибок. Автор указывает, что специфичной тенденцией среди девушек является их ориентированность на эмпатийность супруга, эмоциональ-

ную сторону отношений в браке и отсроченное материнство. У молодых жён эти тенденции отражены в потребности психологической поддержки со стороны мужа, в стремлении к социальной активности и неготовности на этом этапе к самопожертвованию ради детей (трансформированная репродуктивная установка).

Факторное наполнение мужской части выборки с бездетной моделью семейных отношений следующее. Первый фактор «Поиски себя и потребность самоутверждения» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: свобода сексуального выражения (0,89), самовыражение личности (0,77), социальная активность (0,8), приверженность интересам семьи (-0,64); РОП: внешняя привлекательность (0,84), эмоционально-психотерапевтическая функция семьи (0,73); СЖО: процесс жизни (0,71), локус контроля Я (0,65), локус контроля жизнь (0,63); ИТО: экстраверсия (0,7), тревожность (-0,72)).

Второй фактор «Потребность контроля и бытового комфорта» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: порядок и дисциплина в семье (0,97), сексуальная сдержанность (0,64); РОП: родительско-воспитательская функция семьи (0,8), хозяйственно-бытовая функция семьи (0,69)).

Третий фактор «Кризис идентичности» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: достижения в работе (-0,87), личностная идентификация (-0,85), широта внешних контактов семьи (-0,79)).

Четвёртый фактор «Непринятие семейных ценностей» («Ценностные ориентации в области семейных отношений»: глубина семейных связей

(-0,75), самопожертвование ради детей (-0,96)).

Факторное наполнение женской части выборки с бездетной моделью семейных отношений. Первый фактор «Прожектёрство и ориентация на настоящее» (СЖО: локус контроля жизнь (0,94), осмысленность жизни (0,89), процесс жизни (0,86), результативность жизни (0,84), цели в жизни (0,71); «Ценностные ориентации в области семейных отношений»: сексуальная сдержанность (0,92), глубина семейных связей (-0,84)).

Второй фактор «Ориентация на безопасность и защиту в семье» (ИТО: тревожность (0,7), экстраверсия (-0,78); «Ценностные ориентации в области семейных отношений»: ограничение и углублённость внешних семейных связей (0,69); РОП: родительско-воспитательская функция семьи (0,68), интимно-сексуальная функция семьи (0,57)).

Третий фактор «Семья как жизненный стабилизатор» (ИТО: сензитивность (0,77), ценностные ориентации в области семейных отношений: опыт в любви (0,72), порядок и дисциплина в семье (0,53), брак в зрелом возрасте (-0,71); СЖО: цели в жизни (0,52)).

Сочетание высоких факторных весов по шкалам соответствующих опросников свидетельствуют о содержании вышеперечисленных факторов.

Эмпирические результаты подтвердили наше предположение о наличии весомых ценностно-смысловых различий у молодых семей с разными моделями семейных отношений. В парах с традиционной моделью для молодых мужчин главным смыслообразующим ориентиром являются семейные отношения, их эмоциональная ценность.

Анализ корреляций заданных переменных показал, что брачно-семейное поведение молодых мужчин характеризуется патриархальной позицией, доминантной маскулинностью по отношению к жене, реалистичностью жизненных задач и готовностью их решать, т. е. высокими адаптационными способностями. Осмысленное отношение к жизни прослеживается в потребности глубоких семейных связей, ответственной позиции за воспитание детей, сопряжённости функционирования семьи и интересов общества. Смыслообразующий ориентир молодых женщин из семьи с традиционной моделью характеризуется незрелыми ожиданиями от семейных отношений, излишней самоуверенностью в осмысленности жизни, неготовностью к выполнению роли жены и матери. Другими словами, мотивом создания собственной семьи для молодых женщин является потребность в эмоциональной поддержке, обретение социальной активности, которую они стремятся приобрести, выйдя замуж. Наряду с этим изоморфной смысловой составляющей в представлениях обоих супругов выступают потребность в эмоциональной поддержке, приверженность интересам семьи и реалистические ожидания, опирающиеся на возможности детей. Как видно, молодой муж ориентирован на проявление покровительства, заботы о жене, он ожидает от неё эмоциональной поддержки, что в целом благоприятно для построения доверительности и усиления ответственности в семейных отношениях.

Супружеские отношения для молодых мужчин с бездетной моделью, скорее, являются пространством для

их самоутверждения, обеспечения бытового комфорта. Анализ основных корреляций исследуемых переменных позволяет охарактеризовать поведение этой группы мужчин как компенсаторную активность, которая позволяет сгладить кризис личностной идентичности. При этом эгоистичность позиции, поверхностность в семейных отношениях сочетается с выраженными ожиданиями в эмоциональной поддержке со стороны жены, указывая на низкий уровень адаптационного потенциала. Главным смыслообразующим ориентиром для молодых женщин в этих парах являются представления о семье как о безопасном пространстве и ожидании того, что супружеские отношения помогут справиться с их сензитивностью и тревожностью. Выявленные нами индивидуально-типологические особенности молодых женщин коррелируют с результатами Т. Коропецкого-Кокс и др., в исследовании которых также отмечается, что бездетные женщины воспринимаются как более эмоционально обеспокоенные [28].

Как видно, изоморфными смысловыми составляющими в представлениях о семейных отношениях обоих супругов является незначимость построения глубоких семейных связей, базирующихся на поверхностном осмыслении жизни, стремлении получать дивиденды от жизни «здесь и сейчас» без чёткости построения перспективы ближайшего семейного будущего. Иными словами, можно охарактеризовать жизненную позицию молодых пар с бездетной моделью отношений, как незрелую, недостаточно ответственную, а их сплочённость и семейную адаптированность как низ-

кую и психологически неблагополучную. Выявленные нами особенности частично подтверждают выводы, представленные в других исследованиях [1; 16].

Таким образом, можно утверждать, что специфика смысложизненных ориентаций, семейных ценностей, индивидуально-личностные особенности молодых супругов влияют на выбор модели семейных отношений, их качество и вектор дальнейшего развития.

Заключение. Результаты проведённого исследования позволяют констатировать наличие статистически различных ценностно-смысловых характеристик, опосредующих отношения в молодых семьях в традиционной и бездетной моделях.

Отношения в молодых семьях традиционного типа опираются на ведущую позицию мужа, его большую, в сравнении с супругой, психологическую зрелость, реалистичность и осмысленность жизненных целей, ответственное стремление к реализации интимно-сексуальной, хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапевтической семейных функций. Расхождения в представлениях о семейных ценностях, смысложизненных ориентациях с супругой компенсируются её внешней привлекательностью, особенностями характера, в т. ч. способностью оказывать эмоциональную поддержку, что указывает на удовлетворительный уровень сплочённости супругов на данном этапе.

Отношения в молодых семьях бездетного типа опираются на активную позицию жены, её стремление к реализации интимно-сексуальной и эмоционально-психотерапевтической

семейных функций с внешне привлекательным, но личностно незрелым партнёром. Расхождения в представлениях о семейных ценностях, смысловых ориентациях с супругой компенсируются её способностью обеспечивать хозяйственно-бытовые потребности, проявлениями дезадаптивного поведения, обусловленного индивидуально-личностными особенностями.

Результаты эмпирического исследования имеют выраженную практическую значимость и будут полезны

для психологов и других специалистов, работающих с молодёжью в добрачный период и с молодыми семьями на стадии до рождения детей. Перспективным представляется проведение повторного опроса респондентов через один год и установление статистически достоверных тенденций развития отношений в молодых семьях с традиционной и бездетной семейной моделями.

*Статья поступила
в редакцию 17.09.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белогой К. Н., Кускова М. В. Супружеские отношения на этапе «Молодой семьи» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 1. С. 72–77.
2. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 13. С. 12–18.
3. Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. 2018. № 4. С. 145–149. DOI: 1816-4277-2018-4-145-149
4. Вержбок Г. В. Семейные ценности студенческой молодёжи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3. С. 75–95.
5. Вильданова С. М., Граничная А. А., Мингалиева А. Р. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3 (139). С. 192–204.
6. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования (электронный научный журнал). 2017. Т. 10. № 54. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 83–103.
8. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования (электронный научный журнал). 2014. Т. 7. № 36. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.06.2021).
9. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. № 1. С. 145–187.
10. Ипатов А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 4. С. 123–148.
11. Ильяшенко А. Н. Молодёжь в транзитивном российском обществе 1990-2000-х годов // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 269–273.
12. Исаева О. В. Модели функционирования современной семьи и их взаимосвязь с ценностно-смысловыми установками родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 86–96.
13. Киселева Е. В. Семья как социокультурная ценность // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 76–83.

14. Кортнева В. Д. Эгалитарная семья в процессе трансформации моделей семейных отношений: понятийный аспект // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. Рязань, 21–22 ноября 2018 г. / под ред. Р. Е. Маркина, А. В. Проноза. Рязань: Из-во Ипполитова, 2018. С. 336–339.
15. Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. Т. 13. № 3. С. 20–29.
16. Куцубей А. Т., Пономарёва И. В. Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5. № 3. С. 94–104.
17. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
18. Малимонов И. В., Король Л. Г., Синьковская И. Г. Проблема брачного поведения студенческой молодёжи // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 10 (54). С. 202–218.
19. Никифоров Г. С. Диагностика здоровья: психологический практикум. СПб.: Речь, 2007. 950 с.
20. Паршина В. В. Специфика молодой семьи и её основные проблемы // Проблемы современной науки и образования. 2013. № 4 (18). С. 127–130.
21. Романова А. В., Цинченко Г. М. Молодая семья: современные проблемы // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 204–214.
22. Рябова В. В. Трансформация функций семьи в современном российском обществе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 3. С. 106–112.
23. Сапожникова Е. Е. Представления о семейных ценностях и ролевых установках русских и корейских студентов ДВФУ // Вестник КемГУ. 2015. № 3–3 (63). С. 223–231.
24. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник. Практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. М.: Компания Боргес, 2013. 60 с.
25. Шнейдер Л. Б. Семейная проблематика в социокультурных реалиях // Исследователь. 2018. №. 1-2 (21-22). С. 46–54.
26. Acburn-Nardo L. Parenthood as a moral imperative? Moral outrage and the stigmatization of voluntarily childfree women and men // Sex roles. 2017. Vol. 76 (5). P. 393–401.
27. Affiliation and control in marital interaction: Interpersonal complementarity is present but is not associated with affect or relationship quality / J. M. Cundiff, T. W. Smith, J. Butner, K. L. Critchfield, J. Nealey-Moore // Personality and Social Psychology Bulletin. 2015. Vol. 41 (1). P. 35–51.
28. Koropeckyj-Cox T., Zopur Z., Romano V. University students' perceptions of parents and childless or childfree couples // Journal of Family Issues. 2018. Vol. 39 (1). P. 155–179.
29. Halliday H. J., Lucas A. Economic factors and relationship quality among young couples: Comparing cohabitation and marriage // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72 (5). P. 1141–1154.
30. Van de Kaa D. J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries // Birth. 2002. Vol. 35. P. 45–80.

REFERENCES

1. Belogay K. N., Kuskova M. V. [Marital relations at the stage of the “Young Family”]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerov State University], 2009, no. 1, pp. 72–77.

2. Belinskaya D. V. [Social Portrait of Childfree]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences], 2018, vol. 4, no. 13, pp. 12–18.
3. Bolshunova T. V. [The childfree phenomenon: macro-sociological analysis]. In: *Vestnik Universiteta* [University's Bulletin], 2018, no. 4, pp. 145–149. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-4-145-149>
4. Verzhibok G. V. [Family values of students as a matrix for building the future]. In: *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 2018, no. 3, pp. 75–95.
5. Vildanova S. M. [Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the institution of the family]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes], 2017, no. 3, pp. 192–205.
6. Guseltseva M. S. [Identity in a transitive society: the transformation of values]. In: *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Researches], 2017, vol. 10, no. 54. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 10.06.2021).
7. Gudkova T. B. [Reproductive intentions of Russians: motivation and constraining factors]. In: *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 83–103.
8. Dubovskaya E. M. [Transitive society as a factor of personality socialization]. In: *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Researches], 2014, vol. 7, no. 36. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 10.06.2021).
9. Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. [Analysis of fertility factors in Russia: what do the data from the RLMS of the Higher School of Economics say?]. In: *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2017, no. 1, pp. 145–187.
10. Ipatova A. A., Tyndik A. O. [Reproductive age: 30-year line in preferences and biographies]. In: *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, no. 4, pp. 123–148.
11. Ilyashenko A. N. [Youth in the transitive Russian society of the 1990-2000s]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2012, no. 1 (38), pp. 269–273.
12. Isaeva O. V. [Models of modern family functioning and their relationship with the value-semantic attitudes of parents]. In: *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of MGRU. Series: Psychological Sciences], 2018, no. 3, pp. 86–96.
13. Kiseleva E. V. [Family as a sociocultural value]. In: *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2016, no. 1 (39), pp. 76–83.
14. Kortneva V. D. [The egalitarian family in the process of transformation of models of family relations: conceptual aspect]. In: Markin R. E., Pronoza A. V., ed. *Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sociologicheskikh izmerenij (VIII Ryazanskije sociologicheskie chteniya): materialy Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ryazan', 21–22 noyabrya 2018 g.* [Society and the state in the mirror of sociological dimensions (VIII Ryazan sociological readings): materials of the National scientific and practical conference with international participation. Ryazan, November 21–22, 2018]. Ryazan, Ippolitov' Publ., 2018, pp. 336–339.
15. Kuchmaeva O. V., Kuchmaev M. G., Petryakova O. L. [Transformation of the institution of family and family values]. In: *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2009, vol. 13, no. 3, pp. 20–29.
16. Kutsubei A. T., Ponomareva I. V. Psychological features and motives of refusal to give birth to children of childfree representatives. In: *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Memoirs of

- V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2019, vol. 5., no. 3, pp. 94–104.
17. Leontiev D. A. *Test smyslozhiznennyh orientacij (SZHO)* [Life orientation test (LOT)]. Moscow, Sense Publ., 2000. 18 p.
 18. Malimonov I. V., Korol L. G., Sinkovskaya I. G. The problem of marriage behavior of students. In: *Russian Journal of Education and Psychology*, 2015, no. 10 (54), pp. 202–218.
 19. Nikiforov G. S. *Diagnostika zdorov'ya: psihologicheskij praktikum* [Diagnosis of health: psychological workshop], St. Petersburg, Speech Publ., 2007. 950 p.
 20. Parshina V. V. [The specifics of a young family and its main problems]. In: *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2013, no. 4 (18), pp. 130–134.
 21. Romanova A. V., Tsinchenko G. M. [Young family: modern problems]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2019, no. 3 (39), pp. 204–214.
 22. Ryabova V. V. [Transformation of family functions in modern Russian society]. In: *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia], 2014, no. 3, pp. 106–112.
 23. Sapozhnikova E. E. [Representations of family values and role attitudes of Russian and Korean students of FEFU]. In: *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemGU], 2015, no. 33-3 (63), pp. 223–231.
 24. Sobchik L. N. *Individual'no-tipologicheskij oprosnik. Prakticheskoe rukovodstvo k tradicionnomu i kompyuternomu variantam testa* [Individual typological questionnaire. A practical guide to the traditional and computer versions of the test]. Moscow, Company Borges Publ., 2013, 60 p.
 25. Schneider L. B. [Family problems in socio-cultural realities]. In: *Issledovatel'* [Researcher], 2018, no. 1-2 (21-22), pp. 46–54.
 26. Acburn-Nardo L. Parenthood as a moral imperative? Moral outrage and the stigmatization of voluntarily childfree women and men. In: *Sex roles*, 2017, vol. 76 (5), pp. 393–401.
 27. Cundiff J. M., Smith T. W., Butner J., Critchfield K L., Nealey-Moore, J. Affiliation and control in marital interaction: Interpersonal complementarity is present but is not associated with affect or relationship quality. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015, vol. 41 (1), pp. 35–51.
 28. Koropecyj-Cox T., Zopur Z., Romano V., Cody-Rydzewski S. University students' perceptions of parents and childless or childfree couples. In: *Journal of Family Issues*, 2018, vol. 39 (1), pp. 155–179.
 29. Halliday H. J., Lucas A. Economic factors and relationship quality among young couples: comparing cohabitation and marriage. In: *Journal of Marriage and Family*, 2010, vol. 72, no. 5, pp. 1141–1154.
 30. Van de Kaa D. J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries. In: *Birth*, 2002, vol. 35, pp. 45–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латышева Марианна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
e-mail: maralat@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9827-7363>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marianna A. Latysheva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Psychology Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

e-mail: maralat@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9827-7363>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Латышева М. А. Ценностно-смысловые характеристики отношений в молодых семьях с традиционной и бездетной семейными моделями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 90–106.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-90-106

FOR CITATION

Latysheva M. A. Value-semantic determinants of relationships in young families with traditional and childless family models. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 90–106.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-90-106

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Овсяник О. А., Фарбер А. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении типов ценностных ориентаций женщин-руководителей в России, Великобритании и Индии в зависимости от кросс-культурной группы и гендера.

Процедура и методы. Исследование проводилось на базе социальных сетей с ссылкой на "Google Forms". Выборку исследования составили женщины-руководители высшего звена, работающие в России, Великобритании и Индии, в количестве 270 респондентов (по 90 респондентов в каждой кросс-культурной группе). Были использованы методики «Полороловой опросник» (С. С. Бем) и «Ценностный опросник» (М. Рокич). Для определения значимости различий использовался Н-критерий Краскела-Уоллиса. Статистическая достоверность результатов считалась подтверждённой на уровне $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение. В ходе работы были выявлены типы ценностных ориентаций женщин-руководителей в России, Великобритании и Индии в зависимости от кросс-культурной группы и гендера. По полученным данным было установлено наличие достоверных различий в ценностных ориентациях женщин-руководителей с учётом влияния гендерного фактора в кросс-культурных группах России, Великобритании и Индии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию кросс-культурной и гендерной социальной психологии.

Ключевые слова: гендер, женщина-руководитель, ценностные ориентации, кросс-культурные исследования

CROSS-CULTURAL GENDER FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF WOMEN-LEADERS

O. Ovsyanik, A. Farber

*Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to identify the types of value orientations of women leaders in Russia, Great Britain and India, depending on the cross-cultural group and gender.

Methodology. The research was conducted on the basis of social networks with a link to Google Forms. The sample of the study was composed of female senior executives, working in Russia, Great Britain and India, in the number of 270 respondents (90 respondents in each cross-cultural group). The methodology “Sex-role questionnaire” (S.S. Behm) and “Value questionnaire” (M. Rokich) were used. To determine the significance of the differences the Kruskal-Wallis H-test was used. The statistical significance of the results was considered confirmed at the level of $p < 0.05$.

Results. In the course of the work, the types of value orientations of women-leaders in Russia, Great Britain and India were identified depending on the cross-cultural group and gender. According to the data obtained, it was established that there were significant differences in the value orientations of women-leaders, taking into account the influence of the gender factor in the cross-cultural groups of Russia, Great Britain and India.

Research implications. The research results contribute to the theory of cross-cultural and gender social psychology.

Keywords: gender, female leader, value orientations, cross-cultural research

Введение

Сегодня женщины руководители всё чаще возглавляют бизнес-структуры [12; 19]. И если это распространено в западных компаниях, то в восточных компаниях до сих пор возникают определённые культурные барьеры на пути международной торговли и занятости, которые в последнее время всё же уменьшаются. Следовательно, крайне важно, чтобы компании достигли более полного понимания ценностей, взглядов и поведения своих женщин-менеджеров высшего звена [21]. Для организаций во всём мире большое значение на современном этапе развития международного опыта в сфере занятости имеют опросы, становятся ли ценностные ориентации женщин-руководителей в разных странах похожими, зависят ли они от гендерного типа [18; 20], или кросс-культура всё же накладывает свой отпечаток на ценности женщин вне зависимости от гендера, определяющего особенности их социального поведения [3; 10; 14; 15]. Мы смогли найти единичные публикации современных исследо-

ваний, посвящённых этой проблеме. Например, обсуждая гендерные проблемы в Латинской Америке, Дж. С. Боргес и др. [5; 12] объясняют, что отсутствие понимания и осведомлённости о том, как женщины преуспевают в совершенно разных культурах, ставит корпорации в невыгодное положение в современное время глобализации. Несмотря на важность этой темы, в немногих исследованиях были изучены межкультурные сходства и различия по признаку гендера в типах ценностной ориентации [7; 8; 9]. Ещё в меньшей степени данное направление исследований касалось стран с достаточно разными культурами, например, России, Великобритании и Индии. Специфику культур этих стран можно увидеть в различных традициях, языке, артефактах и общепринятых в данных культурах женских ценностях.

Краткий обзор исследований

Культура – это социализированный набор ценностей, установок и моделей поведения конкретного общества, организации, группы или подгруппы [2].

Согласно данным ранних источников, культура трактуется как «коллективное программирование разума; она проявляется не только в ценностях, но и более поверхностными способами: в символах, героях и ритуалах» [1]. Всё это влияет на процесс социальной адаптации в обществе: женщины, как и мужчины, социализируются для выполнения различных функций в обществе, при этом их установки и поведение становятся взаимосвязанными во время формирования у них системы ценностей, личностных особенностей представлений о культуре [6]. В ходе кросс-культурных исследований М. Мойсер [17] нашёл гендерные различия в ценностях между различными демографическими группами в Канаде. Е. Мёрфи и др. [11] исследовали половые различия и сходства менеджеров в США, Японии и Соединённом Королевстве, а также в Аргентине, Бразилии, Колумбии и Мексике, которые сравнивали с Филиппинами. С. Луо [16] изучал гендерные различия в межкультурных ценностях в США и Китае. О. А. Овсяник были [4; 5] изучены особенности социально-психологической адаптации женщин второго периода взрослости и восприятия личностных изменений гендерными группами женщин, проживающих в различных социальных условиях (на примере России и Австралии).

Основываясь на этом обзоре литературы, мы можем утверждать, что кросс-культурные ценности предполагают различные типы гипотез, которые могут быть сформулированы в более структурной перспективе с учётом гендера.

Цель исследования: установить особенности межкультурного сходства и различий по признаку гендера в типах ценностной ориентации

женщин-руководителей в России, Великобритании и Индии.

Методы исследования. Для проведения исследования использовалось психологическое тестирование. Исследование проводилось в режиме on-line с помощью сбора информации в течение 2019–2021 гг. по средством “Google Forms”. На основе полученных ответов выборку исследования составили женщины-руководители высшего звена (России, Великобритании и Индии) в количестве 270 респондентов (по 90 респондентов с каждой страны) с различным стажем профессиональной деятельности (от 2 до 20 лет).

С целью выявления социального пола (гендера) женщин была использована методика «Полоролевой опросник» С. С. Бема.

Для выявления ценностей использовали методику «Ценностный опросник» М. Рокича. Он состоит из ценностей, которыми, по мнению автора, будет обладать большинство обществ, и которыми можно будет пользоваться для того, чтобы изучить сходства и различия между культурами и большинством демографических подгрупп.

Полученные в процессе исследования данные подвергались количественному анализу с их последующим качественным обоснованием и обобщением. Статистическая обработка полученных эмпирических данных была проведена с помощью пакета программ статистической обработки данных “IBM SPSS Statistics 23. 0”. Для определения значимости различий использовался критерий установления значимых различий между тремя независимыми выборками: использовали Н-критерий Крускала-Уоллиса. Разницу между величинами считали

Таблица 1 / Table 1

Гендерное распределение женщин-руководителей в кросс-культурных группах (n = 270), % / Gender distribution of women-leaders in cross-cultural groups (n = 270), %

Страна	Полоролевой тип		
	Маскулинный	Феминный	Андрогинный
Россия	26,7	26,7	46,7
Великобритания	23,3	16,7	60,0
Индия	30,0	16,7	53,3

достоверной либо на уровне вероятности $p < 0,05$, либо на показателе ниже, чем был отмечен ранее.

Результаты и их обсуждение

Обобщённые результаты тестирования женщин-руководителей в кросс-культурных группах согласно их распределению в зависимости от гендерного типа представлены в таблице 1.

Согласно полученным результатам опроса, большинство женщин-руководителей относятся к андрогинному полоролевому типу (53,3% всей выборки), из них 46,7% россиянок, 60% британок, 53,3% индианок. К маскулинному полоролевому типу относятся 26,7% женщин-руководителей всей выборки, из них 26,7% россиянок, 23,3% британок, 30% индианок. К феминному полоролевому типу относятся 20% женщин-руководителей всей выборки, из них 26,7% россиянок, 16,7% британок, 16,7% индианок. Можно отметить в выборке преобладание женщин-руководителей андрогинного полоролевого типа.

Мы стремились определить, были ли ценности более схожими или непохожими в кросс-культурных и гендерных группах женщин-руководителей (на примере России, Великобритании и Индии). Результаты изучения ценностных ориентаций в кросс-культурных и

гендерных группах женщин-руководителей представлены в таблице 2.

Интерпретируя полученные результаты тестирования, мы выявили статистически достоверное отличие в ранговом соотношении между женщинами-руководителями кросс-культурных групп по таким типам ценностей как:

– традиции с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Индии (что объясняется самой культурой анализируемых стран) ($h_{эмп} = 20,93$, $P = 457$);

– доброта с наименьшим её проявлением у индийских женщин-руководителей и с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Великобритании ($h_{эмп} = 37,2$, $P = 321$);

– гедонизм с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Великобритании и наименее выраженным среди женщин-руководителей Индии (что также можно связать с самой культурой анализируемых стран) ($h_{эмп} = 28,44$, $P = -3,83$).

Тем не менее наибольшие отличия характеризуют гендерные группы женщин-руководителей, на что не оказывает существенного влияния страна их проживания. Так, наблюдается статистически достоверное различие в ранговом соотношении между женщинами-руководителями гендерных групп,

Таблица 2 / Table 2.

Ценностные ориентации женщин-руководителей различных кросс-культурных и гендерных групп (n=270), ранг / Value orientations of women-leaders of various cross-cultural and gender groups (n = 270), rank

* **hэмп** – H критерий Краскела-Уоллиса; ** **P** – уровень значимости

Шкала	Страна	Феминные	Маскулинные	Андрогинные	hэмп*	P**
Конформность	Россия	2	10	4	1,950	0,377
	Великобритания	2	10	3		
	Индия	3	10	5		
hэмп		129,026				
P		-3,970*				
Традиции	Россия	6	7	8	20,93	457**
	Великобритания	7	7	8		
	Индия	2	6	2		
hэмп		12,494				
P		0,00194*				
Доброта	Россия	1	8	2	37,20	-321**
	Великобритания	1	8	2		
	Индия	6	9	7		
hэмп		87,07				
P		-7,864*				
Универсализм	Россия	4	6	3	3,884	0,143
	Великобритания	3	6	4		
	Индия	1	7	8		
hэмп		68,944				
P		-3,184*				
Самостоятельность	Россия	7	4	6	1,485	0,476
	Великобритания	6	4	6		
	Индия	8	5	4		
hэмп		55,734				
P		-254*				
Стимуляция	Россия	5	9	7	1,642	0,440
	Великобритания	5	9	5		
	Индия	4	8	10		
hэмп		95,577				
P		-1,773*				
Гедонизм	Россия	9	5	10	28,44	-3,828**
	Великобритания	9	5	10		
	Индия	9	3	6		
hэмп		119,474				
P		-3,053*				
Достижения	Россия	3	2	1	3,557	0,169
	Великобритания	4	1	1		
	Индия	5	1	1		
hэмп		65,751				
P		-6,502*				
Власть	Россия	10	2	5	5,302	0,07
	Великобритания	10	1	7		
	Индия	10	2	3		
hэмп		126,474				

Шкала	Страна	Феминные	Маскулинные	Андрогинные	hэмп*	P**
P		-2,039*				
Безопасность	Россия	8	3	9	0,696	0,706
	Великобритания	8	2	9		
	Индия	7	4	9		
hэмп		87,639				
P		-9,775*				

Примечание: * статистически значимые отличия между гендерными группами,

** статистически значимые отличия между кросс-культурными группами.

например, по такому типу ценностей как конформность, которая стоит на первом месте в ранге их ценностей, тогда как для маскулинных женщин – на последнем десятом месте (hэмп=129,03, P= -3,97). Наблюдаемые гендерные различия в конформности имеют социальные объяснения: феминные женщины социализированы, чтобы больше заботиться о желаниях других, чем маскулинные. Данная категория женщин, скорее всего, будут стоять на своём, действовать независимо и отказываться подчиняться, в то время как феминные женщины с бо́льшей вероятностью будут подчиняться мнению других. Высокую значимость для феминных женщин-руководителей имеют также такие ценности, как доброта (hэмп= 87,07, P= -7,9) (у русских и британских женщин), универсализм (hэмп= 68,9, P= -3,18) и достижения (hэмп= 65,75, P= -6,5). Высокую значимость для маскулинных женщин-руководителей имеют такие ценности, как достижения (hэмп= 3,557, P= -0,169), власть (hэмп= 5,302, P= -0,07), гедонизм (hэмп= 119,47, P= -3,05) и безопасность (hэмп= 87,63, P= -9,77). Это подтверждает данные других исследований в ракурсе отличий гендерных групп. Так, например, Швартз и Рубель-Лифшитц [16] сообщали, что женщины с феминным типом гендера имеют более высокий уровень доброжелательности и

универсализма, тогда как представители маскулинного типа гендера имеют более высокий уровень управленческой деятельности, гедонизма и достижений.

Для женщин-руководителей андрогинного типа наиболее высокие ранги в настоящем исследовании имеют такие ценности как: достижение (наравне с маскулинными), доброта (кроме кросс-культурной группы Индии, где данная ценность занимает более низкий ранг) и конформность.

Наименее значимыми с точки зрения феминных женщин-руководителей являются такие ценности, как гедонизм и власть, с точки зрения маскулинных – конформность и доброта, с точки зрения андрогинных – безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя.

Заключение

Гендерные роли связаны с моделями поведения, которые в долгосрочной перспективе могут являться причиной различий в образе жизни. Гендерные роли и стереотипы усваиваются в раннем возрасте, а знакомство с традиционными гендерными ролями в обществе усиливает скрытые гендерные убеждения, среди которых – стереотипные черты, способности и роли. Мы рассмотрели типы ценностных ориентаций женщин-руководителей в России, Великобритании и Индии

в зависимости от кросс-культурной группы и гендера. Было установлено влияние гендерного фактора женщин-руководителей в кросс-культурных группах на ранговое распределение ценностных ориентаций: наблюдаются статистически достоверное различие в ранговом соотношении по традиции с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Индии ($h_{эмп} = 20,93$, $P = 457$), доброта с наименьшим её проявлением у индийских женщин-руководителей и с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Великобритании ($h_{эмп} = 37,2$, $P = 321$), а также гедонизм с наивысшим рангом среди женщин-руководителей Великобритании и наименее выраженным среди женщин-руководителей Индии ($h_{эмп} = 28,44$, $P = -3,83$). Тем не менее наибольшие отличия характеризуют

гендерные группы женщин-руководителей, на что не оказывает существенное влияние страна их проживания.

Соответствие женским ролям приводит женщин-руководителей к поведенческим моделям и привычкам образа жизни, связанным с женственностью, порождая важные различия между маскулинными и феминными женщинами с учётом страны их проживания. Кроме того, соответствие женским ролям было связано с такими характеристиками, как забота о других, худоба, сексуальная верность, пассивность и т. д., что существенно повлияло на самооценку женщин и карьерные устремления.

*Статья поступила
в редакцию: 14.07.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 4 (47). С. 28–37.
2. Батурина Н. В. Теории конструирования гендера как культурологического явления // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 216–221.
3. Лебедева М. В., Вербина Г. Г. Гендерные различия в ценностных ориентациях личности // Образование и право. 2019. № 8. С. 40–42.
4. Овсяник О. А. Адаптация для женщин второго периода взрослости // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11 (33). С. 341–344.
5. Овсяник О. А. Социально-психологическая адаптация женщин второго периода взрослости: автореф. дис. ... док-ра психол. наук. М., 2013. 37 с.
6. Смирнова А. Ю. Личность в культуре и культура в личности // EurasiaScience: сборник статей XVII международной научно-практической конференции. Москва, 31 октября 2018 г. / под ред. С. В. Клыченкова. М.: Актуальность, 2018. С. 173–175.
7. Терещенко Н. Г. Ценности руководителей организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 268–271.
8. Шаймухаметова С. Ф. Ценностные ориентации и удовлетворённость качеством жизни женщин-руководителей // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 12-2. С. 308–314.
9. Эймонт Д. А. Ценностные ориентации женщины-руководителя // Материалы Международной научно-технической конференции молодых учёных БГТУ им. В. Г. Шухова, Белгород, 01–20 мая 2016 г. / под ред. О. О. Баженовой. Белгород: Издательство Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, 2016. С. 398–401.

10. Aleman J., Woods D. Value orientations from the review of world values to what extent are they comparable on an international scale? // *Comparative political studies*. 2016. № 49 (8). Pp. 1039–1067.
11. An exploration of private sector manager value orientations in Argentina, Brazil, Colombia, and Mexico as compared to the Philippines / E. Uy. A. Murphy, R. Greenwood, S. Monserrat, J. Ruiz-Gutierrez, N. Santos, M. Olivas-Lujan, S. Madero // *Materials of Academy of Management meeting*, 2011. San Antonio, Texas, 2011.
12. Borges J. C., Lapolli Ё. M. Amaral M. R. Woman and her historical concepts. // *Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento*. 2020. Т. 06. Vol. 09. Pp. 5–21.
13. Gender matters! Analyzing global cultural gender preferences for venues using social sensing / W. Mueller., T. H. Silva, J. M. Almeida, Loureiro A. F. // *EPJ Data Sci* (электронный научный журнал). 2017. № 6. URL: <https://epjdatascience.springeropen.com/articles/10.1140/epjds/s13688-017-0101-0> (дата обращения: 23.08.2021).
14. Lomazzi V., Israel S., Crespi I. Gender equality in Europe and the impact of the work-family balance policy on attitudes to gender roles // *Social Sciences*. 2019. № 8 (1), p. 24.
15. Lomazzi V., Seddig D. Attitude to gender roles in the program of international social research: interethnic comparability and connection with cultural values // *Cross-cultural studies*. 2020. № 54 (4). Pp. 398–431.
16. Luo S. Cross-cultural differences between American and Chinese college students on self-disclosure on social media [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.dr.iastate.edu/etd/13968> (дата обращения: 23.08.2021).
17. Moiser M. Women and paid work. Women in Canada: Gender Statistics Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/89-503-x/2015001/article/14694-eng.htm> (дата обращения: 23.08.2021).
18. Rayyan M. Jordanian women's leadership styles in the lens of their masculinity-femininity value orientation // *Journal of Transnational Management* (электронный научный журнал). 2016. Vol. 21. Iss. 3. URL: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 23.08.2021).
19. Schwartz S. H., Rubel-Lifschitz T. Cross-national variation in the size of sex differences in values: Effects of gender equality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. № 97 (1). Pp. 171–185.
20. Tziner A., Shkoler O., Fein E. C. Examining the Effects of Cultural Value Orientations, Emotional Intelligence, and Motivational Orientations: How do LMX Mediation and Gender-Based Moderation Make a Difference? // *Frontiers in Psychology* (электронный научный журнал). 2020. № 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7643027/> (дата обращения: 23.08.2021).
21. Women's entrepreneurship and culture: gender role expectations and identities, societal culture, and the entrepreneurial environment / A. Bullough, U. Guelich, T. S. Manolova, L. Schjoedt // *Small Business Economics* (электронный научный журнал). 2020. № 1-12. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7794635/> (дата обращения: 23.08.2021).

REFERENCES

1. Avanesova G. A., Kupcova I. A. [Codes of culture: understanding the essence, functional role in cultural practice]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies], 2015, no. 4 (47), pp. 28–37.
2. Baturina N. V. [Theories of gender construction as a cultural phenomenon]. In: *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, vol. 7, no. 6A, pp. 216–221.

3. Lebedeva M. V., Verbina G. G. [Gender differences in the value orientations of the individual]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2019, no. 8, pp. 40–42.
4. Ovsyanik O. A. [Adaptation for women of the second period of adulthood]. In: *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 11 (33), pp. 341–344.
5. Ovsyanik O. A. *Social'no-psihologicheskaya adaptatsiya zhenshchin vtorogo perioda vzroslosti* [Socio-psychological adaptation of women in the second period of adulthood: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 2013. 37 p.
6. Smirnova A. Yu. [Personality in culture and culture in personality]. In: Klychenkov S. V., ed. *EurasiaScience: sbornik statej XVII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 31 oktyabrya 2018 g.* [EurasiaScience: collection of articles of the XVII international scientific and practical conference. Moscow, October 31, 2018] Moscow, Aktual'nost' Publ., 2018, pp. 173–175.
7. Tereshchenko N. G. [Values of the leaders of the organization]. In: *Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2016, vol. 5, no. 2 (15), pp. 268–271.
8. Shajmuhametova S. F. [Value orientations and satisfaction with the quality of life of women-leaders]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern research of social problems], 2017, vol. 8, no. 12-2, pp. 308–314.
9. Eijmont D. A. [Value orientations of a woman-leader]. In: Bazhenova O. O., ed. *Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnikeskaya konferenciya molodyh uchyonyh BGTU im. V. G. Shuhova. Belgorod, 01–20 maya 2016 g.* [International Scientific and Technical Conference of Young Scientists of BSTU n.a. V. G. Shukhov. Belgorod, May 01–20, 2016]. Belgorod: Publishing House of the Belgorod State Technological University, 2016, pp. 398–401.
10. Aleman J., Woods D. Value orientations from the review of world values to what extent are they comparable on an international scale? In: *Comparative political studies*, 2016, no. 49 (8), pp. 1039–1067.
11. Murphy E. Uy. A., Greenwood R., Monserrat S., Ruiz-Gutierrez J., Santos N., Olivas-Lujan M., Madero S. An exploration of private sector manager value orientations in Argentina, Brazil, Colombia, and Mexico as compared to the Philippines / E. Uy. A. Murphy, R. Greenwood, S. Monserrat, J. Ruiz-Gutierrez, N. Santos, M. Olivas-Lujan, S. Madero / Materials of Academy of Management meeting, 2011. San Antonio, Texas, 2011.
12. Borges J. C., Lapolli Y. M., Amaral M. R. Woman and her historical concepts. In: *Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento*, 2020, no 6, vol. 9, pp. 5–21.
13. Mueller. W, Silva T. H, Almeida J. M., Loureiro A. F. Gender matters! Analyzing global cultural gender preferences for venues using social sensing. In: *EPJ Data Sci* (electronic scientific journal), 2017, no. 6. URL: <https://epjdatascience.springeropen.com/articles/10.1140/epjds/s13688-017-0101-0> (accessed: 23.08.2021).
14. Lomazzi V., Israel S., Crespi I. Gender equality in Europe and the impact of the work-family balance policy on attitudes to gender roles. In: *Social Sciences*, 2019, no. 8 (1), p. 24.
15. Lomazzi V., Seddig D. Attitude to gender roles in the program of international social research: interethnic comparability and connection with cultural values. In: *Cross-cultural studies*, 2020, no. 54 (4), pp. 398–431.
16. Luo S. *Cross-cultural differences between American and Chinese college students on self-disclosure on social media*. Available at: <https://lib.dr.iastate.edu/etd/13968> (accessed: 23.08.2021).
17. Moiser M. *Women and paid work. Women in Canada: Gender Statistics Report*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/89-503-x/2015001/article/14694-eng.htm> (accessed: 23.08.2021).

18. Rayyan M. Jordanian women's leadership styles in the lens of their masculinity-femininity value orientation. In: *Journal of Transnational Management* (electronic scientific journal), 2016, vol.21, no. 3. URL: <https://www.tandfonline.com> (accessed: 23.08.2021).
19. Schwartz S. H., Rubel-Lifschitz T. Cross-national variation in the size of sex differences in values: Effects of gender equality. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, no. 97 (1), pp. 171–185.
20. Tziner A., Shkoler O., Fein E. C. Examining the Effects of Cultural Value Orientations, Emotional Intelligence, and Motivational Orientations: How do LMX Mediation and Gender-Based Moderation Make a Difference? In: *Frontiers in Psychology* (electronic scientific journal), 2020, no. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7643027/> (accessed: 23.08.2021).
21. Bullough A., Guelich U., Manolova T. S., Schjoedt L. Women's entrepreneurship and culture: gender role expectations and identities, societal culture, and the entrepreneurial environment. In: *Small Business Economics* (electronic scientific journal), 2020, no. 1-12. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7794635/> (accessed: 23.08.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Овсяник Ольга Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: ovsianik@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0274-1702>

Фарбер Анастасия Валерьевна – аспирантка 4 курса кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: acia@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3415-7570>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University; e-mail: ovsianik@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0274-1702>

Anastasia V. Farber – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow State Regional University; e-mail: acia@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3415-7570>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Овсяник О. А., Фарбер А. В. Кросс-культурные гендерные особенности ценностных ориентаций женщин-руководителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116

FOR CITATION

Ovsyanik O. A., Farber A. V. Cross-cultural gender features of value orientations of women-leaders. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-117-130

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ВОЛОНТЁРОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ

Ракитская О. Н., Кузнецова Д. А.

*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации
160002, Вологодская обл., г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2., Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Целью работы является описание исследования представлений о волонтерской деятельности и социально-психологических качествах волонтеров курсантов-психологов на разных этапах обучения.

Процедура и методы. В статье проанализированы современные взгляды на волонтерскую деятельность, приведены результаты собственного исследования, которое включало проведение опроса с помощью авторской анкеты и его количественный и качественный анализ.

Результаты. В результате исследования, проведенного на курсантах психологического факультета, выявлено, что большинство обучающихся позитивно относятся к волонтерской деятельности, готовы в неё включаться. Причём большая активность характерна для обучающихся младших курсов. К наиболее важным социально-психологическим качествам волонтеров относят организованность, энергичность, инициативность, коммуникативность, тактичность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование поднимает проблемы формирования образа волонтера в процессе профессионального становления, мотивации участников образовательного процесса к волонтерской деятельности и участия в ней как фактора профессионализации. При этом сама процедура опроса обучающихся выполняет как исследовательскую, так и информирующую функции.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, социально-психологические качества волонтеров, представления о волонтерской деятельности, профессиональная подготовка психологов

IDEAS OF VOLUNTEER ACTIVITIES AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL QUALITIES OF VOLUNTEERS AT DIFFERENT STAGES OF PROFESSIONAL TRAINING OF PSYCHOLOGISTS

O. Rakitskaya, D. Kuznetsova

*Vologda Institute of Law and Economics
ul. Schetinina 2, Vologda 160002, Vologda region, Russian Federation*

© СС ВУ Ракитская О. Н., Кузнецова Д. А., 2021.

Abstract

Aim. The purpose of the article is to describe the ideas of volunteering and socio-psychological qualities of volunteer cadets-psychologists at different stages of training.

Methodology. The article analyzes modern views on volunteering, presents the results of our own research, which included a survey using the author's questionnaire, its quantitative and qualitative analysis.

Results. As a result of the research carried out on the cadets of the Faculty of Psychology, it was revealed that the majority of students has a positive attitude to volunteer activities and is ready to be involved in it. Moreover, junior students are characterized by greater activity. The most important social and psychological qualities of volunteers include organization, energy, initiative, sociability, tact.

Research implications. The study raises the problem of forming the image of a volunteer in the process of professional development, motivating participants in the educational process to volunteer activity and participation in it as a factor of professionalization. At the same time, the very procedure for interviewing students performs both research and informing functions.

Keywords: volunteer activity, social and psychological qualities of volunteers, ideas about volunteering, professional training of psychologists

Введение

Волонтерская деятельность, или добровольчество и особенности людей, активно включённых в данное направление деятельности, в последнее время вызывают всё больший интерес для исследователей. С одной стороны, это связано с интересами общества и государства, которые активно поддерживают эту деятельность и развиваются вместе с ней. Так, в период пандемии в нашей стране волонтерство получило дополнительную огласку и поддержку государственных структур. С другой стороны, интерес к проблеме связан и с особенностями личности лиц, включённых в волонтерскую деятельность, а также с развитием у них определённых социально-психологических и профессиональных качеств за счёт включения в неё.

Доброволец – мотивированный человек, деятельность которого имеет осознанную эгоистическую и альтруистическую направленность, рационально поставленную цель, определённую

гуманистическими ценностями и идеалами [1, с. 103]. Волонтера можно рассматривать как личность, для которой характерны просоциальное поведение, социально направленные действия, которые определяются по следующим основным критериям: добровольность акта помощи, нацеленность на помощь многим людям (а не одному человеку), нацеленность на помощь любому (даже не знакомому человеку), обозначение принадлежности к некоей социальной группе, наличие хотя бы одного реального акта помощи (соответствующего обозначенным критериям) [4].

В исследовании, проведённом О. А. Боковой, Ю. А. Мельниковой, было выявлено, что наиболее показательными с точки зрения изучения личности волонтера являются такие детерминанты личности, как моральные основания, коммуникативность и направленность общения, устойчивость, скорость адаптации к стрессовым ситуациям, спокойствие, стабильность, открытость новому опыту,

ориентация на преобразование, оптимизм, активность, сила и совладающее поведение как социальный фактор проявления личностного развития [2].

В рамках других исследований было доказано, что у волонтеров преобладают очень высокий уровень развития коммуникативных и организаторских склонностей, высокий уровень развития мотивации помощи, средний уровень эмпатийности и средний уровень мотива «стремление к людям» [8].

В рамках зарубежных исследований ряд авторов подчёркивает важность добровольческой деятельности в формате корпоративной социальной ответственности, когда она отражает и квалификацию кадров, и репутацию предприятий [10; 13]. Перспективной задачей волонтерской деятельности является возможность укрепления государства и общества [12]. Если начать учитывать особенности личности людей, включённых в добровольческую деятельность, правильно их мотивировать, то, возможно, число волонтеров будет расти, что, в свою очередь, повысит социально-экономический эффект для местного сообщества и страны в целом [11].

В исследованиях отечественных специалистов рассматриваются особенности личности волонтеров [2; 6; 9; 10], а также влияние добровольчества на профессионализацию и развитие её участников. Так, в отмеченных нами работах волонтерская деятельность рассматривается как фактор развития социальной активности студенческой молодёжи [7], средство формирования личностного компонента готовности будущего психолога к инновационной деятельности [3], условие личностно-профессионального развития будущих социальных педагогов [5].

Подчёркиваемая в исследованиях общественная значимость развития волонтерской деятельности и её важность для включённых в неё групп молодёжи обусловили интерес к организованному нами исследованию, поскольку изучение особенностей представлений о волонтерской деятельности и социально-психологических качествах волонтеров у будущих психологов на разных этапах обучения целесообразно как для решения организационных задач развития волонтерства в учебных заведениях, так и для обеспечения профессионализации названных специалистов.

Организация исследования

С целью изучения заявленной проблемы была составлена анкета, в которой содержались открытые и закрытые вопросы, позволяющие выяснить: отношение обучающихся к волонтерам и волонтерской деятельности; степень их осведомлённости о направлениях волонтерской деятельности; готовность к участию респондентов в волонтерской деятельности; представления обучающихся о социально-психологических качествах волонтера; с какими трудностями, с точки зрения испытуемых, могут встречаться волонтеры в своей деятельности.

Анкета состояла из 15 вопросов, часть которых предполагала выбор одного из предложенных ответов, а также возможность добавления своего варианта. Кроме того, вопросы, связанные с различными направлениями волонтерской деятельности, с отношением к социальным категориям населения в связи с оказанием им волонтерской помощи, а также с характеристиками личности волонтера, предлагались в

табличной форме, где сразу оценивались несколько параметров.

В нашем случае и саму процедуру анкетирования можно рассматривать в качестве одного из средств привлечения к волонтерству, т. к. она содержала большое количество информации о волонтерской деятельности и таким образом заставила поразмышлять испытуемых о том, как бы они поступили в том или ином случае, т. е. представили бы себя на месте волонтера как реального, так и потенциального.

В данной статье представлены сравнительный анализ и интерпретация ответов на часть вопросов анкеты об отношении к волонтерам и волонтерской деятельности, представлениях обучающихся ведомственного вуза (курсантов) о социально-психологических качествах волонтеров.

В опросе приняли участие обучающиеся психологического факультета ВИПЭ ФСИН России с 1 по 4 курс в количестве 125 человек в возрасте от 18 до 22 лет (1 курс – 44 человека, среди которых 34 девушки и 10 юношей; 2 курс – 22 человека, среди которых 17 девушек и 5 юношей; 3 курс – 44 человека, среди которых 34 девушки и 10 юношей; 4 курс – 15 человек, среди которых 13 девушек и 2 юношей).

Для выявления статистически значимых различий между курсантами разных этапов обучения использовался критерий Фишера, позволяющий сопоставить выборки по частоте встречаемости изучаемых признаков.

Представления о волонтерской деятельности

Наиболее часто выбираемый признак, связанный с волонтерской деятельностью – «добровольность уча-

стия» (от 91 до 81%), на втором месте – её «благотворительный характер» (от 87 до 73%), затем – «направленность на людей, нуждающихся в помощи» (от 82 до 73%). Указанные признаки были выбраны более чем в 70% случаев.

Надо отметить, что среди довольно известных характеристик волонтерской деятельности выделяется признак, отражающий отсутствие принуждения при привлечении к мероприятиям подобного рода. Вероятно, эту информацию следует учитывать при рекламе добровольческой деятельности среди курсантов для того, чтобы обеспечить у потенциальных волонтеров формирование внутренней мотивации деятельности и профилактику реакций сопротивления и негативизма в отношении неё в случае «приказного» варианта привлечения.

Что касается остальных признаков волонтерства, они по-разному представлены в группах респондентов. Так, испытуемые 1 курса, помимо названных, чаще (70%) выбирают признак «общественная польза результатов деятельности», чем респонденты 3 (64%), 2 (55%) и 4 (47%) курсов. Хотя показанные отличия статистически не значимы, разный процент выбранных ответов показывает, что, возможно, с возрастом данный признак теряет значимость для изучаемого феномена.

Больше половины опрошенных 1 и 2 курса считают «отсутствие материальной заинтересованности у волонтера» необходимой характеристикой деятельности, которой они занимаются (57 и 55% соответственно). А вот представители старших, 3 и 4 курсов, в меньшей степени с этим согласны (32 и 27% соответственно). Вероятно, это связано с тем, что они больше заинтересованы в мате-

Таблица 1 / Table 1

Распределение ответов (%) на вопрос «Можете ли Вы назвать себя волонтером?» / Distribution of answers (%) to the question “Can you call yourself a volunteer?”

Ответ	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
ДА	50	23	41	33
НЕТ	40	64	43	67
Др. ответы	10	13	16	–

риальной обеспеченности, поскольку, возможно, в отличие от младших курсантов, они не проживают в казармах, а арендуют жильё. Показанные различия между курсантами начальных этапов обучения и последующих статистически значимы (при сравнении 1 курса с 3 и 4 на уровне значимости $p \leq 0,01$, 2 курса – $p \leq 0,05$).

«Заинтересованность в общении с разными людьми» выбирают в качестве признака волонтера более трети опрошенных 1 (38%), 2 (45%) и 3 (34%) курсов. Данные испытуемые признают коммуникативный характер этой деятельности, требующий соответствующего отношения волонтеров к возможным партнёрам по взаимодействию.

Необходимость «наличия свободного времени и / или других ресурсов» для занятия волонтерской деятельностью признают респонденты 2 и 4 курсов (50% и 47% соответственно) в отличие от курсантов 1 и 3 курсов (16 и 9%), различия статистически значимы ($p \leq 0,01$). К сожалению, в анкете не представилось возможности уточнить, какие именно ресурсы (помимо времени) важны для опрашиваемых.

Следует отметить, что для курсантов младших курсов в большей степени, чем для старших, характерно представление об «отсутствии мате-

риального (денежного) вознаграждения» в волонтерской деятельности (1 курс – 36%, 2 курс – 45%, 3 курс – 20%, 4 курс – 13%). Возможно, это связано с опытом опрошенных, в соответствии с которым они выбирали признаки волонтерства, или с неправильным пониманием волонтерской работы, подменой её каким-то другим видом работы.

Надо сказать, что такой признак волонтерской деятельности, как «регулярный характер выполняемой деятельности», выбирали довольно редко (от 27% у 3 курса до 9% у 2 курса). Можно сделать вывод, что респонденты в большей степени допускают возможность именно разовых «волонтерских» действий, обладающих выше названными характеристиками.

Данный вывод подтверждается результатами опроса на 2 вопрос анкеты, которые отражены в таблице 1.

Как показывают результаты, более «уверенно» называют себя волонтерами учащиеся 1 курса. При этом в пояснении ответов встречаются следующие комментарии: «помогаю пожилым людям», «сдаю кровь», «участвую в бесплатных концертах», – отражающие наличие стремления к благотворительным действиям у респондентов. Однако при этом отсутствует указание

Таблица 2 / Table 2

Распределение ответов (%) на вопрос «Отметьте факторы, которые мешают (мешали) Вам стать волонтером» / Distribution of answers (%) to the question “Mark the factors that prevent (hindered) you from becoming a volunteer”

Ответ	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
отсутствие желания, интереса	14	27	20	27
невозможность выделить время	41	68	73	93
незнание к кому обратиться с предложением своей помощи	34	23	27	33
возможные трудности взаимодействия с некоторыми категориями населения	11	32	32	20

на связь с какой-либо общественной организацией. У 10% опрошенных возникли трудности с однозначным ответом (либо не выбрали ни один из вариантов ответов, либо – оба). У участников, выбравших ответ «Я не являюсь волонтером», пояснения к нему либо отсутствовали, либо указывали на отсутствие соответствующего опыта. Статистически значимые различия в числе респондентов, относящих себя к волонтерам, выявлены между группами 1 и 2 курса ($p \leq 0,05$), что показывает наибольшую активность курсантов именно в момент начала обучения, которая может снижаться вместе с увеличением учебной и служебной нагрузки.

Варианты ответов остальных групп респондентов преимущественно отражают отсутствие связи испытуемых с волонтерской деятельностью. При этом на 3 курсе при выборе ответа «Я признаю себя волонтером» многие курсанты объясняли его наличием соответствующего опыта и участием в мероприятиях организации «Красный крест».

Респонденты, не имеющие опыта волонтерства в своей практике, объясняли эту ситуацию отсутствием

времени, желания, а также опыта. Следовательно, одна из причин нежелания стать волонтером, связана не только с отсутствием мотивации или трудностями самоорганизации, но и с отсутствием попыток привлечения некоторых курсантов к данному виду социальной активности. Иллюстрация данного вывода присутствует в ответах на вопрос анкеты о причинах, мешающих стать волонтером (табл. 2).

Мы видим, что желание отсутствует у небольшой части опрошенных курсантов, гораздо большее количество человек сообщает о временных ограничениях. Причём количество таких ответов растёт от 1 к 4 курсу, как и уровень значимости статистических различий между группами – от $p \leq 0,05$ между испытуемыми 1 и 2 курса до $p \leq 0,01$ у обучающихся 1 курса в сравнении с респондентами 3 и 4 годов обучения. Это может быть связано с необходимостью обучающихся распределять время не только на учебную деятельность, но и на организацию быта и свободного времени (курсанты 1 курса, проживающие в казарме института, не имеют такой возможности и необходимости). Обращает на себя внимание тот факт, что почти

треть опрошенных не знает, к кому обратиться для реализации своего желания в конкретных социально полезных действиях. Кроме того, статистически было выявлено, что намного меньше первокурсников в сравнении с представителями 2 и 3 курса ($p \leq 0,05$), которых пугают возможные трудности взаимодействия с представителями некоторых категорий населения (в частности лиц, осуждённых к лишению свободы) в связи с присущими им социальными страхами и негативными предрасположениями.

При вопросе о наличии желания стать волонтером или продолжать волонтерскую деятельность более половины респондентов 1 и 3 курсов и около трети 2 и 4 курсов дают положительный ответ. Данные испытуемые хотят заниматься волонтерской деятельностью, потому что «это интересно», «приятно помогать людям», «полезное общение с людьми», «нравится приносить пользу» и пр. А довольно большое количество испытуемых, затруднившихся с ответом и не сделавших выбора, на наш взгляд, свидетельствует о том, что есть такие люди, которых вполне можно заинтересовать и привлечь к волонтерству, в том числе и посредством организации подобного опроса.

Исследование привлекательных направлений волонтерской деятельности показало, что примерно половина опрошенных курсантов готова принимать участие в уже знакомых им мероприятиях помощи медикам (донорство), спасателям и социально незащищённым категориям граждан, оказывать помощь в организации культурно-массовых мероприятий (концертов, фестивалей). Довольно много испытуемых готовы осуществлять

экологические «марши» и помощь по уходу за животными, заповедниками, пропагандировать здоровый образ жизни. Около трети респондентов выразили согласие принять участие в благоустройстве дворов и городских улиц, в посадке цветов, клумб, газонов, кустов и деревьев, а также в благотворительных концертах и театральных выступлениях.

Интерес к защите прав и свобод человека и гражданина, прав социально незащищённых групп граждан проявили в большей степени курсанты 2 (50%) и 3 курсов (73%). Раздача просветительской литературы, направленной на улучшение качества жизни человека, заинтересовала половину респондентов 4 курса.

Технические виды волонтерской работы вызвали «малый отклик» (4–18%), вероятно, в связи с недостаточной компетентностью «гуманитариев», принимающих участие в опросе; только у трети представителей 2 курса существует мотивационная готовность к работе в технической поддержке добровольческих мероприятий.

Социально-психологические качества волонтеров в представлении курсантов-психологов

С целью выяснения образа личности волонтера, его социально-психологических качеств, в анкете в одном из заданий был подготовлен ряд вопросов, где первый из них касался выбора респондентами из предложенного перечня личностных характеристик, необходимых для волонтера.

В представлениях респондентов 1 курса, волонтер – это человек, в первую очередь, внимательный к людям,

его жизнерадостность и энергичность проявляются в дружелюбности в ходе общения. При этом волонтер обладает выраженной организованностью, поскольку ему, вероятно, приходится выполнять большое количество дел. Наличие у волонтера благоразумия и находчивости помогает при проявлении инициативы поступать тактично, легко контактировать с людьми. В наборе социально-психологических качеств испытуемые указывают на необходимость дисциплинированности и покладистости волонтера при выполнении деятельности. При этом, согласно мнению данной группы испытуемых, в меньшей степени необходимы волонтеру настойчивость и осторожность, доверчивость и скромность, поскольку они не реализуются при выполнении распоряжений наставников или организаторов волонтерской деятельности.

Этот же перечень характеристик отнесен к следующему заданию: необходимо было отметить, какие качества необязательны для волонтера. Треть опрошенных к таковым отнесла доверчивость (39%) и скромность (34%).

Описание собирательного образа волонтеров, с которыми встречались испытуемые 1 курса, во многом повторяет «идеальный» образ волонтера (данные характеристики встречаются примерно у трети опрошенных). Однако респонденты выбирали указанные характеристики по-разному: это проявилось в заметно меньшем, по сравнению с выбором характеристик идеального образа количеством ответов. На первом месте стоит характеристика «лёгкость в общении» (48%) наряду с «энергичностью» и «друже-

любием» (по 45%), т. е. приятного в общении человека.

Дополнительные вопросы, добавленные нами к предложенному перечню, помогли уточнить представления обучающихся о личности волонтера. Согласно мнению некоторых опрошенных (меньше трети), волонтерам редко присущи осторожность (27%), сдержанность и настойчивость (20%).

Что касается полезности указанных характеристик для осуществления волонтерской деятельности, испытуемые повторили выбор необходимых характеристик, отнеся к «помогающим»: лёгкость в общении (57%), дружелюбность (39%), внимательность к людям, жизнерадостность, энергичность, тактичность (по 36%), инициативность (34%), находчивость (32%), организованность (30%).

Далее представим результаты исследования представлений респондентов 2 курса. Среди необходимых качеств волонтера они выделяют уже знакомые нам по выбору респондентов 1 курса «внимательность к людям», «дружелюбность» и «энергичность» организованного человека. При этом к «лёгкости в общении», «жизнерадостности» и «тактичности» добавляется «сдержанность», вероятно, обеспечивающая в определённой степени конструктивное взаимодействие волонтера с другими людьми.

Помимо этого в идеальном образе волонтера в отличие от респондентов 1 курса второкурсники выделили самостоятельность и инициативность эрудированного человека, способного находить решения и без вмешательства старших лиц.

Что касается необязательных характеристик личности волонтера, к ним

небольшое количество опрошенных отнесло «скромность» и «доверчивость» (по 36%), «послушность», «самоуверенность» и «мягкосердечность» (по 32%).

Оценка личности реальных волонтеров у испытуемых 2 курса отражает оптимистичного и позитивного коммуникатора, энергичность которого превышает внимательность к людям, а организованность и дружелюбие присутствуют несколько чаще, чем находчивость, дисциплинированность и остальные социально-психологические качества. При этом у трети опрошенных выделена скромность как редкое качество (36%). Остальные характеристики либо не выбирались в качестве «редких», либо выбирались несколькими участниками опроса.

Портрет идеального волонтера у респондентов 3 курса во многом похож на предыдущие. В нём представлен деловой образ организованного, внимательного к людям человека, который легко, дружелюбно и тактично общается, в работе инициативен, энергичен и жизнерадостен, поскольку он может самостоятельно находить решения и смело их реализовывать, при этом соблюдает границы, т. к. сдержан и дисциплинирован.

В качестве необязательных респонденты этой группы определили «послушность» (45%), «скромность» (32%), «доверчивость» и «чувствительность» (по 30%).

Согласно опыту представителей 3 курса, волонтеры представляются им как весьма активные люди, приятные в общении в силу своей внимательности к людям, энергичности, дружелюбности и тактичности. При этом треть опрошенных считают их также

организованными и инициативными людьми, которым присуща мягкосердечность.

Отвечая на дополнительный вопрос о редко присущих качествах волонтеров, некоторые испытуемые 3 курса выделили «осторожность» (30%), «скромность» (27%), «послушность» и «эрудированность» (по 25%).

К «помогающим» качествам в деятельности волонтера испытуемые отнесли следующие: «дружелюбность» и «внимательность к людям» (по 52%), «лёгкость в общении» и «энергичность» (по 50%), «эрудированность» (48%), «организованность» (45%), «жизнерадостность» (41%), «инициативность» (39%), смелость и рассудительность (по 36%) и др. В целом респонденты выбрали полный набор качеств как полезных в той или иной степени.

В образе волонтера, к которому нужно стремиться, участники опроса с 4 курса наряду с уже встреченными в представлениях других испытуемых характеристиками хорошего коммуникатора видят смелость и находчивость в принятии решений, что характерно для рассудительного человека.

При этом некоторые характеристики данными респондентами тоже были выбраны как необязательные для деятельности волонтера: «скромность» (53%), «доверчивость» и «амбициозность» (по 40%), «послушность» и «мягкосердечность» (по 33%).

Больше половины опрошенных 4 курса встречали среди волонтеров энергичных и лёгких в общении людей с тактичным поведением. Больше трети считают волонтеров позитивными и дружелюбными людьми, тактичность которых сочетается с организованно-

стью и рассудительностью, а находчивость и дисциплинированность сочетаются с чувствительностью.

Некоторые испытуемые 4 курса редко встречали у волонтеров такие качества, как «внимательность к людям» (40%), «эрудированность», «доверчивость», «скромность» (по 33%).

При этом респонденты данной группы считают более полезными в волонтерской деятельности следующие качества: «жизнерадостность», «дружелюбность» и «инициативность» (по 53%), «энергичность» и «находчивость» (по 40%), «тактичность» и «организованность», «самоуверенность» и «эрудированность» (по 33%). В качестве мешающих некоторые испытуемые назвали «скромность» и «осторожность» (по 27%).

Далее представим сравнительный анализ полученных данных о социально-психологических качествах волонтера.

Для описания образа идеального волонтера мы проанализировали качества, выбранные большей частью участников опроса (не менее 50% выборов). Оказалось, он имеет общие черты в разных группах респондентов. Так, среди характеристик личности волонтера лидируют «внимательность к людям» (от 77 до 93%) и «организованность» (от 70 до 87%).

В общий портрет волонтера вошли такие коммуникативные характеристики, как «лёгкость в общении» (от 59 до 73%), «тактичность» (от 59 до 73%), «дружелюбность» (от 66 до 80%).

Характер активности волонтеров представлен в таких качествах, как «инициативность» (от 55 до 80%), «энергичность» (от 64 до 73%), «жизнерадостность» (от 59 до 73%; за исключением 4 курса – 47%). При этом оце-

ниваются когнитивные возможности волонтера как человека «находчивого» (от 50 до 61%).

Таким образом, по мнению респондентов, волонтерской деятельностью должен заниматься человек достаточно активный и оптимистичный, чтобы ему хватило ресурсов для выполнения добровольческих задач, помимо основной деятельности (учебной или трудовой). В этом ему помогает выраженная способность к организации своих действий и находчивость при решении проблем. При этом этот человек симпатизирует людям и внимателен к ним, что обеспечивает тактичность и лёгкость контактирования с разными партнёрами по общению.

Остальные характеристики несколько по-разному распределились у представителей 4 групп испытуемых. Так, респонденты с 1 курса включают в идеальный портрет волонтера «благоразумность» (52%), «дисциплинированность» (52%) «послушность» (52%). Вероятно, недостаток собственного опыта в волонтерской деятельности приводит к проецированию своих потребностей на образ волонтера, нуждающегося в разумных решениях и руководстве. В частности, у остальных испытуемых групп «послушность» меньше котируется в личности волонтера (от 11 до 33%).

На наличие у волонтера «сдержанности» (от 39 до 64%) в большей степени по сравнению с 1 курсом обращают внимание представители старших курсов. При этом они выбирают такие характеристики, как «смелость» (от 45 до 67%), «эрудированность» (43 до 60%), «самостоятельность» (от 40 до 55%).

Обучающиеся единодушно оставляют «в конце списка» необходимых ка-

честв волонтера «скромность» (от 18 до 27%) и «доверчивость» (от 20 до 27%), вероятно, считая, что они не облегчат выполнения задач волонтерской деятельности. Остальные редко выбираемые характеристики различаются. Так, представители 1 и 2 курсов редко выбирают «настойчивость» (30% и 23%), 1 и 3 курса – «осторожность» (23% и 30%), 2 и 3 курсов – «послушность» (14% и 11%), 3 и 4 курсов – «чувствительность» (27% и 20%).

Надо сказать, что выбор качеств, которые «должны быть у волонтера», проходил активнее по сравнению с определением характеристик, которые «часто присущи волонтерам» согласно наблюдениям наших испытуемых. Однако ряд характеристик был выбран в более 50% случаев, что позволяет описать представления испытуемых о знакомых им лицах, реально занимающихся волонтерством.

Интересно, что большая часть качеств, ранее выделенных как необходимые волонтеру, оказалась присуща реальным лицам, которых оценивали наши респонденты, опираясь на свой опыт взаимодействия с ними. В реальный портрет волонтера в той или иной степени выраженности вошли следующие качества: «лёгкость в общении» (от 48 до 67%), «энергичность» (от 45 до 67%), «дружелюбность» (от 32 до 50%), «внимательное отношение к людям» (от 27 до 52%), «организованность» (от 32 до 40%), «тактичность» (от 18 до 53%).

Наиболее редко выбираемые характеристики «реальных» волонтеров различаются у представителей разных курсов, за исключением «скромности», которая присутствует в конце списка характеристик волонтеров (от 5 до

34%). Возможно, это связано с тем, что коммуникативная активность волонтеров нивелирует все внешние признаки данной характеристики.

Мы также выяснили, какие мотивы испытуемые отмечают необходимыми для полноценного образа волонтера в представлениях обучающихся.

Большая часть респондентов считает (от 68 до 95%), что в волонтерской деятельности есть возможность почувствовать себя социально полезным человеком, ощутить собственную значимость, которая привлекает людей. Действительно, рассказывая о своём желании заниматься волонтерством, некоторые участники опроса объясняли его «стремлением помогать», потому что «нравится», «приятно быть полезным».

Общение с огромным количеством людей в ходе волонтерской деятельности не только развивает соответствующие навыки, но и способствует расширению системы полезных и интересных контактов (от 55 до 68%). Помимо этого, участие в волонтерских мероприятиях может быть само по себе интересным, т. к. они довольно часто связаны с культурными событиями (от 47 до 68%).

Заключение

По результатам опроса можно сделать ряд выводов. В целом отношение обучающихся к волонтерам и волонтерской деятельности расценивается как позитивное, они осознают её социально полезный и благотворительный характер, при выделении существенных признаков отмечают добровольность участия и на помощь людям, нуждающимся в помощи.

Обучающиеся осведомлены о многих направлениях волонтерской деятель-

ности, выражают готовность к участию в некоторых из них, предлагают развивать ряд направлений этой деятельности. При этом обучающиеся младших курсов более активны в данных вопросах, что подчёркивает значимость мотивационной и организационной работы с ними в данном направлении.

Готовность к участию респондентов в волонтерской деятельности ограничивается во многом трудностями самоорганизации, связанными с дефицитом времени для выполнения дополнительных задач. Более того, выявившийся «акцент» на послушности и исполнительности как качествах, необходимых волонтеру, отражает социальные представления людей, привыкших и нуждающихся во внешней организации и управлении, в том числе и в волонтерской деятельности.

В целом в представлениях обучающихся сложился довольно привлекательный образ волонтера как человека, обладающего организационными способностями наряду с энергичностью и инициативностью, жизнерадостностью

и дружелюбностью, выражающимися во внимательном отношении к людям, тактичном поведении, обусловленном рассудительностью и благоразумием.

На наш взгляд, потенциал волонтерской деятельности для формирования зрелой личности достаточно велик. Особенно важной на этапе обучения она становится для представителей связанных с ней профессий, в том числе психологов. Участие в волонтерском движении позволяет приобрести опыт профессионального общения, способствует развитию социально-психологических качеств, необходимых для эффективного выполнения будущей профессиональной деятельности. В свою очередь, прикладное исследование отношения обучающихся вузов к волонтерству, подобно представленному в этой статье, выступает средством не только диагностическим, но и способствующим привлечению респондентов к участию в данном виде деятельности.

*Статья поступила
в редакцию 10.09.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова Т. И. К проблеме исследования истинного добровольчества (волонтерства) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 5. С. 96–106.
2. Бокова О. А., Мельникова Ю. А. Возможности семантической репрезентации личностных качеств волонтеров: опыт эмпирического исследования // Вестник ЮУрГПУ. 2018. № 3. С. 171–181.
3. Вязова Н. В. Профессиональное волонтерство как средство формирования личностного компонента готовности будущего психолога к инновационной деятельности // Вестник ТГУ. 2008. № 1. С. 24–34.
4. Гришунина Е. В., Пятакова Е. Н. Особенности личности волонтеров // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 71–78.
5. Кибальник А. В. Волонтерская деятельность и её роль в личностно-профессиональном развитии будущих социальных педагогов // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Образование. Педагогические науки». 2016. Т. 8. № 1. С. 74–79.
6. Коган Е. А. Отношение студенческой молодёжи к волонтерской деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 144–149.

7. Кудрявцева Е. Ю., Кергилова Н. В. Волонтерское движение как фактор развития активности студенческой молодёжи // ЦИТИСЭ (электронный научный журнал). 2017. № 2 (11). URL: a123.su/load/citiseh_2_11_2017g (дата обращения: 14.09.2021).
8. Логвинов И. Н., Логвинова М. И., Логвинова Т. И. Молодёжное волонтерство: психология добровольца // Концепт (электронный научный журнал). 2015. Т. 13. URL: <https://e-koncept.ru/2015/85702.htm>. (дата обращения: 23.09.2021).
9. Титова Д. В. Проблемы исследования волонтерской деятельности в психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 90–98.
10. Четошников Е. В. Социально-психологические характеристики личности волонтера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 369–371.
11. Larsson O. S., Andersen R. Making volunteering economically valuable: The relationship between valuation devices and volunteering // Voluntary Sector Review. 2017. № 8. P. 235–250.
12. Kadyrov K. The history of public volunteer bodyguards (PVB) or volunteer policemen in Uzbekistan // Theoretical & applied science. 2018. № 2 (58). P. 43–45.
13. Cook J., Burchell J. Bridging the Gaps in Employee Volunteering: Why the Third Sector Doesn't Always Win // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. № 47. P. 165–184.

REFERENCES

1. Bessonova T. I. [To the problem of researching true volunteering (volunteering)]. In: *Uchyonye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University], 2016, no. 5, pp. 96–106.
2. Bokova O. A., Mel'nikova Yu. A. [Possibilities of semantic representation of the personal qualities of volunteers: the experience of empirical research]. In: *Vestnik YUUrGGPU* [Bulletin of the South Ural State Pedagogical University], 2018, no. 3, pp. 171–181.
3. Vyazova N. V. [Professional volunteering as a means of forming the personal component of the future psychologist's readiness for innovative activity]. In: *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal of Biology], 2008, no. 1, pp. 24–34.
4. Grishunina E. V., Pyatakova E. N. [Features of the personality of volunteers]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2014, no. 5, pp. 71–78.
5. Kibal'nik A. V. [Volunteer activity and its role in the personal and professional development of future social educators]. In: *Vestnik YUUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki»* [Bulletin of the South Ural State University. Education and Pedagogy Series], 2016, vol. 8, no. 1, pp. 74–79.
6. Kogan E. A. [The attitude of student youth to volunteering]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Social sciences.], 2014, no. 4 (36), pp. 144–149.
7. Kudryavceva E. Yu., Kergilova N. V. [Volunteer movement as a factor in the development of student youth activity]. In: *CITISE (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Journal of Center for Innovative Technologies and Social Expertise (electronic scientific journal)], 2017, no. 2 (11). URL: a123.su/load/citiseh_2_11_2017g (accessed: 14.09.21).
8. Logvinov I. N., Logvinova M. I., Logvinova T. I. [Youth volunteering: psychology of a volunteer]. In: *Koncept (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Concept (electronic scientific journal)], 2015, vol. 13. URL: <https://e-koncept.ru/2015/85702.htm>. (accessed: 23.09.2021).
9. Titova D. V. [Problems of research of volunteer activity in psychology]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2019, vol. 8, no. 2A, pp. 90–98.

10. Chetoshnikova E. V. [Social and psychological characteristics of the personality of a volunteer]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2018, no. 5 (72), pp. 369–371.
11. Larsson O. S., Andersen R. Making volunteering economically valuable: The relationship between valuation devices and volunteering. In: *Voluntary Sector Review*, 2017, no. 8, pp. 235–250.
12. Kadyrov K. The history of public volunteer bodyguards (PVB) or volunteer policemen in Uzbekistan. In: *Theoretical & applied science*, 2018, no. 2 (58), pp. 43–45.
13. Cook J., Burchell J. Bridging the Gaps in Employee Volunteering: Why the Third Sector Doesn't Always Win. In: *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2018, no. 47, pp. 165–184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ракитская Оксана Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии и права, ВИПЭ ФСИН России;
e-mail: 79212341528@yandex.ru

Кузнецова Дарья Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии и права, ВИПЭ ФСИН России;
e-mail: d_dobrova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9591-0522>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana N. Rakitskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: 79212341528@yandex.ru

Darya A. Kuznetsova – Cand. Sci (Psychology), Assoc. Prof., Department of General Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: d_dobrova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9591-0522>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ракитская О. Н., Кузнецова Д. А. Представления о волонтерской деятельности и социально-психологических качествах волонтеров на разных этапах профессионального обучения психологов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 117–130.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-117-130

FOR CITATION

Rakitskaya O. N., Kuznetsova D. A. Ideas of volunteer activities and social and psychological qualities of volunteers at different stages of professional training of psychologists. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 117–130.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-117-130

УДК 159.942

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-131-144

ТИМБИЛДИНГ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ «КОМАНДНОГО ДУХА»

Селезнева Ю. А.¹, Осипов И. В.²

¹ Тульский государственный университет имени Л. Н. Толстого
300026, Тульская обл., г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, корп. 4,
Российская Федерация

² ООО Центр «Витязь»
300013, Тульская обл., г. Тула, ул. Тульская, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель – описать результаты проведённого исследования подготовки и реализации командообразующих мероприятий, направленных на формирование «командного духа».

Процедуры и методы исследования. Авторами проведён эксперимент по формированию «командного духа» путём организации и проведения различных вариантов тимбилдинга. При проведении исследования использованы методы включённого наблюдения, опроса, анкетирования (самооценки эмоционального состояния участников), обобщения, интерпретации и математического анализа результатов.

Результаты. В ходе работы были выявлены условия для «переживания эмоций» и составляющие процесса формирования «командного духа» путём проведения командообразующих мероприятий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в разработку теоретических основ создания и проведения эффективных командообразующих мероприятий.

Ключевые слова: эмоции, тимбилдинг, командный дух, условия переживания, игровая механика

TEAMBUILDING AS A UNIQUE TOOL FOR FORMING «TEAM SPIRIT»

Yu. Selezneva¹, V. Osipov²

¹ Tula State University named after L.N. Tolstoy
Lenin avenue 125, building 4, Tula, 300026, Tula region, Russian Federation

² LLC Center «Vityaz»
ul. Tulsкая 6, Tula 300013, Tula region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the results of studying the preparation and conduct of team-building activities aimed at the formation of «team spirit».

Methodology. The authors carried out an experiment on the formation of «team spirit» by organizing and conducting various teambuildings. The research used the methods of inclusive

observation, polling, questioning (self-assessment of the emotional state of the participants), generalization, interpretation and mathematical analysis of the results.

Results. In the course of the work, the conditions for «experiencing emotions» and the components of the process of forming the «team spirit» by conducting team-building activities were identified.

Research implications. The research results contribute to the development of the theoretical foundations for the creation and implementation of effective team-building activities.

Keywords: emotions, team building, team spirit, conditions of experience, game mechanics

Введение

Тимбилдинг (от англ. *teambuilding* – «построение команды») – специально организованная деятельность, направленная на упрочение дружеских, неформальных связей, а также связей взаимопомощи и взаимодействия в рабочем коллективе [2; 6; 9; 15].

Существует множество видов тимбилдинга в зависимости от целей, которые предполагается достигнуть путём проведения командообразующего мероприятия [1; 10; 11; 13; 14]. Так, Е. К. Куандыков, В. К. Махатова и Р. К. Куандыкова рассматривали развитие навыков командной работы как основу эффективной научной деятельности [10]. Я. А. Крайденков и Л. В. Свиридова сделали акцент на особенностях формирования команды в условиях цифровизации [7]. М. Т. Сулеева изучала тимбилдинг как форму работы с педагогическими коллективами [20]. Управленческие команды стали предметом исследования А. А. Хахалиной и С. А. Шапиро [21; 24]. Вопросы использования тимбилдинга как технологии работы с персоналом интересовали Т. П. Хохлову, Ф. Д. Дэвидсона, Б. Холсторма, С. В. Вик, Л. С. Леон и др. [20; 22; 23; 24; 25]. Технологии формирования команды отражены в работах Ю. М. Жукова, А. В. Журавлева, Е. Н. Павловой, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой,

В. В. Исаева, А. М. Нургалиевой и др. [3; 5; 12], а также в учебных пособиях^{1,2}. Специфику и эффективность управления командой описывают Е. В. Красавина, Ю. В. Забайкин, С. В. Петров, А. В. Столяренко и др. [8; 16; 18; 19]. Методы и методики формирования команды предложены в работах Е. Н. Равикович и Г. Г. Сартран [17].

Наше исследование посвящено анализу подготовки и проведения мероприятий, целью которых является формирование «командного духа».

Цель исследования: выявить условия для «переживания эмоций» и составляющие процесса формирования «командного духа» путём проведения командообразующих мероприятий.

Период проведения исследования: 2007–2021 гг.

База проведения исследования: компания «Витязь Групп» (ООО «Центр Витязь»), опыт проведения тимбилдинга для российских и международных компаний в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Сочи, Екатеринбурге, Калининграде,

¹ Жуков Ю. М., Журавлев А. В., Павлова Е. Н. Технологии командообразования: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2008. 320 с.

² Шапиро С. А. Управление человеческими ресурсами: учебное пособие по кадровому планированию организации. М.: Гросс-Медиа, 2007. 304 с.

Петрозаводске, Майкопе, Туле, Риме, Париже, Анталии, Тбилиси, Канкуне, Мале и др.

Методы исследования: включённое наблюдение, социальное проектирование, тестирование, опросы.

Гипотеза исследования: мы полагаем, что стержнем игровой механики тимбилдинга по формированию «командного духа» являются эмоции, а создание специальных условий для переживания коллективной эмоции позволяет настраивать определённую атмосферу в коллективе (команде).

Анализ теоретических источников и опыта работы

Четырнадцатилетний опыт работы с корпоративными клиентами в области проектирования и проведения тимбилдинга показал, что заказчик не всегда может корректно сформулировать цель, которой он хочет достичь посредством реализации командообразующей программы. В свою очередь, это расхождение в понимании цели не даёт нам возможности прийти к нужному качественному и понятному всем сторонам процессу результату. Например, «одиночный» тимбилдинг как точечное воздействие одного мероприятия не может сформировать «командный дух». Формирование и поддержание определённой атмосферы в коллективе (команде) требует разработки и реализации целостной многофакторной программы, где тимбилдинг будет являться ключевым, но далеко не единственным фактором [10, с. 4]. При разработке программы формирования «командного духа» для определённой компании, необходимо учитывать половозрастные особенности её сотрудников, историю и тра-

диции компании, возможные инструменты поддержания атмосферы между командообразующими мероприятиями. Кроме того, высока вероятность того, что компании придётся изменить систему взаимодействия (мотивации, поощрения и наказания и т. п.) и условия труда сотрудников для повышения эффективности работы за счёт улучшения «командного духа».

Анализ направленных нам запросов на проведение тимбилдинга показал, что в 76% случаев заказчики ставят цель «перезагрузить эмоциональное состояние сотрудников». Стрессы, перегрузки, огромные потоки информации погружают сотрудников предприятий и компаний в среду «цифровой турбулентности» и «эмоционального детокса», что резко сокращает период высокой работоспособности и стремительно приближает эмоциональное выгорание.

Эмоции – это объективное состояние человека, связанное с оценкой воздействующих на него внешних или внутренних раздражителей, выражающихся в форме непосредственных переживаний. Поэтому в основу построения механики тимбилдинга формирования «командного духа» мы положили тезис Изарда Кэрролла: «Наиболее общим и фундаментальным принципом человеческого поведения является то, что эмоции заряжают энергией и организуют мышление и деятельность» [4, с. 20]: т. е., чтобы получить конкретный результат, мы должны вызвать у людей определённые эмоции.

Алгоритм и условия формирования «командного духа»

Сформулированный и апробированный нами алгоритм формирования

Таблица 1 / Table 1

Условия для «переживания» эмоции (игровые механики вызова) / Conditions for «experiencing» emotions (game mechanics of a challenge)

Эмоции	Условия для проживания эмоции
<p>Радость</p>	<p>Вариант 1. «Дать почувствовать себя чемпионами». Чемпионский титул – это возможность ощутить себя лучшими и почувствовать радость победы. Он позволяет любую игровую активность вывести на необходимый результат. Причём это может быть как победа одной из команд, так и общая победа всех команд. В первом случае одна команда становится чемпионом, а остальные – близки к победе. При этом последние осознают, что победа возможна, просто нужно немного больше усилий. <i>Средства достижения: спортивные или фановые командные соревнования, с очень ярким эмоциональным финалом для всех команд.</i> Эффект – ощущение «Мы лучшие!».</p> <p>Вариант 2. «Вызвать улыбки». Тут важно помнить, что лексический юмор – штука тонкая. Всегда есть вариант – попасть или не попасть. В данном случае гарантированно работает правильно подобранный реквизит, позволяющий лучше прогнозировать события. <i>Средства достижения: юмористические локальные программы с ярким смешным реквизитом, шуточной подачей и забавным музыкальным сопровождением.</i> Эффект – «Хорошо работаем – хорошо отдыхаем».</p> <p>Вариант 3. «Реконструировать эмоциональные воспоминания из детства». Эти эмоции невозможно подделать, но можно пережить снова. И эту возможность надо участникам дать. <i>Средства достижения: использование в программах реквизита или игровых действий, знакомых из детства.</i> Эффект – «Компания делает меня счастливым»</p>
<p>Гордость</p>	<p>Вариант 1. «Создать условия преодоления». Ключевой момент – возможность стать чуть лучше себя прежнего, преодолеть себя, сделать осознанный шаг к новому рубежу. При этом важно, чтобы это произошло в составе команды. Синергетический эффект усиливает эмоцию. Как только наступает момент преодоления, происходит очень серьёзное переосмысление своих возможностей, что даёт мощнейший эмоциональный импульс и формирует совершенно иное эмоциональное состояние, которое имеет долгосрочное воздействие. <i>Средства достижения: экстремальные программы или отдельные испытания, которые ставят участников в такие условия, когда необходимо выйти из зоны комфорта и преодолеть себя. Примеры – спуск по отвесной стене в альпснаряжении, самостоятельное выполнение каскадёрских трюков.</i> Эффект – «Мы это сделали. Мы это можем».</p> <p>Вариант 2. «Дать возможность побыть лидером». Для выявления лидеров и формирования лидерских навыков нужно поместить участников в ситуацию, когда они могут попробовать себя в этом качестве, что впоследствии может быть хорошим подспорьем в любой деятельности и сильно повысит инициативность. <i>Средства достижения: реквизитные испытания, которые предполагают слаженную работу всей команды под руководством одного человека; использование механик переизбрания капитанов команд в процессе игры.</i> Эффект – «Я могу вести за собой»</p>

Эмоции	Условия для проживания эмоции
Восторг	<p>Вариант 1. «Организовать совместные приключения или коллективные открытия». С одной стороны, это самая несложная в плане реализации, но самая дорогая механика. Эту эмоцию в обычных бытовых условиях получить сложно, но, с другой стороны, она не требует сверхсерьёзных технологий.</p> <p><i>Средства достижения: командные многодневные путешествия в красивые и интересные места, расположенные в удалённых районах. Например, поход в горы, квестовая игра в другой стране.</i></p> <p>Эффект – «Наша компания даёт нам такие возможности!».</p> <p>Вариант 2. «Выявить и исполнить реальные желания участников». Наиболее сложная в диагностировании и определении, но чаще всего прочая в реализации механика. Хорошо подходит для небольших команд и имеет точечное воздействие. Имеет очень сильное личностное воздействие.</p> <p><i>Средства достижения: предварительный анализ поведения участников в соцсетях и реализация их желания. Пример: совместные посиделки, приуроченные к 23 февраля и 8 марта, проводимые около костра всем коллективом без мобильных телефонов.</i></p> <p>Эффект – «Я здесь осуществил мечту»</p>
Удивление	<p>Вариант 1. «Создать «wow-эффект». Задача – удивить, поразить. Но делать это необходимо неожиданно для участников. Тут самое главное – любое удивление должно быть в тему и иметь смысловую нагрузку, строго ориентированную на общую концепцию.</p> <p><i>Средства достижения: создание уникального эмоционального финала в конце игры. Организация последовательных внезапных локальных «wow-эффектов» на протяжении всего мероприятия.</i></p> <p>Эффект – «Мне интересно в этой компании!».</p> <p>Вариант 2. «Создать “эффект веры” в то, что происходит». Для реализации хорошо подходит использование целесообразного, качественного реквизита. Можно создавать задания, затрагивающие все области науки. Главное – чтобы у участников создалось то магическое ощущение, про которое говорил К. С. Станиславский: «Верю!». Если команда принимает происходящее на веру, то ей проще воспринять то, что должно быть интегрировано в подсознание механикой игры.</p> <p><i>Средства достижения: использование качественного реквизита, основанного на принципах механики, физики или других наук. Создание таких заданий при помощи реквизита, где необходимо действовать неординарно (как участники не ведут себя в повседневной жизни).</i></p> <p>Эффект – «Всё реально и всё возможно».</p>
Интерес-возбуждение	<p>Вариант 1. «Научить тому, чего раньше не умели». Мы часто думаем, что все всё умеют, а не самом деле это не так. Даже три шага на ходулях надо уметь пройти, нужно обязательно пробовать. И дать попытку реализовать это действие, т.к. помогает человеку в эмоциональном плане двигаться к новым рубежам</p> <p><i>Средства достижения: массовое использование качественного реквизита с прикладной функцией обучения.</i></p> <p>Эффект – «Теперь мы можем больше. Мы хотим дальше пробовать новое»</p>
Страх	<p>Вариант 1. «Создать условия, при которых человек может испытать страх». Немного пощекотать нервы, проверить и развивать стрессоустойчивость. Главное – делать это правдиво и без запугиваний, очень важно не перестараться. Необходимо спровоцировать точечный выплеск адреналина и дать членам команды испытание на храбрость, где будет необходимо перебороть в себе страх.</p> <p><i>Средства достижения: использование нестандартного реквизита, аудиовизуальных эффектов и особенностей локаций.</i></p> <p>Эффект – «Меня не пугают трудности. Я со всем справлюсь»</p>

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Средства воздействия для повышения эффективности тимбилдинга / Means of influence to increase the effectiveness of teambuilding

Эмоции	Каналы восприятия			
	Визуальный	Аудиальный	Кинестети-ческий	Дигитальный (логика)
Радость	масштабность соревнований (большой стадион, красочные церемонии открытия и закрытия, пьедестал почёта), яркая картинка «из детства» (декорации из к/ф), смешные сценки (костюмы любимых мультяшных героев, ростовые куклы)	бравурная тематическая музыка (например, спортивные марши из к/ф), детские и юмористические мелодии из мультфильмов	масштабный оригинальный спортивный реквизит, реквизит «родом из детства» (например, яркий деревянный конструктор гигантского размера)	проекция ситуации на виртуальный эмоциональный опыт, ассоциации с ранее испытанным или визуализированным состоянием радости
Гордость	демонстрация реального расширения границ возможного, нестандартные испытания в специально сконструированных или реальных условиях, визуальный эффект слаженной командной работы	реальные звуки природы и мотивирующий личностно-ориентированный текст. Торжественная музыка в мажорной тональности для закрепления эффекта победы (в том числе, победы над собой)	специальный тематический аутентичный реквизит, интригованный в особенности локации	эффект успешного преодоления трудностей/лидерования в сложных ситуациях. Возможность проецирования умения преодолевать трудности и быть лидером
Восторг	необычные красивые природные или архитектурные ландшафты, новые места. Для пролонгации эффекта можно использовать фотографии и видео пережитого приключения	точное сопровождение приключения музыкой, создающей настроение «драйва»	памятные вещи, свидетельства об участии в событии, командная символика	создание условий для снятия эмоциональных зажимов и внутреннего разрешения испытывать яркие позитивные эмоции

Продолжение таблицы 2.

Эмоции	Каналы восприятия				Дигитальный (логика)
	Визуальный	Аудиальный	Кинестети-ческий	Дигитальный (логика)	
Удивление	необходимость осуществлять внезапные действия; картинка сложной работы сложных механизмов, в том числе построенных своими руками	фанфары, гонг, аутентичная музыка, поддерживающая тематику мероприятия	тактильно приятный реквизит и настоящие работающие механизмы	нетривиальные логические задачи при прохождении испытаний	
Интерес-возбуждение	фиксация картинки состояния «до» и «после» обучающей игры (например, большое количество страных деталей/собранный, работающий робот). Визуализация деятельности (например, процесса сборки). Эффектные декорации, поддерживающие атмосферу локации	музыкальное сопровождение, поддерживающее тематику мероприятия. Чёткий ритм, волновое увеличение/снижение темпа. В том числе, использование эмоциональных характеристик вальсов в современных аранжировках	интерактивы с неожиданной ответной реакцией, нестандартный реквизит, сборные работающие механизмы	нестандартные для участников задачи при прохождении испытаний	
Страх	проведение мероприятия во время сумерек или при полной темноте, резкая перемена света, внезапное появление «пугающих» объектов. Аутентичные декорации	зловещая или нагнетающая напряженная фоновая музыка, резкие, пугающие звуки (например, звук взрыва или любой внезапный звук в звенящей тишине)	неожиданные появления и исчезновения персонажей, реквизит в стиле «ужасы», интерактив-ные испытания, несоответствующие традиционному визуальному или внутреннему восприятию	погружение в «тревожную реальность», испытания на преодоление страха. Обсуждение прохождения испытаний, позволяющее осознать использованные способы преодоления страха	

Источник: данные авторов.

Таблица 3 / Table 3

Диагностика эффективности проведённых командообразующих программ / Diagnostics of the effectiveness of the conducted team-building programs

Механика (условие для «переживания» эмоции)	Кол-во мероприятий	Самооценка эмоций участников по шкале от 0-10 (средний балл)	Улучшение атмосферы в коллективе по оценке заказчика (прирост в процентах)	Примеры проектов (тимбилдинг тех участников в одном проекте)
Эмоция: радость. Задача: эмоциональная перезагрузка				
Дать почувствовать себя чемпионами	154	9,6	38	«Новые рекорды», 8654 человек
Вызвать улыбки	43	8,7	35	«Кукольный беспредел», 130 человек
Реконструировать эмоциональные воспоминания из детства	67	9,2	57	«Есть контакт», 800 человек
Эмоция: гордость. Задача: создание мотивации на преодоление трудностей				
Создать условия преодоления	23	9,6	74	«Путь силы», 80 человек
Дать возможность побить лидером	79	8,2	45	«Царь горы», 190 человек
Эмоция: восторг. Задача: эмоциональная перезагрузка				
Организовать совместные приключения или коллективные открытия	31	9,7	86	«Вместе за приключениями», 487 человек
Вызвать и исполнить реальные желания участников	14	8,4	46	«Обратная сторона игры», 45 человек
Эмоция: удивление				
Задача: эмоциональная перезагрузка				
Создать «wow-эффект»	107	9,5	54	«Стимпанк», 350 человек
Создать эффекта веры в то, что происходит	49	8,7	47	«Механизм успеха», 112 человек
Эмоция: интерес-возбуждение. Задача: эмоциональная перезагрузка				
Научить тому, чего раньше не умели	113	8,9	41	«Level up», 180 человек
Эмоция: страх. Задача: создание мотивации на преодоление трудностей				
Создать условия управляемой тревоги	33	9,8	74	«Сталкер», 1420 человек

Источник: данные авторов.

«командного духа» выглядит следующим образом:

1. Осуществление каждым участником тимбилдинга действий, являющихся элементами игровой механики, и испытание в процессе этого действия сильной эмоции.

2. Объединение «индивидуальных» эмоций в «коллективную» эмоцию посредством «заражения» и подражания в процессе поддержки коллег при совершении тех или иных игровых действий.

3. Формирование «командного духа» посредством переживания и рефлексии пережитой «коллективной» эмоции.

Проанализировав имеющийся опыт проектирования и проведения командообразующих мероприятий, мы разработали условия для «переживания» эмоций (игровые механики вызова) шести базовых эмоций, необходимых для формирования и поддержания «боевого командного духа» (табл. 1).

В большинстве случаев при проведении тимбилдинга необходимо последовательно вызывать эмоции, чтобы прийти к необходимому состоянию «командного духа».

Для повышения эффективности процесса и результата вызова и проживания эмоций в процессе проведения тимбилдинга мы используем широкий спектр средств, воздействующих на различные каналы восприятия его участников (табл. 2).

Анализ эффективности

За три последних года нами была собрана статистика практического использования выявленных нами комплексов условий для «переживания» эмоций (игровых механик вызова) в командообразующих играх.

В общую выборку вошло 356 мероприятий, в которых приняли участие порядка 75 тыс. человек, при этом на некоторых мероприятиях мы применяли сразу несколько вариантов создания условий для проживания участниками тех или иных эмоций. После каждого события нами проводилась диагностика эмоционального состояния участников – методика «Самооценка эмоционального состояния» – и собиралась обратная связь от заказчика тимбилдинга, а именно – мнения участников, собранные путём открытого выборочного опроса участников игр, составленного «Опроса улучшения атмосферы в коллективе» (табл. 3).

Среднее значение самооценки переживания эмоций участниками в специально организованных условиях составило 9,1 балла. Среднее значение улучшения атмосферы в коллективе по оценке заказчика (прирост в процентах) составило 54,3%. С помощью t-критерия Стьюдента для несвязанных выборок мы сравнили средние значения по методикам «Самооценка эмоционального состояния» и «Опрос улучшения атмосферы в коллективе» (табл. 4).

Результат: $t_{эмп} = 8.8$. Сравним его с критическими значениями: $p \leq 0,05$ равен 2,09, а $p \leq 0,01$ равен 2,86. Расположив полученные данные на оси значимости, мы видим, что полученное эмпирическое значение t (8.8) находится в зоне значимости (рис. 1).

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что в 365 проведённых мероприятиях по формированию «командного духа», стержнем игровой механики которых

Таблица 4 / Table 4

Статистическая проверка связанности показателей самооценки эмоционального состояния участников и улучшения атмосферы в коллективе по оценке заказчика тимбилдинга / Statistical test of the correlation between self-assessment indicators of the emotional state of the participants and the improvement of the atmosphere in the team according to the assessment of the team building customer

№	Выборки		Отклонения от среднего		Квадраты отклонений	
	В.1	В.2	В.1	В.2	В.1	В.2
1	9,6	38	0,48	-14,3	0,2304	204,49
2	8,7	35	-0,42	-17,3	0,1764	299,29
3	9,2	57	0,08	4,7	0,0064	22,09
4	9,6	74	0,48	21,7	0,2304	470,89
5	8,2	45	-0,92	-7,3	0,8464	53,29
6	9,7	86	0,58	33,7	0,3364	1135,69
7	8,4	46	-0,72	-6,3	0,5184	39,69
8	9,5	54	0,38	1,7	0,1444	2,89
9	8,7	47	-0,42	-5,3	0,1764	28,09
10	8,9	41	-0,22	-11,3	0,0484	127,69
11	9,8		0,68		0,4624	
Суммы:	100,3	523	-0,02	0	3,1764	2384,1
Среднее:	9,12	52,3				

Источник: составлено авторами по формулам, приведённым О. Ю. Ермолаевым¹.

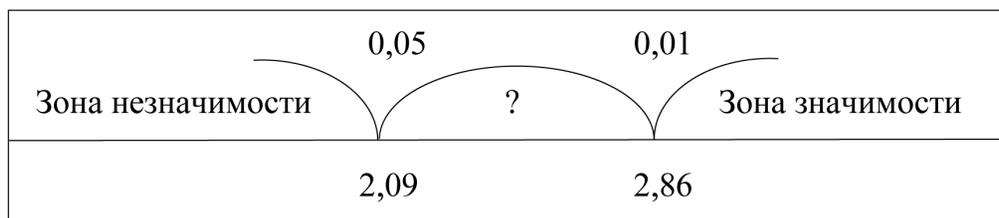

Рис. 1 / Fig. 1. Ось значимости значений статистической проверки связанности показателей самооценки эмоционального состояния участников и улучшения атмосферы в коллективе по оценке заказчика тимбилдинга / The axis of significance of the values of the statistical check of the connectivity of the self-assessment indicators of the emotional state of the participants and the improvement of the atmosphere in the team according to the assessment of the teambuilding customer

были эмоции, приняли участие порядка 75 тыс. человек. Наиболее яркими для участников стали¹ переживание эмоций страха (механика – «создание эмоций переживаемой тревоги») – 9,8 балла – и восторга (механика – «ор-

ганизовать совместные приключения или коллективные открытия») – 9,7 балла. После реализации программ, в которых были созданы специальные условия для переживания и преодоления страха и испытания восторга атмосфера в коллективах, по оценке заказчиков тимбилдинга, улучшалась в среднем на 74% и 86% соответственно.

¹ Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. М.: Флинта, 2006. 336 с.

Среднее значение самооценки переживания эмоций участниками в специально организованных условиях по всем реализованным программам составило 9,1 балла, среднее значение улучшения атмосферы в коллективе – 54,3%. Статистическая проверка связанности показателей самооценки эмоционального состояния участников и улучшения атмосферы в коллективе показала наличие значимой связи. Таким образом, мы можем говорить о подтверждении гипотезы исследования о необходимости создания специальных условий для переживания коллективных эмоций при формировании «командного духа».

Заключение

Понимание и использование при организации и проведении тимбилдинга алгоритма формирования «командного духа», создание условий для «переживания» эмоции (игровых механик) помогают целенаправленному формированию такого духа в трудовых коллективах. Дальнейшее исследование вопроса будет необходимо направить на создание и апробацию новых методик диагностики эффективности проведения командообразующих мероприятий.

*Статья поступила
в редакцию 11.11.2021*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобейко И. О., Черноморец А. С., Лободзинская Т. П. Тимбилдинг как ключ к построению успешной команды // Науковий вісник Ужгородського національного університету: Серія: Міжнародні економічні відносини та світове господарство. Ужгород, 2017. Вип. 13. Ч. 1. С. 23–26.
2. Бронштейн М. Управление командами: теория и практика построения эффективной команды / пер. с англ. В. П. Нагорняка. М.: Вильямс, 2004. 234 с.
3. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Эффективная команда: шаги к созданию. Руководство для тех, кто хочет создать свою команду. СПб.: Речь, 2003. 128 с.
4. Изард К. Психология эмоций / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
5. Исаев В. В. Организация работы команды проекта. Психология, стратегия, тактика. СПб.: Издательский дом «Бизнес-Пресса», 2006. 278 с.
6. Исхакова М. Г. Тимбилдинг: раскрытие ресурсов организации и личности. СПб.: Речь, 2010. 256 с.
7. Крайденков Я. А., Свиридова Л. В. Командообразование в условиях цифровой экономики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 318–327. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.24.
8. Красавина Е. В., Забайкин Ю. В., Шихымов М. Особенности управления командной работой в организациях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 3А. С. 350–358. DOI: 10.34670/AR.2019.89.3.038.
9. Куандыков Е. К., Махатова В.К., Куандыкова Р. К. Team building. Развитие навыков работы в команде как основа эффективной научной деятельности // Вестник КазНМУ. 2018. № 1. С. 365–367.
10. Куликова Т. И. Технология командообразования в современной организации // Концепт. 2015. № 9. С. 31–35.
11. Наянова К. В. Тимбилдинг как сочетание метода обучения и сплочения персонала // Профессиональная ориентация. 2018. № 1. С. 133–136.
12. Нургалиева А. М., Ахметшина А. Р., Сайфудинова Н. З. Современные методики формирования эффективной команды в организации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 11 (27). С. 221–230.

13. Рахманалиева А. А., Романович О. Г. Виды тимбилдинга и условия его проведения // Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2017. № 5 (12). С. 122–138.
14. Пак В. Д. Виды тренингов командообразования // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1 (57). С. 125–126.
15. Панфилова М. С. Роль командообразования в развитии организации // Актуальные вопросы экономики и управления: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2 марта – 4 апреля 2018 г. / под ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2018. С. 68–73.
16. Петров С. В. Эффективность командообразования в современном процессе управления персоналом // Управление. 2019. № 7 (1). С. 86–90. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-1-86-90.
17. Равикович Н. Е. Тренинг командообразования. Цели, диагностические методики, игры. М.: Генезис, 2003. 112 с.
18. Сарган Г. Г. Тренинг командообразования. СПб.: Речь, 2015. 187 с.
19. Столяренко А. В., Корчемкина Е. К. Методы оценки эффективности системы управления персоналом предприятия // NovaInfo. 2016. Т. 3. № 46. С. 156–159.
20. Сулеева М. Т. Технология тимбилдинга как форма работы с педагогическим коллективом // Педагогика: традиции и инновации: материалы VIII Междунар. науч. конф. / под ред. И. Г. Ахметова. Челябинск, январь 2017. Челябинск: Два комсомольца, 2017. С. 11–14.
21. Халина А. А. Командообразование как явление в управлении современной организацией // Вестник МГТУ «Станкин». 2013. № 1. С. 150–154.
22. Хохлова Т. П. Team-Building как основа современных персонал-технологий // Управление персоналом. 2015. № 1-2 (109). С. 72–85.
23. Davidson F. J. *Managing Projects in Organizations: How to Make the Best Use of Time, Techniques, and People*. N. Y., Jossey-Bass Publ., 2003. 288 p.
24. Holmstrom B. Moral hazard in teams // *Bell Journal of Economics*. 1982. Vol. 13. P. 324–340.
25. Wick C W., Leon L. S. Creating a learning organization: from ideas to action // *Human Resource Management*. 1995. Vol. 34. Iss. 5. P. 299–311.

REFERENCES

1. Bobeiko I. O., Chernomorets A. S., Lobodzinskaya T. P. [Teambuilding as a key to building a successful team]. In: *Naukovij visnik Uzhgorods'kogo nacional'nogo universitetu: Seriya: Mizhnarodni ekonomichni vidnosini ta svitove gospodarstvo* [Bulletin of Uzhgorod National University: Series: International Economy and State Acknowledgment], 2017, vol. 13, pt. 1, pp. 23–26.
2. Brounstein M. *Managing teams for dummies* (Russ. ed.: V. P. Nagornyak., transl., *Upravlenie komandami: teoriya i praktika postroeniya effektivnoj komandy*. Moscow, Williams Publ., 2004. 234 p.).
3. Zinkevich-Evstigneeva T. D. *Effektivnaya komanda: shagi k sozdaniyu. Rukovodstvo dlya tekh, kto hochet sozdat' svoyu komandu* [Effective team: steps to create. A guide for those who want to build their own team]. St. Petersburg, Rech Publ., 2003. 128 p.
4. Izard C. K. *Psychology of emotions* (Russ. ed: Tatlybaev M. V., transl.; *Psychologiya emocii*. St. Petersburg, Peter Publ., 2008. 464 p).
5. Isaev V. V. *Organizaciya raboty komandy proekta* [Organization of the project team work. Psychology, strategy, tactics]. St. Petersburg, Business-Press Publ., 2006. 278 p.

6. Iskhakova M. G. *Timbuilding: raskrytie resursov organizacii i lichnosti* [Teambuilding: disclosure of the resources of the organization and personality]. St. Petersburg, Rech Publ., 2010. 256 p.
7. Kraidenkov Ya. A., Sviridova L. V. [Team building in the digital economy]. In: *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences], 2019, no. 4, p. 318–327. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.24.
8. Krasavina E. V., Zabaykin Yu. V., Shikhymov M. [Features of management of team work in organizations]. In: *Economy: yesterday, today, tomorrow* [Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra], 2019, vol. 9, no. 3A, pp. 350–358. DOI: 10.34670 / AR.2019.89.3.038.
9. Kuandykov E. K., Makhatova V. K., Kuandykova R. K. [Team building. Development of teamwork skills as the basis of effective scientific activity]. In: *Vestnik KazNMU* [Bulletin of KazNMU], 2018, no. 1, pp. 365–367.
10. Kulikova T. I. [Team building technology in modern organization]. In: *Koncept* [Concept], 2015, no. 9, pp. 31–35.
11. Nayanova K. V. [Teambuilding as a combination of training method and staff rallying]. In: *Professional'naya orientaciya* [Professional orientation], 2018, no. 1, pp. 133–136.
12. Nurgalieva A. M., Akhmetshina A. R., Sayfudinova N. Z. [Modern methods of forming an effective team in an organization]. In: *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki* [Skif. Student science questions], 2018, no. 11 (27), pp. 221–230.
13. Rakhmanalieva A. A., Romanovich O. G. [Types of teambuilding and the conditions for its implementation]. In: *Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma buhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii* [Proceedings of Issyk-Kul forum of accountants and auditors of Central Asian countries], 2017, no. 5 (12), pp. 122–138.
14. Pak V. D. [Types of team building trainings]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal], 2017, no. 3-1 (57), pp. 125–126.
15. Panfilova M. S. [The role of team building in the development of the organization]. In: Chernov P. P., ed. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk, 2 marta – 4 aprelya 2018 g.* [Topical issues of economics and management: collection of materials of the IV International scientific and practical conference. Novosibirsk, March 2–April 4, 2018]. Novosibirsk, Centr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ., 2018. pp. 68–73.
16. Petrov S. V. [Efficiency of team building in the modern process of personnel management]. In: *Upravlenie* [Management], 2019, no. 7 (1), pp. 86–90. DOI: 10.26425 / 2309-3633-2019-1-86-90.
17. Ravikovich N. E. *Trening komandoobrazovaniya* [Training of team building. Goals, diagnostic techniques, games]. Moscow, Genesis Publ., 2003. 112 p.
18. Sartan G. G. *Trening komandoobrazovaniya* [Training of team building]. St. Petersburg, Rech Publ., 2015. 187 p.
19. Stolyarenko A. V., Korchemkina E. K. [Methods for assessing the effectiveness of the enterprise personnel management system]. In: *NovaInfo*, 2016, vol. 3, no. 46, pp. 156–159.
20. Suleeva M. T. [Teambuilding technology as a form of work with the teaching staff]. In: Akhmetov I. G., ed. *Pedagogy: traditions and innovations: materials of the VIII Intern. scientific. conf. Chelyabinsk, January 2017.* [Pedagogy: traditions and innovations: materials of the VIII Intern. scientific. conf. Chelyabinsk, January 2017]. Chelyabinsk, Two Komsomolets Publ., 2017, pp. 11–14.
21. Khalina A. A. [Team building as a phenomenon in the management of a modern organization]. In: *Bulletin of MSTU "Stankin"* [Bulletin of MSTU "Stankin"], 2013, no. 1, pp. 150–154.

22. Khokhlova T. P. [Team-Building as the basis of modern personnel technologies]. In: *Personnel management*, 2015, no. 1-2 (109), pp. 72–85.
23. Davidson F. J. *Managing Projects in Organizations: How to Make the Best Use of Time, Techniques, and People*. N. Y., Jossey-Bass Publ., 2003. 288 p.
24. Holmstrom B. Moral hazard in teams. In: *Bell Journal of Economics*, 1982, vol. 13, pp. 324–340.
25. Wick C. W., Leon L. S. Creating a learning organization: from ideas to action. In: *Human Resource Management*, 1995, vol. 34, iss. 5, pp. 299–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Селезнева Юлия Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого;

E-mail: ukka74@list.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-4884>

Осипов Иван Владимирович – директор ООО «Центр “Витязь”;

E-mail: osipov@vityazgroup.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9319-1341>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Selezneva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogy, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy;

E-mail: ukka74@list.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-4884>

Ivan V. Osipov – Director of Center «Vityaz» LLC;

E-mail: osipov@vityazgroup.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9319-1341>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Селезнева Ю. А., Осипов И. В. Тимбилдинг как уникальный инструмент формирования «командного духа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2021. № 4. С. 131–144.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-131-144

FOR CITATION

Selezneva U. A., Osipov I. V. Teambuilding as a unique tool for forming «team spirit». In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, 2021, no. 4, pp. 131–144.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-131-144

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-145-157

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Мишина М. М.¹, Воробьева К. А.²

¹ *Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

² *Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить индивидуально-психологические особенности подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх. В статье отмечается, что разделение игр на такие жанры как «шутеры», «гонки», «квест», «стратегии», «ролевые» и «онлайн-игры» развивает различный спектр навыков, свойств и психологических качеств подростков. Авторами рассматриваются специфика игровой компьютерной деятельности, выбор жанров компьютерных игр подростками, а также описано положительное и отрицательное влияние компьютерных игр на их поведение.

Процедура и методы. В статье рассматриваются связи показателей индивидуально-психологических особенностей подростков, полученные и проанализированные с помощью метода анкетирования (этот тип сбора данных был посвящён особенностям характера игровой активности), а также с помощью следующих методик: опросника «Подростки о родителях» (в адаптации Л. И. Вассерманова, И. А. Горьковой, Е. Е. Роминициной); «Диагностики межличностных отношений» (Т. Лири); «Методики исследования самооценки личности» (С. А. Будасси).

Результаты. Анализ связи показателей индивидуально-психологических особенностей подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх показали, что наибольшее влияние в формировании тенденции к излишней видеоигровой деятельности оказывают такие факторы, как выраженная враждебность родителей к подросткам и недостаточный позитивный интерес; в контексте отношений со сверстниками такими факторами являются доминирование, подозрительность и эгоистичность. Также было установлено, что

© СС ВУ Мишина М. М., Воробьева К.А., 2021.

подростки, играющие до 3 часов в сутки на смартфонах, увлекаются мобильными играми, в которые играют в перерыве между делами, при поездке в транспорте; они обычно не делают видеоигровую деятельность своим основным или важным хобби, а уделяют время на игру в перерывах между основными видами занятий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа и систематизации теоретического материала и проведения эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх могут быть использованы для своевременной диагностики личностного развития подрастающего поколения с целью гармонизации поведения. Разработка программ личностного роста подростков и психологических рекомендаций для родителей подростков «группы риска» по формированию компьютерной зависимости даст возможность избежать девиантного поведения.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности, подростки с разными предпочтениями в компьютерных играх, диагностика личностного развития, компьютерная зависимость, гармонизация поведения

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT PREFERENCES IN COMPUTER GAMES

M. Mishina¹, K. Vorobyeva²

¹ *Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Russian State University for the Humanities,*

square Miuskaya 6, GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games. The article states that division of games into such genres as: shooters, races, quests, strategies, role-playing and online games develops a various range of skills, properties and psychological qualities of teenagers. The study is devoted to the study of individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games. The authors consider the specifics of computer gaming activity, the choice of genres of computer games by teenagers, and also describe the positive and negative impact of computer games on their behavior.

Methodology. The article considers the relationships of indicators of adolescents' individual psychological characteristics, obtained and analyzed with the use of the method of questioning the nature of game activity, as well as the following methods: the questionnaire "Teenagers about parents" (adapted by Vassermanova L. I., Gorkova I. A., Rominitsina E. E.); Diagnostics of interpersonal relations (Leary T.); the methodology of self-esteem research (Budassi S. A.).

Results. The analysis of the relationships between the indicators of individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games showed that the greatest contribution to the formation of the tendency to excessive video game activity is made by such factors as the expressed hostility of parents to adolescents and insufficient positive interest. In the context of relationships with peers, such factors include: dominance, suspicion

and selfishness. Teenagers, who play up to 3 hours a day on smartphones, are involved into mobile games, which are played in between, when traveling in transport. Teenagers who prefer such games usually do not make video game activities their main or important hobby, but devote time to playing in between the main types of activities.

Research implications. The results of the analysis and systematization of theoretical material and conducting an empirical study of the individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games can be used for timely diagnostics of the personal development of the younger generation in order to harmonize the behavior. The development of programs for the personal growth of adolescents and psychological recommendations for parents of adolescents of the “risk group” on the formation of computer addiction will make it possible to avoid deviant behavior.

Keywords: *individual* psychological characteristics, adolescents with different preferences in computer games, diagnostics of personal development, computer addiction, harmonization of behavior

Введение

Игровая индустрия всецело захватила медиапространство развлекательной продукции, которую поглощают представители подрастающего поколения. В жизни современного подростка большое значение имеют ролевые групповые компьютерные онлайн-игры типа “MMORPG”, “MUD”, в которые одновременно играют несколько подростков, включённых в виртуальный мир приключений со значимыми ролевыми позициями в психологически захватывающих сюжетах из мира фантазии. Играя, подросток становится героем уникального события. В игре он становится субъектом деятельности, самостоятельно конструирующим совместное смысловое пространство [1; 8]. Разработчики компьютерных игр создают большое количество виртуальных персонажей, и играющий сам может выбрать, кем играть, и с какими геймерами общаться. Следует отметить, что в данный момент большой популярностью пользуются игры, в которых автором может стать сам геймер. Поэтому можно наблюдать рост субъектности современного подростка.

Имеет место общественная дискуссия о положительном или отрицательном влиянии компьютерных онлайн-игр на психику и поведение современного подростка [5; 15]. К положительным эффектам компьютерных игр можно отнести то, что подростки демонстрируют более высокую скорость принятия решений, лучшую способность к параллельному выполнению нескольких задач (многозадачность), они более успешны в задачах, связанных со стратегическим планированием. У них также лучше развиты «пространственные способности» (или “spatial abilities” – «способности ориентироваться в пространстве»), способности мысленно визуализировать объекты, решать задачи на мысленное вращение, представлять сложные пространственные конфигурации объектов. В трудах многих отечественных исследователей указано, что компьютерные игры улучшают моторику и концентрацию внимания, а также способствуют развитию творческих способностей. Компьютерные игры помогают развивать креативность, критическое мышление, а также они

являются важным составляющим в процессе обучения [10; 11].

С другой стороны, отмечается и негативное влияние игр на психику и поведение подростков: чаще наблюдаются симптомы дефицита внимания и гиперреактивности, повышенная импульсивность поведения, снижение произвольной концентрации внимания и долговременного запоминания. В работах, рассматривающих отрицательное влияние компьютерных игр, психологи отмечают особый вид феномена игровой зависимости – проблему компьютерной игровой зависимости [16]. Авторами определяется роль её личностных и социальных предпосылок, изучаются способы избавления от данной игровой зависимости. Ю. В. Фомичева [14] считает, что существуют индивидуально-психологические предпосылки к развитию интереса к компьютерным играм, при этом, чем дольше человек увлекается играми, тем сильнее становится зависимость между индивидуальными особенностями и игровой активностью. С. Н. Ениколопов [6], А. Н. Волков [2] и др. в своих трудах затрагивают проблему агрессивности в компьютерных играх, их влияния на психическое состояние играющего. В связи с этим в настоящее время участились случаи обращения родителей за помощью к психологам и психотерапевтам [13]. В России и за рубежом открыты специализированные клиники для лечения «геймеров» (патологических игроков) [9].

Влияние онлайн игр на познавательную деятельность подростков зависит от типа предпочитаемых игр. Причём неверно считать, что существует влияние компьютерных игр «вообще» на

когнитивное развитие подростков. Оно является либо «положительным», либо «отрицательным».

В зависти от типа предпочитаемых игр могут развиваться различные когнитивные способности [12]. По словам Л. С. Выготского, игра – это переработка пережитых впечатлений, построение на их основе новой действительности, которая отвечает запросам и влечениям самого ребёнка [4, с 7].

Увлечённость онлайн-играми можно рассматривать как бегство от реальности. Подросток не может удовлетворить свои потребности в реальной жизни, поэтому ищет различные способы реализации познавательных мотивов в виртуальном мире. Поэтому активно исследуется проблема связи игровой активности с дисфункциональностью детско-родительских отношений и нарушениями взаимодействия со сверстниками [3, 11, 14]. Перечисленные авторы в своих исследованиях выявили связь чрезмерной увлечённости видеоиграми с неадекватной самооценкой и нарушением коммуникации со сверстниками и родителями. И. А. Ершова, Т. А. Чудинов М. Е. Пермьякова исследовали эмоциональные состояния подростков, увлечённых компьютерными играми, и показали, что у большинства подростков, чрезмерно зависимых от таких игр, без объективных причин снижен общий фон настроения, который не улучшается после игры. Игровые аддикты испытывают устойчивую потребность в игре, но вместе с тем не могут полностью удовлетвориться ею, поэтому находятся в состоянии фрустрации [7].

Объект исследования: индивидуально-психологические особенности подростков.

Предмет исследования: индивидуально-психологические особенности подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх.

Общая гипотеза исследования: подростки с разными предпочтениями в компьютерных играх характеризуются следующими индивидуально-психологическими особенностями: при выраженном интересе к играм, связанным с достижениями, подростки характеризуются зависимостью, подчинённостью, подозрительностью, эгоистичностью и доминированием в межличностных отношениях.

Эмпирическая выборка: 60 подростков в возрасте от 14 до 15 лет. Анализ данных анкеты, целью которой было выявление характера игровой активности, позволяет сказать о предпочтении подростками компьютерных игр, в зависимости от их видов: онлайн или оффлайн: подростки, играющие в онлайн-игры, отдают предпочтение соревновательным жанрам «королевской битвы» (“Fortnite”, “Apex” и т. д.) и “МОБА” / “Multiplayer Online Battle Arena” (“Dota 2”, «Лига легенд»).

Эмпирическое исследование индивидуально-психологических различий, проведённое по опроснику «Подростки о родителях» (в адаптации Л. И. Вассерманова, И. А. Горьковой, Е. Е. Роминициной) показало, что для данной выборки подростков (n=60) характерно оценивать отношение к себе отца прежде всего как позитивное (шкала позитивного интереса преобладающая). Данный факт говорит о том, что подростки склонны видеть отца как человека, строящего отношение с детьми не с позиции грубой силы и декларирования догм поведения, а

при помощи доверительных отношений и теплоты. Такие отцы готовы к открытому диалогу, могут принять и понять позицию ребёнка. Однако отцы не склонны направлять своих детей в русло заданных обществом социальных норм и морали, о чём говорит шкала директивности, имеющая наименьшее значение. Данный образ отца не лишён отстранённости, он не склонен первым замечать интересы и результат деятельности своих детей, пока те сами не начнут взаимодействие с отцом. Обо всём этом говорит шкала автономности, находящаяся на третьем месте.

Несмотря на то, что выше описана позитивная фигура отца, к ней относится и негативная составляющая, проявляющаяся в тенденции воспитать «идеального» ребёнка. О данной тенденции говорит шкала враждебности. Однако данный параметр не носит постоянного характера и является лишь возможной реакцией, о чём говорит шкала непоследовательности, по своей выраженности находящаяся в примерно том же значении.

В итоге фигура отца для выборки выглядит всё же именно позитивной, т. к. шкала позитивного интереса наиболее сильно выражена, а шкалы враждебности и непоследовательности находятся на примерно одинаковом уровне, а по выраженности ниже. Шкала автономности находится в примерно том же диапазоне, что и предыдущие две шкалы. Всё это позволяет построить образ отца как немного отстранённого, но позитивного, выстраивающего доверительные отношения со своими детьми, однако всё же склонного время от времени прибегнуть к жёстким мерам.

Для данной выборки подростков ($n=60$) фигура матери представляется как дружелюбная, не склонная к излишней агрессии и властности, однако проявляющая свою заботу с навязыванием ребёнку вины, т. к. она «жертвует всем для него». Такая мать также пытается исключить неправильное, с её точки зрения, поведение ребёнка, так как её статус и самовыражение она строит именно через воспитание.

В отношении остальных шкал наблюдается примерно такая же картина, как и в случае оценки отца: рядом идущие автономность и непоследовательность. Однако в данном случае шкала враждебности более выражена. Всё это может говорить о том, что мать может проявлять строгость и подозрительность. Но, как и в случае с фигурой отца, всё же в первую очередь образ матери представляется позитивным, хоть и не лишённым тенденции к внушению вины и периодической враждебности.

Стоит отметить, что все вышеприведённые характеристики стоит воспринимать с позиции их значений относительно нормы, т. к. отрицательные качества и отца, и матери находятся в слабой выраженности.

«Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири) показала, что подростки ($n=60$) более склонны к лидерству, независимости мнения и готовности отстаивать его при конфликте интересов. Однако в контексте данной методики наибольшей значимостью обладают доминирование и дружелюбие, а проявление агрессивной конкурентной позиции препятствует успешной совместной деятельности.

Методика исследования самооценки личности (С. А. Будасси) выявила, что

у 6 подростков ($n=60$) – заниженная самооценка по невротическому типу. У большинства подростков самооценка завышена: у 30 ($n=60$) подростков самооценка завышена по невротическому типу, у 24 ($n=60$) – адекватно завышена.

Подростки, отметившие, что играют в оффлайн-игры более 3 часов, указали, что их интересуют такие виды игр, как серия “DarkSouls”, а также гоночные симуляторы. Эти игры не объединены одним жанром, однако их роднит (как между собой, так и с указанными выше онлайн-играми) то, что это игры, ориентированные в первую очередь не на сюжет и прохождение как самоцель, а на сложный геймплей, где прохождение этапов игры является показателем умения. Подростки, играющие на мобильных устройствах, указали типы игр, которые можно отнести к так называемому жанру «убийц времени», суть которых – скоротать время в поездках.

Вышеописанные данные позволяют разделить выборку на 2 части: 35 подростков ($n=60$), вовлечённых в игровую деятельность (проводящих достаточно много времени за игрой (более 3 часов) и предпочитающих игры, где целью является достижение некоего результата, будь то выигрыш в соревновательном матче или прохождение сложного этапа игры) и 25 подростков ($n=60$), не вовлечённых (играющих редко, не более 3 часов в сутки).

Данное деление общей выборки подростков на отдельные группы дало возможность не только проанализировать индивидуально-психологические различия между ними, но и подтвердить или опровергнуть поставленные гипотезы. Для проверки данных предположений использован критерий Манна-Уитни, который позволил ста-

Таблица 1 / Table 1

Оценка межгрупповых различий индивидуально-психологических особенностей по показателям детско-родительских отношений с отцом по критерию Манна-Уитни / Assessment of intergroup differences in individual psychological characteristics according to the indicators of child-parent relations with the father according to the Mann-Whitney criterion

Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
Распределение враждебности является одинаковым для подгрупп	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,001	нулевая гипотеза отклоняется
Распределение позитивного интереса является одинаковым для подгрупп	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,005	нулевая гипотеза отклоняется

Примечание: переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным курсивом.

Таблица 2 / Table 2

Оценка различий индивидуально-психологических особенностей межгрупповых различий по показателям детско-родительских отношений с матерью по критерию Манна-Уитни / Assessment of differences in individual psychological characteristics of intergroup differences in indicators of child-parent relations with the mother according to the Mann-Whitney criterion

Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
Распределение враждебности является одинаковым для подгрупп	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,004	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение позитивного интереса является одинаковым для подгрупп	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется

Примечание: Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным курсивом.

статистически подтвердить или опровергнуть достоверность различий между группами подростков, вовлечённых 35 ($n=60$) и 25 ($n=60$) не вовлечённых в игровую деятельность.

Далее был проведён анализ межгрупповых различий индивидуально-психологических особенностей подростков по опроснику «Подростки о родителях» (в адаптации Л. И. Вассерманова, И. А. Горьковой, Е. Е. Роминициной) с помощью критерия U Манна-Уитни.

Из таблицы 1 видно, что асимптотическая значимость на уровне ниже 0,05 наблюдается в двух случаях: враждебность и позитивный интерес в показателях межгрупповых различий детско-родительских отношений с отцом с использованием критерия Манна-Уитни. Это говорит о том, что по данным шкалам между группами вовлечённых 35 ($n=60$) и 25 ($n=60$) не вовлечённых в игровую деятельность подростков существует статистически значимое различие.

Таблица 3 / Table 3

Оценка межгрупповых различий по показателям методики «Диагностика межличностных отношений Лири» с использованием критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test) / Assessment of intergroup differences according to the indicators of the Leary Interpersonal Relations Diagnostics Methodology using the Mann-Whitney U-test

Нулевая гипотеза	Значимость (Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок)	Решение
Распределение октаны «авторитарный» является одинаковым для подгрупп	0,004	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «эгоистичный» является одинаковым для подгрупп	0,001	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «агрессивный» является одинаковым для подгрупп	0,027	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «подозрительный» является одинаковым для подгрупп	0,020	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «подчиняемый» является одинаковым для подгрупп	0,000	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «зависимый» является одинаковым для подгрупп	0,048	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «дружелюбный» является одинаковым для подгрупп	0,005	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение октаны «альтруистический» является одинаковым для подгрупп	0,006	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение параметра «доминирование» является одинаковым для подгрупп	0,001	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение параметра «дружелюбие» является одинаковым для подгрупп	0,002	Нулевая гипотеза отклоняется

В таблице 2 представлена оценка межгрупповых различий по показателям детско-родительских отношений с матерью с использованием критерия Манна-Уитни.

Из таблицы 2 видно, что асимптотическая значимость на уровне ниже 0,05 наблюдается в двух случаях: враждебность и позитивный интерес показателей межгрупповых различий детско-родительских отношений с матерью с использованием критерия Манна-Уитни.

Данные шкалы непосредственно показывают, что подростки воспринимают отношения с родителями как тёплые,

доверительные, либо же как авторитарные и деспотичные. Учитывая статистически достоверные различия по данным шкалам, можно сделать вывод о частичном подтверждении первой гипотезы исследования: *подростки, отношение родителей к которым характеризуется выраженными враждебностью и недостатком позитивного интереса, склонны проводить свободное время в играх, связанных с достижениями.*

Далее рассмотрим результаты статистического анализа методики «Диагностика межличностных отношений Лири» (табл. 3).

Как видно из приведённых выше данных, по всем октанам наблюдается статистически значимое различие. Эти данные позволяют сделать вывод о частичном подтверждении второй гипотезы исследования: *подростки с преобладанием подозрительности, эгоистичности и доминирования в межличностных отношениях склонны проводить свободное время в играх, связанных с достижениями.*

При статистическом анализе результатов методики «нахождение количественного выражения уровня самооценки по Будасси» статистически значимого различия найдено не было, что позволяет сделать вывод об опровержении третьей гипотезы исследования.

Выводы

1. Подростки, к которым отношение родителей характеризуется выраженными враждебностью, непоследовательностью и недостатком позитивного интереса, склонны проводить свободное время в играх, связанных с достижениями. Показатели «подчиняемость» и «зависимость» свойственны группе не вовлечённых в видеоигровую деятельность подростков. У не вовлечённых в компьютерные игры выше показатели позитивного интереса со стороны обоих родителей, а у вовлечённых – враждебности.

2. Исследование самооценки групп вовлечённых и невовлечённых подростков не выявило достоверных различий. При этом у обеих групп самооценка находится на одинаковом уровне выраженности – завышенном по невротическому типу.

3. Подростки с преобладанием зависимости, подчинённости, подозрительности, эгоистичности и доминиро-

вания в межличностных отношениях склонны проводить свободное время в компьютерных играх, направленных на личные достижения.

Заключение

В отношении подростков авторы выделяют детско-родительские отношения, которые влияют на тенденцию излишнего проведения времени за видеоиграми. В проведённом исследовании было выявлено, что наибольший вклад в формирование тенденции к излишней видеоигровой деятельности подростков вносят такие факторы, как выраженная враждебность родителей к подросткам и недостаточный позитивный интерес. В контексте отношений со сверстниками такими факторами являются доминирование, подозрительность и эгоистичность.

Однако, несмотря на то, что многими авторами указывается влияние самооценки на проводимое время за видеоиграми, а именно её завышенный или заниженный уровень, в данном исследовании этот факт отражения не нашёл: у подростков, увлечённых компьютерной игрой и не увлечённых, уровень самооценки – завышенный, тогда как у подростков с адекватной самооценкой было отмечено отсутствие потребности в самоутверждении или в принятии чужой роли. Они предпочитают проводить время с семьёй и сверстниками и спокойно относятся к компьютерным играм. Самооценка связана с успешностью деятельности подростка и его социально-психологическим статусом в коллективе. В случае заниженной или, наоборот, завышенной самооценки подросток для «разрядки» или же для ассоциации

себя с сильным героем склонен проводить время за видеоиграми.

Проживание в виртуальном мире позволяет подросткам чувствовать собственную силу, способствующую социальному успеху.

Чрезмерное увлечение компьютерными играми связано с исчезновением разновозрастных «дворовых» компаний. Сведение общения со сверстниками к минимуму привело к возникновению ситуации, в которой единственной игрой, которую подросток может освоить самостоятельно, становится компьютерная игра. Особенно заметно это стало в период самоизоляции в пандемию. В современном обществе очень слабо развита и представлена субкультура «дворовых» игр, и это лишает подростков одного из источников межличностной коммуникации со сверстниками. Компьютер на этом фоне становится удобным «другом»: в отличие от реально существующего одноклассника, компьютер всегда доступен и по-

зволяет общаться с онлайн-пользователями, с его помощью легко наладить и также легко прекратить коммуникацию, если разговор станет неприятным.

Авторами статьи были отмечены следующие психологические рекомендации для родителей подростков «группы риска формирования компьютерной зависимости»:

– знать виды игр, в которые играет подросток, и контролировать те игры, которые вызывают реакции раздражительности и излишней возбудимости;

– ориентировать подростков на онлайн-игры, развивающие когнитивную сферу личности и способствующие формированию положительной мотивации к общественно-полезной деятельности;

– установить специальные сетевые фильтры программного обеспечения для временного ограничения компьютерных онлайн-игр.

*Статья поступила
в редакцию 04.08.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Войскунский А. Е., Петренко В. Ф., Смылова О. В. Мотивация хакеров: психосемантическое исследование // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 104–118.
2. Волков А. Н. Стратегии преодоления Интернет-зависимости в подростковой среде // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 8 декабря 2016 г. / под ред. А. А. Тагановой, С. А. Павловой, И. С. Нестеренко, Н. А. Деевой, А. С. Бондаренко, А. С. Осиповой. Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 2008. С. 144–150.
3. Воробьева К. А. Воздействие демонстрации в СМИ сцен насилия на развитие личности подростков // Воспитание школьников: теоретический и научно-методический журнал. 2019. № 5. С. 37–43.
4. Выготский Л. С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка / Хрестоматия по детской психологии от младенца до подростка. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 656 с.
5. Грушина А. А., Данилова М. В. Влияние СМИ на личность подростка // Молодой учёный. 2018. № 3 (189). С. 162–164.
6. Ениколопов С. Н. Массовая коммуникация и проблема насилия [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. URL: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/25570/> (дата обращения: 11.07.2021).

7. Ершова И. А., Чудинов Т. А., Пермякова М. Е. Личностные особенности подростков с разными стадиями компьютерной зависимости // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2. С. 91–98.
8. Кочетков Н. В., Воложаева Е. Н. Взаимосвязь увлечённости онлайн-играми и мотивации к обучению разностатусных школьников // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 4. С. 34–42.
9. Макалатия А. Г., Матвеева Л. В. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 15–24.
10. Мишина М. М., Григорьева С. И., Губанов А. В. Интернет-зависимость и переживание одиночества современным молодым человеком // Гуманитарное пространство. 2018. Т. 7. № 3. С. 504–514.
11. Пахомова В. Г. Детско-родительские отношения как фактор развития игровой активности младшего школьника в поле игровой виртуальной реальности // Российский психологический журнал. 2016. №1. С. 105–112.
12. Собкин В. С., Евстигнеева Ю. М. Особенности интереса учащихся к компьютерным играм: жанровые предпочтения // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: материалы международной интернет-конференции. Москва, 20 марта 2001 г. / под ред. А. Е. Войскунского. М.: Моск. общ. науч. фонд, 2001. С. 26–35.
13. Фальков А. И. Ребёнок и компьютер // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 2000. № 4. С. 14.
14. Фомичева Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В. Психологические корреляты увлечённости компьютерными играми // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1991. № 3. С. 27–39.
15. Grusser S. M., Thalermann R., Griffiths M. D. Excessive computer game playing: evidence for addiction and aggression? // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10. № 2. P. 290–292.
16. Schutter B. D. Never too old to play: The appeal of digital games to an older audience // *Games and Culture*. 2011. Т. 6. № 2. P. 155–170.

REFERENCES

1. Vojskunsij A. E., Petrenko V. F., Smyslova O. V. [Motivation of hackers: psycho-semantic research]. In: *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2003, vol. 24, no. 1, pp. 104–118.
2. Volkov A. N. [Strategies for overcoming Internet addiction in adolescents]. In: Taganova A. A., Pavlova S. A., Nesterenko I. S., Deeva N. A., Bondarenko A. S., Osipova S. A., ed. *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 8 dekabrya 2016 g.* [Phenomenology and prevention of deviant behavior: materials of the All-Russian. scientific-practical conf. Krasnodar, December 8, 2016]. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2008, pp. 144–150.
3. Vorobëva K. A. [The impact of the demonstration of scenes of violence in the media on the development of the personality of adolescents]. In: *Vospitanie shkol'nikov: teoreticheskij i nauchno-metodicheskij zhurnal* [Education of schoolchildren: theoretical and scientific-methodical journal], 2019, no. 5, pp. 37–43.
4. Vygotskij L. S. *Igra i eyo rol' v psihicheskom razvitii rebyonka* [Game and its role in the mental development of a child] // *Hrestomatiya po detskoj psihologii ot mladenca do podroстка*

- [Reader on child psychology from infant to adolescent]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2005. 656 p.
5. Grushina A. A., Danilova M. V. [Influence of the media on the personality of a teenager]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2018, no. 3 (189), pp. 162–164.
 6. Enikolopov S. N. [Mass communication and the problem of violence] [Electronic source]. In: *Ekologiya i zhizn'*. Available at: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/25570/> (accessed: 11.07.2021).
 7. Ershova I. A., Chudinov T. A., Permyakova M. E. [Personal characteristics of adolescents with different stages of computer addiction]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News of the Ural Federal University. Series 1: problems of education, science and culture], 2016, no. 2, pp. 91–98.
 8. Kochetkov N. V., Volozhaeva E. N. [The relationship between enthusiasm for online games and motivation for teaching students of different status]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education. 2021], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 34–42.
 9. Makalatiya A. G., Matveeva L. V. [Subjective factors of attractiveness of computer games for children and adolescents]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2017, no. 1 (25), pp. 15–24.
 10. Mishina M. M., Grigor'eva S. I., Gubanov A. V. [Internet addiction and the experience of loneliness by a modern young person]. In: *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanitarian space], 2018, vol. 7, no. 3, pp. 504–514.
 11. Pahomova V. G. [Child-parent relations as a factor in the development of play activity of a younger student in the field of virtual reality play]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian psychological journal], 2016, no. 1, pp. 105–112.
 12. Sobkin B. C., Evstingeeva Yu. M. [Peculiarities of students' interest in computer games: genre preferences]. In: Vojskunskaa I. I., ed. *Social'nye i psihologicheskie posledstviya primeneniya informacionnyh tekhnologij: materialy mezhdunarodnoj internet-konferencii. Moskva, 20 marta 2001 g* [Social and psychological consequences of the use of information technologies: materials of an international Internet conference]. Moscow, Moscow general scientific foundation Publ., 2001, pp. 26–35.
 13. Fal'kov A. I. [Child and computer]. In: *Novye issledovaniya v psihologii i vozrastnoj fiziologii* [New research in psychology and developmental physiology], 2000, no. 4, p. 14.
 14. Fomicheva Yu. V., Shmelev A. G., Burmistrov I. V. [Psychological correlates of enthusiasm for computer games]. In: *Vestnik MGU. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology], 1991, no. 3, pp. 27–39.
 15. Grusser S. M., Thalermann R., Griffiths M. D. Excessive computer game playing: evidence for addiction and aggression? In: *CyberPsychology & Behavior*, 2007, vol. 10, no. 2, pp. 290–292.
 16. Schutter B. D. Never too old to play: the appeal of digital games to an older audience. In: *Games and Culture*, 2011, vol. 6, no. 2, pp. 155–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mishinamm@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

Воробьева Ксения Андреевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности Института психологии имени Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: kseniaprimavera@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9244-9336>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Mishina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of General and Educational psychology, Moscow Region State University;

e-mail: mishinamm@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

Ksenia A. Vorobyeva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Personality Psychology, Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities;

e-mail: kseniaprimavera@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9244-9336>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишина М. М., Воробьёва К. А. Индивидуально-психологические особенности подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 145–157.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-145-157

FOR CITATION

Mishina M. M., Vorobyeva K. A. Individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 145–157.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-145-157

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчики Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – Н. Н. Жильцов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10, уч.-изд. л. 10,75.

Подписано в печать: 21.12.2021. Выход в свет: 23.12.2021. Заказ № 2021/12-05.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А